

Зарема Шаукенова

**ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ
КОНСТРУИРОВАНИЕ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН:
ОСНОВНЫЕ ИТОГИ
20-ти ЛЕТ НЕЗАВИСИМОСТИ**

Алматы, 2012

УДК
ББК
Ш

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан*

Ш Шаукенова З.К. Идеологическое конструирование в Республике Казахстан: основные итоги 20-ти лет Независимости: монография. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2012. – 216 с.

ISBN

Данная монография посвящена идеологическим аспектам развития Казахстана. Причина внимания к этой проблеме очевидна – пережив период глубокого идеологического кризиса, казахстанское общество возвращается к осознанию важности государственной идеологии как социально-политического института, объединяющего граждан страны.

Идеология, как один из важнейших компонентов общественного сознания, выражающий всю совокупность социополитических, экономических и духовных процессов, является действенным инструментом для определения ориентиров развития страны в перспективе.

В монографии предпринимается попытка обозначить некоторые векторы государственной идеологии Казахстана – через изучение особенностей ее формирования за гг. независимости и выявление идеологических предпочтений общества на современном этапе.

Настоящая монография основана на многолетних аналитических и социологических исследованиях, осуществленных в рамках деятельности Администрации Президента Республики Казахстан, Министерства культуры Республики Казахстан, Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.

Монография является расширенным и дополненным изданием книги автора «Идеологический концепт развития Казахстана на современном этапе», вышедшей в 2010 г. в издательстве «Фолиант» при поддержке НДП «Нур Отан» и ОФ «Фонд стратегических разработок».

Книга предназначена для политологов, социологов, государственных служащих, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами идеологического развития государства.

УДК
ББК

ISBN

© КИСИ при Президенте РК, 2012
© Шаукенова З.К., 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ЛИДЕР НАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ И ИДЕОЛОГИИ	6
1.1. Важность персоны лидера страны в идеологическом конструировании	6
1.2. Глобальное видение Н.А. Назарбаева: от закрытия ядерного полигона до идеи о переходе к новой мировой модели развития	20
1.3. Создание основ социокультурной адаптации общества	41
2. МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ТРОЙНОГО ТРАНЗИТА В КАЗАХСТАНЕ	63
2.1. Характер политического транзита Казахстана	63
2.2. Закономерности социально-политического поведения граждан	81
2.3. Модель политического сознания казахстанского общества	91
2.4. Характеристика доминантного типа политического сознания	104
3. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ	116
3.1. Модель социальных реформ в Казахстане	116
3.2. Формирование ценностей и культуры прогресса	124
3.3. Лидерство Казахстана в развитии психологии успешного общества	137
3.4. Вопросы закрепления социального оптимизма в Казахстане	150
4. ИДЕОЛОГИЯ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ	169
4.1. Этапы партийно-политической реконструкции	169
4.2. Партийно-политическая сфера после реформ 2007 г.	175
4.3. Выход «Нұр Отана» на позиции доминантной партии	197
4.4. Новые шаги в партийно-политической реконструкции	213
5. КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ	235
5.1. Роль президентских посланий в формировании идеологии	235
5.2. Отношение граждан к государственной идеологии	251
5.3. Поддержка населением основных идеологем	272
Заключение	291
Литература	296

ВВЕДЕНИЕ

В апреле 2011 г. в Казахстане состоялись внеочередные президентские выборы, итогам которых уверенную победу одержал действующий Глава государства Нурсултан Назарбаев. За него проголосовали 95,55% избирателей при беспрецедентной явке (89,9%) электората [1].

Тем самым казахстанцы в очередной раз дали карт-бланш своему лидеру.

Эта феноменальная победа была одержана в условиях нестабильности в арабском мире, нарастании кризисных явлений в ряде европейских стран. Мы можем много дискутировать по поводу развития страны в обычные дни, но в период принятия стратегических решений общество демонстрирует уникальную способность к объединению.

С учетом данных факторов исследование идеологического феномена Президента Н.А. Назарбаева обретает особую актуальность. Без идеологии невозможно понимание смысла действий лидера. Благодаря политике Н.А. Назарбаева Казахстан не только сформировал четкую идеологическую платформу развития у себя в стране, но и стал предлагать свой опыт в рамках реформирования мировой системы.

Анализ опыта идейно-политического конструирования Казахстана актуализируется празднованием в 2011 г. 20-летия Независимости. Это – не просто одна из хронологических знаменательных исторических дат, но и важный ресурс укрепления национальной идеологии.

В данном исследовании рассматриваются пять аспектов идеологической жизни Казахстана.

Первый аспект – личность Президента, заложившего основы новой идеологии для независимого Казахстана в условиях его государственной независимости.

Второй аспект – это почва для укоренения идеологии. Речь идет о массовом сознании казахстанцев, которое, с

одной стороны, порождает, а, с другой – воспринимает уже сформулированную национальную идеологию.

Третий аспект – социальная политика, которая ложится в основу идеологии.

Четвертый аспект – инфраструктура, являющаяся проводником национальной идеологии. Это – партийная система, механизмы общественного диалога.

Пятый аспект – «идеологические кристаллы», т. е. оформившиеся идеологемы, находящие поддержку у населения.

Данная работа основана на сочетании двух методов – политического анализа и количественных показателей социологических исследований. По комплексу предлагаемых читателю показателей сформированы сравнительные цифровые ряды, которые могут дать представление о динамике развития общественного сознания в Казахстане на протяжении всего периода с момента обретения независимости.

1. ЛИДЕР НАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ И ИДЕОЛОГИИ

Фактор лидерства в современной истории имеет большое значение, это уже было доказано неоднократно в различных научных трудах и в реальном политическом процессе. Особая миссия лежит на первых президентах или лидерах, которые возглавляют процессы, возникающие на стыке разных эпох.

1.1. Важность персоны лидера страны в идеологическом конструировании

Хотя идеология возникает на общественной почве, ее формулирование и продвижение зависят от качества политического лидерства. Идеология – есть основа состоятельности государства, а предложить идеологию, которую разделяет большинство, могут только великие люди.

Президент Н.А. Назарбаев в своей работе «Казахстанский путь» выделил ряд исторических персон, которые стали для него примерами. «Это первый Президент Турции Кемаль Ататюрк, 31-й американский Президент Франклин Делано Рузвельт, «отец китайских реформ» Дэн Сяопин, экс-Премьер-министр Малайзии Махатхир Мохаммад. Но особенно я выделил двух выдающихся деятелей, являющихся основателями государств и ставших в чем-то личным примером для меня. Это – Президент Франции Шарль де Голль, а также... Ли Куан Ю, отец-основатель Сингапура» [2, с. 11].

Лидеры проявляются на переломных этапах в жизни общества. Как отмечает Г.Г. Почепцов, «...Политик призван объединять вокруг себя население, служить для него определенной фигурой защиты. Лидеры нации высоко оцениваются тогда, когда они не только могут увидеть будущее, но и

способны увлечь население именно туда... Парламентарий Д. Хилл говорит о роли лидеров в истории: «Неизвестно, смогла бы Британия пережить Вторую мировую войну без Черчилля в качестве политического лидера; произошла бы революция 17-го г. так, как она произошла, без Ленина. Советское правительство не закончило бы «холодную войну» в конце 80-х без Горбачева» [3, с. 309].

Личности создают целые парадигмы цивилизационного развития. Об этом говорит казахстанский ученый К.Г. Габдуллина: «Для цивилизационного развития необходимо, с одной стороны, рождение сильных людей с лидерскими качествами, во-вторых, само общество, которое готово воспринять новые идеи и воплощать их в жизнь. А.Дж. Тойнби отметил, что в любом обществе может родиться сильная личность, способная стать во главе активного меньшинства и вывести общество из стагнации» [4, с. 6].

Для общественного признания лидеру необходимо иметь не просто организаторские и ораторские способности. Практически всегда лидер берет на себя миссию социальной инженерии. Как отмечал известный политолог М.С. Машан, у президента Н.А. Назарбаева отсутствует страх перед «социальной инженерией», т. е. перед необходимостью каждодневно подталкивать свой народ к совершенствованию. Не только экономики, а даже и национального характера» [5, с. 3].

Примером социального инженера нации является творец «сингапурского чуда» Ли Куан Ю. Став в 1959 г. премьер-министром страны, он первым делом поставил две задачи: организовать оборону государства и научиться зарабатывать на жизнь. Его ключевой идеологемой стало: «Мир не обязан нас кормить». И он стремился построить не такое общество, которое кое-как кормит себя, а общество, живущее по самым серьезным социальным стандартам. Экономика стала приоритетом номер один. Ли Куан Ю сделал ставку на развитие

инфраструктуры. Он отмечал, что «мы решили перераспределять общественное богатство не через субсидирование потребления, а через накопление собственности». Стремление «простых людей» стать собственниками позволило инвестировать в развитие дорог, мостов, аэропортов, контейнерных портов, электростанций, водохранилищ и метрополитена.

Ли Куан Ю строил процветающий Сингапур как государство-семью, глава которого сам обеспечивает его благополучие, и сам определяет пути достижения этого благополучия. Он убеждал сингапурцев жениться на образованных женщинах, а образованных женщин – иметь больше детей (хотя бы больше одного) – чтобы дети тоже росли образованными. Он боролся с «утечкой мозгов». Ведущим результатом периода правления Ли Куан Ю стал перелом ситуации с коррупцией. В 1998 г. Сингапур вошел в 7-ку наименее коррумпированных государств мира.

В качестве резюме своего правления Ли Куан Ю отметил: «В 1959 г., когда я стал премьер-министром, объем валового национального продукта на душу населения составлял 400 долларов США. В 1990 г., когда я ушел в отставку, он вырос до 12 200 долларов» [6, с. 15].

Если рассматривать опыт Европы, то интерес представляет модель государственного строительства по Шарлю де Голлю. Он основывался на трех простых вещах: сильная исполнительная власть – во внутренней политике, идея «национального величия» – во внешней и «дирижизм» – в социально-экономической сфере. Исходя из такого тройного концепта, Ш. де Голль отмечал, что французская идея – нечто иное, чем старый либерализм или подавляющий все коммунизм – «...что-то простое, достойное и практическое: ассоциация».

В Казахстане учитывается опыт зарубежных стран. В период обретения независимости на душу населения приходилось не более 700 долл. В 2010 г. этот показатель достиг 9

тыс. долл. и ставится задача по достижению 15 тыс. долл. до 2014 г. В экономике в условиях кризиса практикуется режим «ручного управления». Страна проводит активный внешнеполитический курс. В сфере внутренней политики ведущую роль играет исполнительная власть, за счет чего государство обеспечивает социальную базу межэтнического и межконфессионального согласия. Образование является ведущим приоритетом развития Казахстана. На 2012–2014 гг. расходы на образование составят 1132 млрд. тенге.

В Казахстане по примеру зарубежных стран была принята не просто экономическая программа, но стратегия развития, включающая вопросы идеологии. Это – Стратегия «Казахстан-2030».

Среди подобных примеров можно привести курс первого президента Республики Корея Ким Енсама, который получил название «синганхук». Стержнем этой политики стало построение новой Кореи и избавление от старых корейских болезней, в первую очередь, коррупции и гипертрофированной роли военных.

Еще пример, идеология М. Ганди в Индии – Сатьяграха — («стремление к истине»), которой – суть в отождествлении истины и божественного начала, непротивление злу насилем, превращение потенциального противника в реального единомышленника, следование к результату оптимальным, что не значит коротким, путем, самоотверженность, трудолюбие, добровольное самоограничение, индусско-мусульманское единство, сочетание, диалектика разных подходов в экономике для обеспечения всеобщего блага.

В Малайзии ведущую роль играет «рукунегара» («основы государства»), принятая еще в 1970 г. Основными идейными принципами документа являются вера в Бога, преданность монарху и государству, уважение конституции, соблюдение законов, достойное поведение и соблюдение норм морали.

В Индонезии идеологическую функцию выполняет так называемая Панчашила – 5 основных принципов – вера в единого Бога, в единство Индонезии, в гуманность, демократию и совершенную справедливость.

В КНР была принята идеология «социализма с китайской спецификой» (крылатое выражение Дэн Сяопина), в рамках которой проводится модернизация экономики при сохранении консерватизма в политической системе. Опорными для китайской идеологии являются пять добродетелей конфуцианской морали: человечность, справедливость, благородство, самоусовершенствование и верность. В Китае нельзя подвергать критике «четыре основных принципа»: социалистический выбор развития страны; руководящую роль коммунистической партии; марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна; демократическую диктатуру народа.

Можно провести сравнительные линии между миссиями Н.А. Назарбаева и основателя турецкой государственности М. Кемалья Ата-Тюрка. Главной задачей двух лидеров являлся запуск независимого, современного, необремененного пережитками прошлого государства с сильной национальной экономикой, способного к успешному развитию и интеграции в общемировые процессы и проекты.

Президент Н.А. Назарбаев, так же как Ататюрк с «шестью стрелами», выступил с семью стратегическими направлениями развития Казахстана до 2030 г. Одноименная стратегия предопределила выход Казахстана на траекторию устойчивого развития, стала своеобразным лекалом, по которому в дальнейшем кроились фундаментальные и тактические планы, стратегии, тактика государственной власти в Казахстане.

Глава Казахстана также столкнулся с проблемой консолидации полиэтничного общества, причем для Казахстана данная проблема была даже более острой, поскольку этническое

ядро в лице казахов к моменту обретения независимости было доведено до этнического меньшинства.

Однако президентская политика восстановила историческую справедливость. Роль и права казахского этноса как титульного, наследника и преемника современной территории Казахстана, были восстановлены. Одновременно через проведение ненавязчивой, но все же настойчивой национальной политики, казахстанскому руководству удалось гармонично, без применения насилия консолидировать этнические группы Казахстана. Важным индикатором этого стало продвижение казахского языка в качестве государственного. Планируется, что к 2020 г. все выпускники казахстанских школ будут владеть казахским языком.

В этом контексте весьма характерно высказывание Президента РК на первом форуме парламентской ассамблеи ОБСЕ «Трансазиатское измерение ОБСЕ: неразрывное звено безопасности» в июне 2003 г. Тогда он отметил, что политическое развитие Казахстана зачастую неверно трактуется из-за незнания того периода, в котором он живет, а это – именно период «тройной трансформации». При этом ключевым звеном этого этапа является переход от традиционалистского общества к современному, основанному на либеральных принципах. «Для нас особенно важно не допустить столкновения различных культурных платформ, обеспечить гармоничное сочетание национальных традиций с модернизационными установками, постепенно инкорпорируя в общественное сознание новые для людей ценности и отношения» [7, с. 290].

При этом введение по итогам конституционной реформы 2007 г. специальной квоты из девяти депутатов в Мажилисе для Ассамблеи народа Казахстана стало успехом модели межэтнического согласия Президента Н.А. Назарбаева. В число этих депутатов вошли члены Ассамблеи народа Казахстана, которая изначально создавалась как институт общественной

саморегуляции межэтнических отношений, и в итоге доросла до конституционного органа.

Население полностью поддержало проведенные реформы. ***Порядка 63,7% казахстанцев с одобрением отнеслись к предоставлению возможности Н.А. Назарбаеву, как Первому Президенту, вновь баллотироваться на пост Главы государства, без ограничений по количеству раз.***

Сила политического лидера – не в том, что он имеет волю, но в способности чувствовать свой народ. Президент – выходец из простой семьи и он как это принято говорить в западных странах, сделал себя сам. Однако преимущество слышать простых людей, понимать устремления нации Глава государства никогда не сбрасывает со счетов и постоянно его развивает.

Данное преимущество позволяет Президенту Н.А. Назарбаеву не просто чувствовать, но и развивать общественную психологию, не идя на поводу у отрицательных сторон социальной психологии. Именно это отмечала автор О. Видова. «Говорят, что он бархатный политик, но это внешнее проявление никого не обманывает: он жестко решает принципиальные вопросы. Внутреннее стержневое начало в нем очень сильно» [8, с. 315].

Глава государства стремится менять те общественные стереотипы и инерцию, которые препятствуют прогрессу или сдерживают его. В особенности это касается чрезмерных ожиданий от государства, имеющих место среди граждан, подверженных иждивенческим настроениям. Или это касающиеся проведения модернизационных преобразований.

Например, идя на масштабные политические реформы в 2007 г., которые ожидала одна часть общества, как правило, настроенная на модернизацию, Глава государства, по сути, преодолевал молчаливое вето тех, кто считал реформы нежелательными, т. е. тех, кто имел консервативный настрой.

Это были не только те, кто считает демократию чуждым и потому ненужным для страны делом. Порядка 45% населения Казахстана основываются на патерналистских настроениях и считают, что достаточным быть просто верным Главе государства.

Исходя из этой ментальной специфики казахстанского общества, лидер нации, Первый Президент должен выступать в качестве ключевого фактора адаптации общества – как в политическом, так и экономическом смыслах. Эта – не просто лидер-профессионал, лидер-функционер или наемный менеджер. *Скорее, это – персона, на которую возложена сложная миссия: опека над нацией, задача ее возвращения, вывода на самостоятельное, самодостаточное, осмысленное поле. Это и есть тот стержень, нерв, показывающий суть феномена политического лидерства Н.А. Назарбаева.*

Одним из показательных примеров подъема духа нации является реализация масштабного кинопроекта «Кочевники». Доктор политических наук М.Б. Касымбеков по этому поводу говорит следующее: «После снятого в конце 1960-х гг. киношедевра «Кыз жибек»... у нас так и не появилось ни одной кинокартины, которая бы тянула на роль бесспорной и всеобщей культурной сенсации. Недаром в ходе регулярных и многочисленных встреч Нурсултана Абишевича с представителями творческой интеллигенции я замечал по его общему настрою, что от отечественных мастеров искусств он ожидает именно такой творческой победы и именно такого идейно-эстетического прорыва...» [9, с. 223].

Таким образом был проявлен идеологический посыл Президента. Однако он пошел дальше в социальной инженерии, предложив принятие нового гимна страны. Президент отметил: «Наверное, следует сделать гимном песню Шамши Калдаякова «Менің Қазақстаным». Иначе как-то странно получается... У нас в качестве гимна официально утверждена

одна песня, а народ наш всегда и повсюду, где это возможно, запекает «Менің Қазақстаным». Но если таков выбор народа, то почему бы не узаконить эту песню в статусе гимна!?» [9, с. 256].

В итоге новый гимн был принят с поправками и корректировками Президента и его инаугурация после победы на выборах в декабре 2005 г. прошла с новым гимном, в котором содержатся национальный дух и энергетика, заложенные Ш. Калдаяковым и Ж. Нажимеденовым. Важно и то, что образ гимна обогащен тем, что его пели участники событий 1986 г.

Уже говорилось о мощном заряде патриотического чувства и национального самосознания, объективно присутствующем в этом произведении. Это произведение – символ победы, воодушевления по поводу того, что все лишения, бедствия, жертвы не были напрасными. Это – призыв присоединиться к общему ликованию, которое происходит в каждый момент, когда играет гимн.

Известные эксперты-экономисты из России В.И. Кушлин и А.Т. Спицын подчеркивают важность наличия в лидерских качествах Н.А. Назарбаева умения чувствовать потребности народа в долгосрочной перспективе. «Осмысливая его жизненный путь, начинаешь лучше понимать тот набор обязательных условий, без которых нельзя стать тем, кем стал сегодня Н.А. Назарбаев – признанным и авторитетнейшим лидером. Этих обязательных условий, по меньшей мере, два. Во-первых, должно быть возвращено некое особое человеческое чувство, дающее возможность предельно точно и органически ощущать потребности страны, народа... Второе условие – наличие дара опережать в своих ощущениях ход времени, особого умения предвидеть тенденции..., благодаря чему, общество и политические институты своевременно делают правильный выбор» [10, с. 3].

Правильно чувствовать настроения людей отнюдь не означает принимать всегда такие меры, которые бы ими поддерживались. Зачастую приходится идти на непопулярные меры, такие как в свое время были приняты в рамках радикальных реформ 90-х гг., называемые еще «шоковой терапией». То есть, лидеру страны необходимо осуществлять стыковку желаний нации с мировыми тенденциями. Чтобы их гармонично совместить, иногда необходимо жертвовать какими-то сиюминутными, тактическими выигрышами ради более отдаленных стратегических побед.

Данный момент подтвердился в рамках Стратегии становления Казахстана как суверенного и независимого государства, которую Глава государства выдвинул в 1992 г. Она обозначила, что Казахстан не пошел на поводу у тех, кто хотел скорее получить результат без излишнего напряжения сил. Такие настроения выражались, с одной стороны, в соблазнах форсированной демократизации, с другой – в эйфории обретения независимости, грозившей резким развертыванием националистических настроений [11].

Дальнейшее развитие идеологической модели Н.А. Назарбаева произошло в рамках Стратегии «Казахстан – 2030». В условиях кризиса нации были показаны возможности достижения успеха. Благодаря этому, был ускорен экономический рост, который последовал спустя 2 г. после объявления данной стратегии. Он произошел вследствие того, что нация поверила в свои силы, возможность менять реальность, двигаться к успеху, невзирая на препятствия и барьеры.

Стратегия «Казахстан – 2030» стала настоящим прорывом. Произошло усиление адаптивных свойств общества. В 2004 г. на открытии VI сессии Парламента второго созыва Президент отметил, что социальный и экономический рост способствуют изменению адаптационных стратегий среди населения. Меняются модели поведения граждан. «Они не просто выжидают положительных изменений, но и стремят-

ся осваиваться в жизни, закрепляться и самоутверждаться в новой социальной среде, самостоятельно улучшать свое благосостояние» [12, с. 38-39].

Таким образом, Президент выполнил свои обещания перед народом – достижения реального позитивного результата через экономические реформы. Страна своевременно преодолела трудный переход к рыночным отношениям.

В декабре 2006 г., в ходе опроса, проводившегося накануне 15-летия Независимости Казахстана, большинство респондентов высказались, что Казахстан вышел на траекторию успеха и видели в этом ключевую роль Президента Н.А. Назарбаева. 50% опрошенных связали улучшения и достижения страны исключительно с Главой государства, а около 40% – с Президентом и объективным ходом развития.

Экономический рост казахстанцы назвали главным достижением Н.А. Назарбаева (54%). Затем последовательно идут: признание мировым сообществом (48%); политическая стабильность (40%); благоприятные отношения с соседями (31%); межэтническое и межконфессиональное согласие (22%); избавление от ядерного оружия (21%); повышение качества и стандартов жизни (16%).

В этот период рейтинги Президента устанавливаются на планке выше 90%.

Однако рост рейтингов Президента не были связаны исключительно с удовлетворением материальных потребностей населения. Данную тенденцию подкрепляла поддержка гражданами идеологической модели Н.А. Назарбаева.

Данное обстоятельство было отмечено в рамках межстранового исследования «Евразийский монитор», в котором участвуют 13 постсоветских стран, включая, с осени 2004 г. Казахстан.

В мае 2005 г. «Евразийский монитор» зафиксировал показатель удовлетворенности населения жизнью на уровне

75%, тогда как поддержка населением Президента была на уровне 89%. В 2007 г. при 73% удовлетворенности населением жизнью, уровень поддержки Президента достиг 91%. В большинстве стран – участниц проекта наблюдается обратная ситуация, когда удовлетворенность жизнью населением превышает доверие президентам.

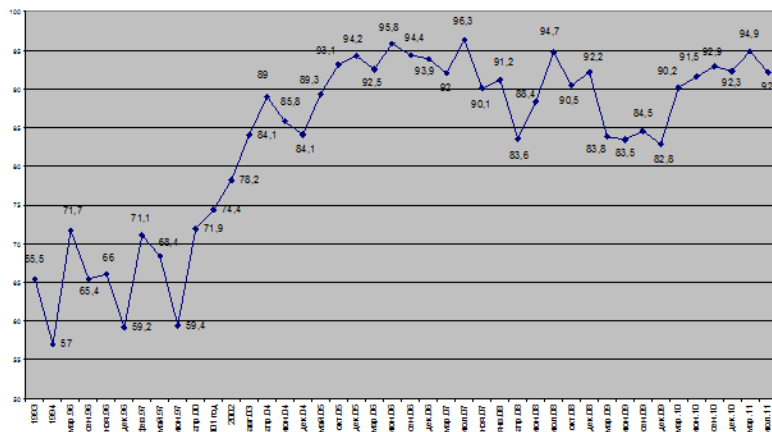
Высокая планка доверия Президенту Н.А. Назарбаеву подтверждалась выборами, начиная с 1 декабря 1991 г., когда за него проголосовали 98,7% из 80% избирателей, пришедших на выборы. 29 апреля 1995 г. на всенародном референдуме за продление срока его президентских полномочий проголосовали 95,46% из 91,26% зарегистрированных избирателей [13, с. 128]. Исключение составили только выборы 1999 г. – один из самых сложных периодов развития страны, когда результат реформ еще не был очевиден. 10 января 1999 г. в пользу действующего Главы государства на первых альтернативных выборах проголосовали 79,78% из 87,05% избирателей [14, с. 1] (диаграмма 1).

Однако в дальнейшем электоральные позиции Президента восстановились. В 2005 г. свой голос в пользу действующего Президента отдали 91,15% граждан из 77% пришедших на избирательные участки. В 2011 г. этот результат достиг 92,2% при явке в 89,9%, которая прежде способствовала в рамках выборов не фиксировалась.

Оценка значимости роли Президента Н.А. Назарбаева в становлении страны тому, что большинство казахстанцев и в дальнейшем демонстрировали потребность в сильной личности, которая была бы способна обеспечить гармоничное развитие страны – как в экономической, так и в политической сферах. По данным исследования, проведенного после выборов 2011 г., 36,2% опрошенных отметили приоритетность сильного лидера, что в 5 раз повышает число респондентов, которые ставят приоритет демократического правления. При этом следует учитывать, что важность

сильного лидерства не отрицается и 53,8% опрошенных, которые выступают за сочетание сильного лидерства и демократии (табл. 1).

Диаграмма 1

**Динамика рейтингов поддержки Президента РК
за период с 1993 по июль 2011 гг.**

Таблица 1

Как Вы полагаете, в настоящее время в условиях Казахстана страна должна в большей степени надеяться на демократическую власть или на сильного лидера?

%

Демократическое правление	7,2
Сильный лидер	36,2
На то и другое в равной степени	53,8
Затрудняюсь ответить	2,8

В сильном Президенте значительная часть видит залог дальнейшего успешного развития страны. Доля респондентов с таким мнением достигает 43,4%. Если суммировать этот показатель с численностью респондентов, рассчитыва-

ющих, параллельно с Президентом на другие государственные институты, то он достигает 60,7% (табл. 2).

Таблица 2

С кем Вы в первую очередь связываете надежды на дальнейшее улучшение жизни в Казахстане?

%

	3 квартал 2010 г.
С зарубежными инвесторами	8,4
С местными органами власти	4,1
С оппозицией	1,4
С Парламентом РК (Сенат, Мажилис)	2,0
С политическими партиями	0,6
С Правительством РК	11,2
С Президентом Казахстана	43,4
С усилиями и активностью самих граждан	17,6
Другое	0,3
Затрудняюсь ответить	10,9

На свои силы рассчитывают только 17,6% опрошенных, на иностранных инвесторов – 8,4%, оппозицию – 1,4% и политические партии – 0,6%.

Поддержка, оказываемая Президенту проявляется не только в его персональной оценке, но и в одобрении модели развития, названной, для лучшего понимания, «от экономики – к политике». Как показывают опросы, число сторонников сильной экономики (30%) более чем в 7 раз превосходит количество тех, кто выступает только за настоящую демократию (4%). Хотя 63,8% респондентов, конечно же, хотели бы, чтобы и экономика, и демократия развивались одновременно (табл. 3).

Вместе с тем, Казахстану пришлось двигаться своим путем. Мы внедряем у себя европейские демократические институты. Но страны Европы прошли этот путь за столетия, мы же длительное время были на обочине истории. Мы пропустили ключевые исторические события – передел мира,

технологическую революцию, и теперь нам приходится нагонять упущенное. Но, чтобы выйти из догоняющего развития, чтобы не плестись в хвосте мировой экономики и перейти на этап полноценного, синхронного развития, Казахстану неизбежно нужно расставлять приоритеты.

Таблица 3

**Что представляется Вам более важным – иметь
в стране подлинную демократию или сильную экономику?**
%

Настоящая демократия	4,1
Сильная экономика	30,0
И то и другое в равной степени	63,8
Затрудняюсь ответить	2,1

Таким образом, личность лидера страны играет определяющую роль в ее судьбе. Опыт ведущих мировых держав это подтверждает. Сила лидера страны заключается в хорошем понимании психологии своей нации и отличной ориентации в международных процессах. Чтобы быть лидером, мало быть менеджером необходимо стать социальным инженером, способным задавать цели, методологию развития нации для ее социализации в мировом пространстве. Н.А. Назарбаеву это удалось. Он смог найти оптимальный подход для того, чтобы вывести страну из кризиса и выстроить нормальную, функционирующую систему развития.

1.2. Глобальное видение Н.А. Назарбаева: от закрытия ядерного полигона до идеи о переходе к новой мировой модели развития

Ведущим преимуществом Н.А. Назарбаева стало наличие собственного взгляда на глобальный мир. Причем, мысля

глобально, он профессионально действовал на локальном уровне.

Независимый Казахстан возник в сложных геополитических обстоятельствах. Главной опорой суверенитета стали международное признание и открытый путь для интеграции в мировое пространство. Для страны было важно воспользоваться представленным историческим шансом, чтобы обрести и закрепить историческую субъектность независимого, суверенного государства, имеющего сильный дипломатический щит.

Точкой отсчета внешнеполитического позиционирования Казахстана можно считать пресс-конференцию Президента Н.А. Назарбаева, данную 1 декабря 1991 г. в связи с избранием его на пост Главы государства.

Крупным шагом в плане интеграции Казахстана в мировое пространство стало первое выступление на Генеральной Ассамблее ООН в октябре 1992 г., в рамках которого была озвучена идея СВМДА – как важного инструмента реконструкции глобальной системы безопасности.

Для выступления с такой идеей у Казахстана имелись основания. 29 августа 1991 г. указом Президента был закрыт Семипалатинский ядерный полигон. Реконструкцию глобальной системы безопасности Казахстан начал с себя.

Казахстан мог стать крупнейшей ядерной державой в мире, поскольку его ядерный арсенал был четвертым в мире по мощности. В стране находилось 1216 боеголовок для межконтинентальных баллистических ракет и зарядов для тяжелых бомбардировщиков, комплекс ядерных стратегических сил состоял из самых современных средств массового поражения и доставки ядерных зарядов.

Ядерный арсенал состоял также из 104 ракет Р-36М УТТХ стратегического базирования с 1400 ядерными боеголовками. В республике было сосредоточено около трети боезаря-

дов на тяжелых МБР СС-18, имелись и две их базы. В стране располагался важнейший объект по испытаниям баллистических ракет, находившийся в пределах космодрома Байконур, а также крупнейшая база стратегических бомбардировщиков Ту-95 МС, оснащенных крылатыми ракетами.

В Казахстане было сосредоточено 148 шахтных установок, предназначенных для запуска межконтинентальных ракет наземного базирования.

Важнейшим стратегическим объектом был Семипалатинский полигон. В течение полувека здесь было произведено 456 ядерных и термоядерных взрывов. Суммарная мощность ядерных зарядов превышала мощность атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму, в 2,5 тыс. раз.

Казахстан стал обладателем почти всей научно-исследовательской, добывающей и производственной инфраструктуры необходимой для создания собственного ядерного оружия. Казахстан обладал огромными ресурсами для производства активных компонентов ядерного оружия.

Несмотря на экономические проблемы, с которыми Казахстан столкнулся в период после обретения независимости, страна могла справиться с затратами на содержание ядерного арсенала. Этот фактор вполне ощутимо мог затормозить, если не остановить окончательно, процесс определения судьбы ядерного наследия и определяющей здесь стала позиция президента Н.А. Назарбаева.

Вот каким образом были оценены действия Президента Казахстана в американском конгрессе. Джо Бартон, конгрессмен США, председатель подкомитета по энергетике палаты представителей, выступая в конгрессе США 28 октября 2004 г., заявил: «Будучи центром программ ядерного и биологического оружия бывшего СССР, Казахстан обладал значительной — и потенциально опасной — силой над миром после развала Союза. Более того, Казахстан имел четвертый в мире

ядерный арсенал, превышавший запасы Британии, Франции и Китая, вместе взятые. Вместо того, чтобы уступить странам, предлагавшим миллионы долларов за это оружие, лидер Казахстана Нурсултан Назарбаев мужественно решил уничтожить ужасающие запасы страны и сделать Казахстан стабилизирующей силой в регионе».

Сегодня усилия Президента Н.А. Назарбаева оценены по достоинству. Главе Казахстана весной 2010 г. была вручена премия мира и согласия от американского фонда превентивной дипломатии. Церемония вручения проходила при участии президента США Б. Обамы. Помимо этого, ООН была поддержана инициатива Казахстана об объявлении 29 августа – даты закрытия Семипалатинского полигона – Всемирным днем действий против ядерных испытаний.

Опираясь на полученный опыт, Казахстан использовал появившиеся преимущества для проведения активного внешнеполитического курса, базировавшегося на доверии международного сообщества к стране, добровольно отказавшейся от ядерного оружия и уничтожившей его на своей территории.

Это стало важным условием воплощения в жизнь ряда внешнеполитических проектов Казахстана, в том числе, идеи создания СВМДА. Безусловно, до начала работы СВМДА пришлось пройти немалый путь протяженностью 10 лет. Многолетние усилия Н.А. Назарбаева и казахстанской дипломатии оказались ненапрасными в 2002 г. в Алматы состоялся первый саммит СВМДА, ставший «крупнейшим мировым творческим форумом в нашем регионе».

На саммите были подписаны Алматинский Акт и Декларация по устранению терроризма и содействию диалога между цивилизациями. Участники встречи отметили, что в жизни огромного азиатского континента возникает новый политический процесс в лице Форума СВМДА, призванного

значительно расширить возможности для многостороннего диалога, равноправного взаимодействия азиатских стран в целях укрепления безопасности и стабильности, развития климата доверия и сотрудничества.

Саммит стал уникален тем, что в нем приняли участие лидеры стран, находившихся в то время в состоянии обострения конфликтов между ними: Индия и Пакистан, Палестина и Израиль. Таким образом, СВМДА сразу же подтвердила свое предназначение – стать открытым форумом для диалога с целью поиска компромиссных путей урегулирования проблем и конфликтов.

О масштабах проекта СВМДА свидетельствует то, что площадь территорий стран – участниц Совещания составляет 40 млн. кв. км, или примерно 90% всей территории азиатского континента и 72% территории Евразийского материка. На этой территории проживают около 3 млрд. чел., что составляет 50% всего населения земного шара. Совокупный объем внешней торговли превышает 1,1 трлн. долларов.

Идея создания СВМДА была связана с необходимостью усовершенствования механизмов региональной безопасности и навеяна деятельностью ОБСЕ. Казахстан прошел большой путь от вступления в эту организацию в январе 1992 г. до председательства в ОБСЕ в 2010 г. и проведения саммита ОБСЕ в Астане в декабре 2010 г.

Саммит ОБСЕ в Астане 1-2 декабря 2010 г. многие мировые СМИ назвали новой отправной точкой в развитии системы безопасности в Евразии. В Астане, являющейся географическим центром Евразии, состоялся саммит Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Казахстан вдохнул новую струю в деятельность Организации. На протяжении 11 лет лидеры стран – участниц Организации не встречались вместе. За это время мир претерпел кардинальные изменения. Риторика и представления о миропорядке времен

«холодной войны» безвозвратно устарели. В мировой повестке дня стоят борьба с терроризмом, нетрадиционными угрозами, проблемы ядерного разоружения.

Изменилась парадигма безопасности. Сегодня, чтобы защитить свои национальные интересы, необходимо участвовать в широких коалициях по безопасности, предлагать новые конструктивные подходы преодоления рисков и угроз безопасности.

Усилия казахстанского руководства и, в первую очередь, Лидера страны, Н.А. Назарбаева увенчались успехом. Астана поступательно становится территорией для глобального диалога и преодоления конфронтации. Президент страны предложил проект реконструкции ОБСЕ, чтобы Организация стала более адекватной нынешней эпохе. На саммите ОБСЕ в Астане были обсуждены ключевые проблемы безопасности, волнующие мировое сообщество в рамках пространства четырех океанов: от Атлантики до Тихого океана, от Северного Ледовитого до Индийского. Среди них: затяжные конфликты в Нагорном Карабахе, Приднестровье, проблемы Северной Осетии, Абхазии, инцидент, связанный с обстрелом южнокорейского острова Йонпхендо артиллерией с территории КНДР.

На саммите произошли очные дипломатические переговоры, на которых были смягчены вопросы о так называемых утечках секретных документов в США – «дело Wikileaks».

Впервые саммит ОБСЕ проходил в Азии. Это – важный поворот в истории Организации. Казахские предложения по созданию новых структур ОБСЕ рассчитаны на укрепление Организации – как в целом, так и применительно к пространству к Востоку от Вены. Здесь и Совет по энергетической безопасности и экономическому взаимодействию, и Экологический форум, и Институт безопасности ОБСЕ. Казахстан выразил готовность к ведению патронажа этих новых структур в рамках Астаны.

Лидеры государств ОБСЕ, а их собралось в Астане более 50-ти, руководители международных организаций, в том числе, генсекретарь ООН Пан Ги Мун, отметили ценность усилий Казахстана по проведению саммита ОБСЕ и укреплению организации в целом. Деятельность же Нурсултана Назарбаева была охарактеризована как подвижническая, как кропотливый, созидательный труд, способствующий единению стран на пространстве ОБСЕ и евразийского материка.

На посту председателя ОБСЕ Казахстан задал высокую планку. Следующим странам Председателям надо будет вести себя более активно, и учитывать обновленный по итогам саммита в Астане дух ОБСЕ.

Важно, что казахстанцы с воодушевлением отреагировали на саммит ОБСЕ в Астане. Одними из тех, кто наиболее горячо поддержал проведение саммита стали астанчане. Хотя, казалось бы, саммит создал для них определенные неудобства, тем не менее, более 90% жителей Астаны в ходе социологического опроса в ноябре 2010 г. выступили в поддержку мероприятия.

Не вызывает сомнений, что астанчане поддержали саммит не только в силу того, что дни мероприятия стали выходными, и что гости – это никто иной, как инвесторы, покупатели, потребители. Важно, что впервые в истории Астана принимала беспрецедентное для себя число делегаций. Столичный аэропорт работал в кризис-режиме. Фактически, вся столица, столичные службы, госорганы, МИД были мобилизованы на проведение саммита. Это – не только проявление высокой дисциплины и порядка в казахстанской системе управления. Это – признак высокого уровня единения народа Казахстана. 79,2% казахстанцев, опрошенных во всех регионах страны высказались в поддержку саммита. При этом 67% респондентов считают саммит безусловной победой казахстанской дипломатии.

Важно, что казахстанцы в качестве ведущего преимущества Казахстана, сделавшего возможным проведение мероприятия такого уровня как саммит ОБСЕ в Астане, назвали отнюдь не сырьевые ресурсы страны и даже не нашу визитную карточку – межэтническое и межконфессиональное согласие. Все эти наши действительно сильные стороны уступили первенство другому фактору – известности лидера страны Нурсултана Абишевича Назарбаева. Об этом сказало наибольшее число опрошенных – 55%. По мнению респондентов, необходим проактивный стиль, и Глава нашего государства его продемонстрировал.

Теперь казахстанцев может переполнять законная гордость за свою страну. В нашей памяти сохранится выступление Президента РК на открытии саммита ОБСЕ в Астане. То как к нам, в самое сердце страны, в Сары-Арку одновременно съезжаются лидеры ведущих держав мира, со всех концов света. Как высокие гости восхищаются Астаной. Среди глав государств, глав делегаций – участников саммита, безусловно, яркими и содержательными были выступления А. Меркель и Х. Клинтон. Выступление госпожи Клинтон сопровождалось бегущей строкой, где напоминалось, что это – второй ее визит в Казахстан. Первый был в 1997 г. в статусе первой леди США, а также тот факт, что Х. Клинтон считается сторонником защиты прав женщин.

Это – поистине беспрецедентно и незабываемо. Казахстан начал первое десятилетие нового века с мощных действий стратегического характера и заканчивает его на столь же высокой ноте [15].

Выбор в пользу проактивной внешней политики для Казахстана был связан с настоящей потребностью преодоления фатальной обреченности быть постсоветской провинцией, зажатой между региональными гигантами, наполненной внутренним противоречивым этническим содержанием,

способным уже в начале пути привести к острым этническим конфликтам и территориальному расколу государства.

Свою внешнюю политику Казахстану необходимо было выстраивать с «нуля», причем в условиях экономической турбуленции, которую претерпевала не только страна, но и весь постсоветский регион – в связи со сменой парадигмы своего развития. Фактически, имела место геополитическая катастрофа, в условиях которой необходимо было сделать правильный выбор.

Главное достижение Казахстана заключалось в том, что через внешнюю политику были минимизировали факторы, способны затруднить или сделать невозможным развитие страны. Внешняя политика должна была стать надежным «куполом», который бы защитил Казахстан от возможных неблагоприятных факторов.

В рамках всех рубежных этапов Казахстан преследовал целью закрепление собственной международной субъектности и встраивание в современный цивилизационный контекст, умело используя собственные преимущества и ослабляя возникающие риски и угрозы. Как основной результат, Казахстан сумел избежать участи несостоявшихся государств, сформулировать собственные инициативы глобального уровня, не теряя при этом инициативы на региональном уровне и в укреплении связей на базовой площадке двусторонних связей. Казахстан был признан как страна с рыночной экономикой, претендующая на роль лидера в Центральной Евразии.

Именно через внешнюю политику Казахстан сумел получить ряд важных преимуществ, которые очень пригодятся стране в ближайшем десятилетии. В числе наиболее значительных достижений страны.

1. Вступление в ООН и признание независимости ведущими мировыми державами и практически всеми государствами мира.

2. Казахстан избежал применения в отношении себя открытых политических или экономических санкций, при этом он поступательно преодолевает те из них, которые достались стране в силу постсоветского наследия.

3. Успешное разрешение вопроса с ядерным наследием открыло для Казахстана возможность сыграть свою роль в реконструкции глобальной архитектуры безопасности, приобрести особые гуманитарные права в реализации миротворческих миссий, занимать нейтральную позицию в конфликтах.

4. Скрупулезное выращивание внешнеполитических дивидендов из того, что есть, без погони за эффектными, но не подкрепленными реальным содержанием внешнеполитическими идеями, позволило выстроить дееспособный каркас казахстанского участия в международных процессах.

5. Казахстан смог лавировать между американским, китайским, российским и европейскими фарватерами, разрабатывая свою собственную лоцию в системе международных координат. Приобретенное мастерство ведения сбалансированного внешнеполитического курса позволило пройти сквозь «игольное ушко» консенсуса по председательству в ОБСЕ.

6. Была обеспечена эффективная связка между внешнеполитическим и внутривнутриполитическим блоками, в результате чего удалось обеспечить ретрансляцию казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия, а через такое имиджевое закрепление – мотивировать внутреннее поле жить по законам толерантности.

7. Удалось эффективно маневрировать между рифами мировых экономических связей, найти собственную нишу в финансово-хозяйственных отношениях, избежать излишних, непродуктивных внешнеэкономических затрат.

8. Казахстан поступательно расширяет пространства и горизонты дипломатических связей, преодолевая замкнутость своего регионального пространства.

9. Казахстан стал узнаваемым и признаваемым государством в мире.

10. Созданы предпосылки для преодоления глобального междивизиационного противостояния между исламским и западным миром. Стереотип исламской террористической угрозы стал преодолеваться, а вместе с ним – и собственное реальное ее выражение.

11. Действия Казахстана укрепили шансы Центральной Азии превратиться из геополитической «дыры» в уважаемый, хорошо встроенный в современный мир регион.

12. Казахстан приобрел четкие государственные границы и надежный пояс добрососедства.

13. Евразийская доктрина Н.А. Назарбаева легла в основу интеграционного ренессанса постсоветского пространства, восстановления нарушенных связей. На базе СНГ, ставшего продуктом усилий Казахстана по преодолению славяно-тюркского разделения территории советской империи, происходит оформление элитных интеграционных структур – ЕврАзЭС, ОДКБ.

14. Казахстан не стал замыкаться в собственных национальных границах и следовал принципу, что собственное благополучие может быть только при благоприятном развитии соседей. Работа с рисками и снижение издержек внешне-го поля позволили Казахстану выйти на лидирующие позиции по экономическому развитию и подкреплять тем самым экономику стран региона.

15. Усилия Казахстана способствовали закреплению Центральной Азии как самостоятельной геополитической единицы. В свою очередь, Казахстан играет роль регионального лидера.

Все эти достижения сконцентрированы в рамках 20-ти лет. Происходит сжатие пространства, времени, речи. Все сходится до минимального набора знаков или символов. На

вопрос о том, что в условиях глобализации происходит сжатие пространства, ученые в принципе уже ответили, говоря о формировании единой «глобальной деревни». В то же время, изменяется и само понятие времени.

Академик С.П. Капица говорит о сжатии исторического времени. «Каждый новый период в истории человечества короче предыдущего в 2,5–3 раза... Со времен зарождения человеческого общества длительность исторических периодов сокращалась и достигла периода 35–40 лет – время смены поколений или среднее время активной работоспособности человека... Сжатие времени ведет к изменению масштаба времени жизни людей... Это ведет к резкой смене условий жизни в течение одного поколения. Люди из одной исторической эпохи как бы перемещаются в другую». Человеческая природа в этих условиях напряжена до предела. Изменения настолько интенсивны, что подчас человеческое сознание не все успевает переварить [16, с. 30].

Специфику сжатия времени подчеркивает Президент Н.А. Назарбаев. На международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию стратегии развития Казахстана до 2030 г., прошедшей в октябре 2007 г., он отметил: «Конец 20-го столетия стал для мира временем огромных изменений... Характерной чертой этого периода стало качественное «сжатие» исторического времени. Процессы, которые ранее занимали столетия, сегодня как бы сжимаются в десятилетия. Время нельзя накопить, умножить. Его нельзя повернуть вспять. Но временем можно умело распорядиться, если определены ясные цели развития» [17, с. 2].

Изменение понимания времени открывает кардинальную реконструкцию нынешней эпохи. Оно показывает, что защита национальных интересов сегодня разворачивается в плоскости тонких интеллектуальных материй, которые подчас не уловимы, но очень чувствительны в проявлениях.

Таким образом, Президент Н.А. Назарбаев уловил интерпретативную парадигму нового тысячелетия. Сегодня мир имеет дело с пересмотром базовых терминологий, некогда составлявших фокус политического и экспертного внимания. Происходит глобальное смешение методологических и технологических дискурсов, что позволяет говорить о возникновении феномена «формационного кризиса». Модернизм сталкивается с постмодернизмом. Становится очевидным, что в наступившую эпоху в выигрыше будет тот, кто сумеет предложить собственные проекты глобальной реконструкции мира, определиться с собственной нишей в новом формате мировых отношений.

Источником новых трансформаций является Европа, где пересматривается, казалось бы, бесспорная до начала 90-х гг. концепция «государства всеобщего благосостояния». «На первый план в 90-е гг. выступила проблема пересмотра основных постулатов общества благосостояния. Позади у нас эпоха создания системы и ее институтов, период количественного роста, растущих амбиций, но, одновременно, и разочарований, несбывшихся надежд – вопреки нашим благим намерениям и действиям. Но тем больше сейчас ожиданий, связанных с трудным выбором и основательным пересмотром старых решений» [18, с. 7–8].

В конце 90-х гг. в мире назрела ситуация обновления методологии мысли. Это касалось не только отдельных сфер, но целых парадигм общественного развития. Общественный сектор стал восприниматься не столько как объект воздействия или политической эксплуатации, сколько как самостоятельный феномен, обладающий собственной экономикой.

Общественное вмешательство воспринимается как эффективный механизм выравнивания различий в обществе. Причем общественный сектор не рассматривается исключительно как частный. Это – совокупность государственных и

гражданских институтов, которые действуют сообща, исходя из общественных императивов (ориентация на человеческое развитие). В развитых западных странах от 17 до 26% ВВП составляет доля услуг «общества всеобщего благосостояния», что предопределяет высокую налоговую нагрузку, ситуацию, близкую к стерилизации прибылей бизнеса.

На таком фоне возрастает спрос на публичность, т. е. такую практику, которая предполагает взаимодействие с обществом. «...Тип общественного развития, исходящего из императива государственного управления, основанного на дилемме «господство – подчинение», все больше дополняется дилеммой «руководство – принятие», основанной на признании все большего веса горизонтальных связей, процессов самоорганизации и самоуправления, раскрепощения гражданской инициативы и конкуренции социальных инноваций. Это потребовало в корне пересмотреть саму философию власти, перейти от доминанты господства и гегемонии в ее назначении к партнерству и диалогу» [19, с. 30–31].

Идеологическое конструирование усложняется. Становится очевидным, что тот, кто сумеет сформировать свою национальную идеологию, тот и сохранит свою политическую независимость. Идеология – это критерий и показатель состоятельности страны.

В современном мире глобальный инструментарий технологий подвергается изменениям. Привычные схемы объяснения мира перестали действовать. Пересматриваются базовые конструкты эпохи «холодной войны». В кризисе – концепция полярности. Усложняется понимание таких категорий, как «национальные интересы» и «национальная безопасность».

Все более очевидной становится уязвимость формально организованных институтов регулирования межстрановых отношений (союзы, блоки, ассоциации). Возрастают актуальность и востребованность методов так называемой «мягкой

силы», т. е. упреждающего программирования общностей и ситуаций в пользу определенного геополитического центра.

Параллельно происходят изменения в методиках и технологиях геополитического воздействия. Двадцать первый век приносит новый феномен « сетевого общества » и новые способы влияния: 1) вместо интеграции – конвергенция; 2) вместо адаптации – диффузия и проникновение; 3) вместо пропаганды – лингвистическое программирование; 4) вместо инвестиций – гуманитарная интервенция; 5) вместо понятной иерархии – смещение и рассеянная турбулентность; 6) вместо гегемонии – дистанционное правление; 7) вместо массовой культуры – технологии индивидуального расширения сознания.

Соответственно, возрастают требования к государству. Государство имеет не просто институциональную, организационную, политическую или идеологическую функцию. В некоторой степени оно должно играть роль « методолога мысли ». Так об этом говорит П. Бурдьё: « Через условия, которые государство навязывает практикам, оно учреждает и внедряет в головы общепринятые формы и категории восприятия и мышления: социальные рамки восприятия, понимания или запоминания, мыслительные структуры » [20, с. 154].

Соответственно, идеологическое конструирование должно осуществляться под эгидой государства, во взаимодействии с институтами гражданского общества – собираться, компоноваться и выдаваться по каналам обратной связи, в т. ч. через политическую риторику и рефлексию.

Касательно последнего наиболее четко и выразительно говорит Ю. Хабермас в рамках обоснования концепции « делиберативной демократии »: « ...Члены современных обществ по-прежнему разделяют то ожидание, что они смогут честно и ненасильственно сотрудничать друг с другом... Граждане молчаливо допускают в отношении друг друга обладание

моральным сознанием или чувством справедливости, проникающим сквозь мировоззренческие границы, научаясь в то же время с терпимостью относиться к мировоззренческим различиям как к источнику разумных разногласий» [21, с. 162–163].

На таком молчаливом допуске основана возможность приведения противоречивых групповых интересов к общему знаменателю посредством публичного обсуждения социальных, политических, экономических проблем. Политика в условиях делиберативной демократии является борьбой идеологических нарративов. Спор мнений или политический дискурс – это важный канал доступа к властным позициям, инструмент реализации господства.

Политика как сфера утончается, в особенности, это касается восточных обществ, и здесь становится важным, как подается политика. И, как оказывается, текстовой, семантический подход сегодня широко эксплуатируется при оценках восприятия поэтических текстов. Причем следует сказать, что политика, культура, поэзия начинают тесно переплетаться между собой, образуя новые феномены – политекс или политику [22, с. 107–108].

В Казахстане государство по мере необходимости так же использует такие «методологические ключи». По утверждению М.С. Машана, с переходом от национальной идеи к прагматике государственно-политического строительства роль общественного мнения в Казахстане ослабевает, оно теряет свое идеологическое знамя. Теперь носители общественного мнения – институты гражданского общества – теряют инициативу, она переходит к государству. Но это не означает ухода общественного мнения. Попросту государство стало с ним работать в рамках разных моделей. Причем по мере высвобождения от тоталитарных атавизмов прошлого и перехода к социально-экономической парадигме, о которой

говорил М.С. Машан, программирование общественного мнения усложняется, требования к его качеству возрастают. Это – ренессанс публичной и электоральной политики [23, с. 60–65].

Российский автор М.М. Соколов говорит о, казалось бы, незаметном, тонком изменении в методологии классиков – с позиций на дискурс. «Речь идет о переносе в дискуссии центра тяжести с позиции, которая отстаивается, на систему аргументации... Иными словами, первичная ассоциация участников спора была теперь не с позицией, а с определенной риторикой как таковой, и поражение в нем засчитывалось не за неспособность отстоять эту позицию, а за неумелое использование данной аргументации» [24, с. 155]. То есть, речь идет о выходе на передовую дискурсивности. Главное – уметь выстроить правильную схему обоснования, а не только иметь собственную позицию.

В этом плане примечательной стала статья Президента Н.А. Назарбаева «Ключи от кризиса», в которой был предложен отнюдь нетривиальный для политиков, текст-реконструкция.

Меры, предпринятые против кризиса, характеризовались не иначе, как «заливание проблем деньгами». Согласно мысли Президента, это – борьба с проявлениями, а не искоренение глубинных дефектов мировой экономики. Современные экономические отношения усложнились настолько, что в пору говорить о появлении феномена глобальной экономики, т. е., экономики, которая концентрирует в себе не только финансовые, но и политические, цивилизационные возможности всего мира. Зигзаги истории нового и новейшего времени привели к тому, что в мире возобладала западноцентристская модель миропонимания. При всех ее преимуществах и полезности, она не может быть универсальной. Одним из элементов сбоя мировых отношений стало слабое понимание потенциала и способностей Азии.

Противоречия, накопленные на протяжении длительного времени, приводят к затяжным мировым кризисам, такому, какой был в 2008 г. Все мировые эксперты, политики, СМИ в один голос говорят о том, что кризис спровоцирован чрезмерными дисбалансами: это, когда на одном полюсе мира имеет место потребительство, а на другом – накопительство. Произошла чрезвычайная деформация мировой экономики, когда производный капитал оказался 10-кратно большим, чем реально произведенный продукт.

Другого эффекта и быть не могло, поскольку вся мировая система завязана на одном центре. Если он претерпевает крушение, падает и весь мир. Это – глобальная угроза для мирового человеческого развития, поэтому важно усиление международных финансовых институтов, повышение контроля за системой резервных валют со стороны наднациональных органов. Когда мировая система контролируется всем миром на основе общих и прозрачных правил, у нее нет таких рисков, вокруг которых нужно выстраивать дорогостоящие, а иногда – и сомнительные схемы страховки и перестраховки.

Статья Президента Н.А. Назарбаева «Ключи от кризиса» насыщена новациями, новыми подходами и видением изменений в мировой системе. Но главное, на наш взгляд, в том, что предлагается качественно новое измерение мирового процесса и его истории. Парадигма «дефектала», «тразитала» и «акметала» – это вброс для креативного пересмотра мировой структуры, выхода из плена старых парадигм «холодной войны», «биполярности», формационного подхода. Важно также, что в статье впервые говорится о понятии «опережающего мониторинга грядущих вызовов века, мира и человечества» [25, с. 2]. При этом выдвинуты семь индикаторов такого мониторинга, которые касаются законности, демократичности, конкурентной и свободной, цивилизован-

ной, контролируемой и прозрачной, эффективной и результативной мировой валюты.

Как отмечает российский эксперт Г.К. Уразалиева, «...за более чем полтора столетия в мировой науке термины и парадигмы капиталистического общества стали нормой и плодотворно не только научного дискурса, но и повседневных речевых практик. Жесточайшая критика К. Маркса апологетами неоконсерватизма и неолиберализма велась по основополагающим его идеям, изложенным в «Капитале». Но никто не пытался кардинально поменять язык, систему категорий и терминов, давно привычных для ученых, писателей, журналистов, всем, в том числе, и обывателям в их повседневной жизни. Назарбаевский дискурс отличается кардинально, ведь им предлагается конструирование как новых институтов мирового масштаба, так и изменения терминологии, языка науки и политической практики, отражающие деятельность инновативных структур» [26, с. 1].

Текст-реконструкция Н.А. Назарбаева в рамках статьи «Ключи от кризиса» меняет терминологии, базовый дискурс эпохи, что однозначно повлечет за собой переформатирование социальной реальности, вне зависимости от обстоятельств.

Естественно, что кардинально новые идеи не могут легко пройти сквозь сито инерции экспертного и массового сознания. Непривычность, неизведанность всегда пугают. И это осознается самим Президентом, что заставляет его постоянно подкреплять новыми аргументами один раз высказанную идею. «Мировые аналитики обсуждают эту статью – это уже хорошо. Это – наша лепта в мировую мысль, которая ищет выход из глобального кризиса. Но мы в Казахстане сами должны думать о том, что сможем сделать, и посмотреть на все через призму обновления. Махатма Ганди говорил: «Сначала тебя игнорируют, затем над тобой смеются, затем

с тобой борются, затем ты побеждаешь». Мне нравится это его выражение, и мы всегда шли именно таким способом. Я хочу, чтобы именно казахстанцы развили мою идею. Я уверен, что мы победим этот кризис и будем вспоминать, как мы его преодолели, когда наступят лучшие времена. А они обязательно наступят» [27, с. 2].

Следует отметить, что Н.А. Назарбаев рассматривал перспективы глобального кризиса в книге «Критическое десятилетие». В главе с характерным названием «Империя страха и риторика террора» был показан характер современных угроз. Терроризм – лишь проявление кризиса мировой системы и неизвестно, в какую сторону все будет меняться, какие сюжеты или сценарии будут реализованы [28, с. 28].

2008 год стал рубежным для мирового развития. По инерции мир просуществовал на старом геополитическом багаже в течение 20-30 лет после «холодной войны». В рамках этого периода стремительно нарастали тенденции, в итоге приведшие к глобальному кризису. Рост военной нагрузки на мировую экономику, гипердиспаритеты в уровне развития и потребления, дисфункции ключевых международных институтов, восстановление и рост региональных держав – все это создало основу для мирового экономического катаклизма.

Вместе с тем, ситуация 2011 г. показала, что мировые лидеры и эксперты из кризиса 2008–2009 гг. особых выводов не сделали. Как отметил Глава государства на открытии 5 сессии Парламента IV созыва, фондовые рынки лихорадит, цены на сырье нестабильны, снизились рейтинговые позиции США, Европейский союз вязнет в экономических проблемах, возникают волны социальных недовольств даже в благополучных крупных европейских городах, растет продовольственный кризис. «Мир не сделал должных выводов из предыдущих кризисных лет. И сейчас никто не может дать точного прогноза даже на ближайшие месяцы. Идеи о пере-

ходе к новой глобальной экономической модели до сих пор остаются лишь предметом дискуссий» [29].

На этом неблагоприятном фоне Казахстан ставит перед собой цели дальнейшего экономического и социального роста. Главой государства поставлены задачи по принятию в кратчайшие сроки важных для развития страны законов. Среди них: Законы «О государственной поддержке индустриально-инновационной деятельности», «Об энергосбережении и повышении энергоэффективности», о регулировании банковской деятельности и финансовых организаций, а также создание правовой базы для запуска программы «народного IPO», изменения и дополнения в Закон «Об образовании», укрепление защиты интеллектуальной собственности, модернизация Трудового кодекса, новая редакция Закона «О национальной безопасности», законопроектов «О специальных государственных органах», «О телерадиовещании», «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». То есть, поручения Президента охватывают весь спектр экономической и общественно-политической проблематики.

Главным индикатором выполнения задач Президента должно стать достижение по итогам 2011–2014 гг. планки ВВП на душу населения в 15 тыс. долларов США. Это – амбициозная задача, решение которой позволит Казахстану вступить в пул развитых стран.

Сегодня Казахстан выступает как ответственный участник международного процесса, предлагая для реконструкции мировой системы новые идеи, подкрепленные успешным внутренним опытом. Многие из них носят стратегический характер и пока не могут быть реализованы в полной мере.

Во многом благодаря именно Президенту Казахстан делает вклад в формирование нового будущего – как для нашей страны, так и в глобальном масштабе.

1.3. Создание основ социо-культурной адаптации общества

Казахстан с его природной полиэтничностью и поликонфессиональностью на заре независимости относился экспертами к числу зоне повышенными конфликтными рисками. В стране необходимо было восстановить историческое право казахов как государствообразующего этноса. Помимо этого, нужно было овладеть инструментарием управления религиозными процессами – одной из самых тонких общественных материй. Все эти задачи пришлось решать Президенту, во многом применившему нестандартные, асимметричные подходы и смелые решения.

Обращение с духовно-культурной сферой требует от Лидера нации высокого политического мастерства. Для Казахстана необходимо было сформировать из необработанного обломка советской империи целостную композицию казахстанского общества. Поэтому-то Н.А. Назарбаева и называют архитектором казахстанской модели согласия, благодаря которой, страна состоялась и успешно развивается. По своей сути, Первый Президент имел дело с формированием новой социальной реальности и где-то даже рациональности, заданной миром в XX веке.

Один из западных авторов, З. Неккель отмечает, что в условиях рыночных систем происходит усиление рационального компонента, как механизма контроля над аффектами. В результате происходит «сплющивание» мира чувств. Однако социальные акторы не в силах в полной мере исключать из круга своих действий чувства. Поэтому продукты производства в настоящее время целенаправленно нагружаются чувствами, в силу чего «дизайн эмоций», т. е. их художественное конструирование, превращается в «свидетельство театрализации мироздания» [30, с. 74]. То есть, все иррациональное

выводится за пределы повседневности в рамках структур отведения досуга. На его место приходит «абсолютная рациональность».

По поводу новой рациональности современного мира идет много философских и социологических дискуссий. Главный вывод – в том, что рациональность торжествует. Человек пытается максимально упорядочить свою жизнь, поставить ее, так скажем, на поток, и это превращается в рациональный конвейер.

Первоначально Ю. Хабермас воспринимал общественность как базис для демократических ценностей. Но в дальнейшем он отказался от этой идеи и обратился к методу «формальной прагматики». Под этим подразумевается исследование возможностей и пределов коммуникативной интеракции, когда в центре внимания оказываются язык, акты речи и высказывания [31, с. 32–33].

В то же время, Ю. Хабермас понимал, что рациональность не абсолютна. Он рассматривал религию как важный семантический резерв для теряющего смыслы жизненного мира. Человеческое сознание не может опираться исключительно на рациональность, в этом случае оно будет утрачивать свои родовые признаки. Тайнственность, поиск неизведанного – это части иррациональности. Так же, как нерационален был Х. Колумб, поехавший на край света [32, с. 33].

Тот факт, что рациональность сегодня стала, фактически идолом эпохи, что само по себе парадоксально, отмечал М.М. Тажин. Рациональность современного мира он называл одним из важнейших мифов наряду с Армагеддоном – идеологией «конца света» [33]. Фактически, в рамках этого интервью была предложена целая синтагма, т. е. текстовой ключ к новой парадигме мышления. Причем синтагма становится более главным, передовым понятием, чем даже парадигма. Не случайно М.М. Тажин, выступая 3 октября 2008 г. в «Фон-

де Карнеги по поддержанию мира во всем мире» в Вашингтоне – по поводу изменений в международных отношениях после известных событий на Кавказе, оговорился: «Как было некогда модно говорить, «произошла смена парадигмы» [34].

Главной идеей всего, что было отражено, является представление мира как сплошного текста. Это следует из введения целой серии новых понятий в публичном формате.

Во-первых, политическая и мифологическая картина мира. Любая картина – рисуется, но для того, чтобы ее поняли, необходимо объяснять, изъяснять закодированные в ней смыслы. То есть, речь идет о художественном изображении текста с дальнейшим его описанием.

Во-вторых, разные виды и жанры текстов. М.М. Тажин говорит о классических авторских текстах и интерпретационных версиях. Причем интерпретационные версии могут быть отражены в рамках художественных продуктов, например, фильмов.

В-третьих, широко включено понятие «габитуса». Хотя среди социологов это понятие, выдвинутое П. Бурдьё, хорошо известно, однако в публичной практике оно почти не используется. Однако характерна интерпретация «габитуса». По М.М. Тажину, это – «огромный живой слой мыслей, представлений, текущих бытовых привычек, традиционных ценностей, норм, стандартов, т. е. всего того, что мы называем и массовым, и научным сознанием». То есть, габитус – это особого рода явление, которое затруднительно объяснить устоявшимися нормами традиционных подходов, например, институционального или структуралистского.

В-четвертых, вводятся конкретные конструкты, показывающие опору сплошного жизненного текста. Это – стереотипы, термины, лексика, интонации, постулаты, адепты, концепция, мифологема. Каждое в отдельности, это понятие широко используется, но не в комбинации.

В-пятых, фактически все интервью М.М. Тажина – это раскрытие дискурсивного начала всего мирового процесса и, в первую очередь, геополитики. Это отражается в вычлениении ключевых идеологем – геополитический дарвинизм, «новый Армагеддон» и абсолютизация рационального. Это – три базовых идеологических конструкта, на которых зиждилась вся мировая доктрина 4 г. назад. По большей части, они действуют и сегодня. Укреплению подвергаются только идеологемы, касающиеся геополитического дарвинизма или фактора силы.

Как отметил на 4 конгрессе социологов в Алматы в июне 2011 г. М.М. Тажин, «...нарастающая разнородность современного мира просто не позволяет схватить его в терминах прошедшей эпохи. При этом скорость процессов такова, что меняется не просто теоретическая картина, меняется внутренняя природа самих изучаемых обществ – настолько, что мы порой пытаемся измерить то, чего уже нет. Ситуация двадцать лет назад, когда мы обрели независимость, и сегодня, во втором десятилетии нового века, принципиально иная. В то же время, теоретическая картинка часто остается в рамках той структуралистской модели, на которой воспитано старшее и среднее поколение наших социологов» [35, с. 12].

Об этом говорит крупнейший эксперт Дж. Сорос. Критикуя политику Дж. Буша он отметил: «Подобный взгляд на внешнюю политику является составной частью комплексной идеологии, которую обычно называют неконсерватизмом, однако я считаю ее примитивной формой социального дарвинизма. Примитивной, потому что она игнорирует роль сотрудничества в процессе отбора наиболее приспособленных, и все сводит лишь к конкуренции» [36, с. 18–19].

По мысли Н.А. Назарбаева, высказанной в 2006 г. на съезде лидеров мировых и традиционных религий, иррациональному опыту религиозности также должно быть место.

Она – как «отдушина», позволяющая современному человеку питаться духовностью в условиях, когда весь мир стал сверхпрагматичен, что уже само по себе вызывает сомнения по поводу его разумности. Поэтому религия не становится реликтом. Она получает новые импульсы, стимулы для подъема. «Искать основу для диалога через божественное в человеке, а не через человеческое в божественном». При всей абстрактности этого принципа, он очень важен» [37, с. 2].

Конфессиональная сфера стала особым индикатором капитальных трансформаций в массовом сознании Казахстана. Значимость конфессионального фактора для внутривнутриполитической сферы поступательно нарастает. На этом сказывается постепенная релаксация общественного сознания от доминировавшего ранее атеизма. В религии население усматривает важный духовный стержень, который позволяет ему иметь дополнительные механизмы социально-психологической защиты в условиях давления рыночной прагматики и западных ценностей, размывающих внутренние традиционные ценности казахстанцев.

По данным ежегодных опросов Ассоциации исследовательских компаний «Gallup International» большинство населения мира можно назвать религиозными. Так, в 2005 г. две трети жителей планеты назвали себя религиозными вне зависимости от того, посещают они места религиозного поклонения, или нет. В меньшинстве оказались те, кто называет себя нерелигиозными людьми, и лишь 6% являются убежденными атеистами.

По оценкам экспертов, сегодня происходят тектонические изменения в мировой структуре религий. Главным фактором этого выступает быстрый рост численности сторонников ислама. За последние 15 лет число исповедующих данную религию достигло полутора миллиардов человек (около четверти от населения планеты). При этом это происходит преимуще-

ственно за счет высоких темпов естественного прироста населения, этнически относящегося к мусульманской конфессии.

Согласно прогнозам, до 2025 г. ислам способен стать первой по численности религией в мире, число сторонников которой может достигнуть трети от населения планеты.

Мусульманские этносы отличаются и высокой миграционной подвижностью, они активно перемещаются в регионы, которые принято считать территорией христианских вероисповеданий. Например, Европа сегодня становится важным центром притяжения мусульманских антропотокков.

Другим социальным фактором, обуславливающим небывалый рост влияния ислама, является высокий уровень внутренней консолидации носителей данного вероисповедания. По оценке канадского социолога Г. Менара, внутреннее единство мусульман достигает феноменального результата – до 92%, и близко к уровню монолитного народа [38]. Данные тенденции опосредуют повышенное внимание мировой общественности к развитию ислама.

Казахстан предложил уникальную модель, когда страна, будучи исламской по своей истории, традициям, носителям в лице этнодемографического большинства, может являться образцом межконфессионального согласия. Не случайно Казахстан стал местом проведения трех Съездов лидеров мировых и традиционных религий. В октябре 2008 г. в Астане прошел форум Министров иностранных дел исламских стран «Общий мир: прогресс через разнообразие».

Более двух третей населения Казахстана по своему этническому происхождению являются мусульманскими. При этом данный показатель за период с 1989 г. возрос почти вдвое. Пропорционально демографической представленности граждан мусульманского вероисповедания в стране функционируют мечети, число которых достигает 1700, или 65% от всего числа культовых сооружений. С каждым годом

растет число граждан, отправляющихся в Мекку для совершения хаджа.

Казахстан изначально избрал путь либерализации сферы деятельности религиозных объединений. Это выразилось в конституционных принципах отделения религии от государства, признания свободы совести и вероисповедания, идеологического и политического многообразия. Деятельность религиозных общин в настоящее время регулируется Законом «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях». Это был один из первых законов, который был принят независимым Казахстаном еще в январе 1992 г.

В стране действуют 4,5 тыс. религиозных общин. За период с 1989 г. этот показатель возрос примерно в 7 раз. Число конфессий и деноминаций в стране достигает 46, что наполовину больше уровня 16-летней давности. В распоряжении религиозных объединений сегодня имеется около 3 тыс. культовых сооружений.

На этом фоне среди населения наблюдается рост интереса к религии. Только за период с 2003 по 2007 г. число казахстанцев, идентифицирующих себя с той или иной религией, возросло примерно на одну шестую, достигнув практически 89%. Лишь около 10% граждан никаким образом не идентифицирует себя с религией. Вместе с тем, согласно результатам соцопросов, сегодня верующими себя считают примерно 62% казахстанцев или 5–6 млн. человек. По оценкам Алматинского Хельсинкского комитета, число активно верующих, т. е. состоящих в той или иной религиозной общине и соблюдающих все ее установления, оценочно достигает 1,5–2 млн. человек. Для сравнения: в 2003 г. эксперты этот показатель оценивали на уровне не выше 1,1 млн. человек. [39, с. 103].

В целом население поддерживает сложившуюся практику межконфессионального диалога и консенсуса, предполагающую доминанту светского формата и мягкую протекцию

традиционным конфессиям – в соответствии с долей их последователей в демографической структуре общества.

Одним из индикаторов этого является отношение казахстанцев к вопросам государственного участия в организации ежегодного хаджа в Мекку. Здесь большинство опрошенных проявили понимание и лояльность. 39,1% полностью одобряют меры государства по поддержке хаджа, 25% – скорее, одобряют. В сумме это – 64,1% респондентов.

«Не одобряют» вместе с теми, кто «скорее, не одобряет» составляют 16,2% опрошенных. Плюс 19,7% затруднившихся ответить (табл. 4).

Таблица 4

Одобрите Вы или нет-то, что государство оказывает поддержку в проведении паломничества (хаджа) мусульман в Мекку?

	%
	Всего
Одобрю	39,1
Скорее, одобряю	25,0
Скорее, не одобряю	8,4
Не одобряю	7,8
Затрудняюсь ответить	19,7

То есть, в принципе, в отношении хаджа среди населения есть определенный консенсус и понимание того, что возможна государственная поддержка верующих граждан. Ведь речь идет не столько о религиозной составляющей, сколько о социальной. Государство организует и поддерживает граждан РК, которые большой группой выезжают за пределы страны. 47,9% респондентов одобряют именно такой подход.

Доля тех, кто настаивает на линейном подходе, т. е. выступает за то, чтобы государство полностью дистанцировалось от религиозной сферы, составляет 29,5% (табл. 5).

Таблица 5

С каким из высказываний по этому поводу Вы бы согласились?

%

	Всего	Казахи	Русские	Другие
В вопросе о помощи в совершении хаджа речь идет не о поддержке религии, а именно о заботе государства о своих гражданах	47,9	54,0	32,0	56,6
Считаю, что государство не должно вмешиваться и оказывать какое-то участие в религиозной деятельности	29,5	25,7	39,1	24,3
Другое	0,5	0,6	0,2	0,9
Затрудняюсь ответить	22,2	19,7	28,7	18,3

Благодаря политике межконфессионального согласия, Казахстан стал авторитетной страной исламского мира. Сегодня Казахстан предлагает собственную модель мирного сосуществования конфессий мусульманским государствам. Об этом Президент сказал на открытии 38-го заседания совета министров иностранных дел стран Организации Исламская Конференция.

Глава Казахстана озвучил две ключевые задачи идеологического характера, стоящие перед исламским миром. Это: научиться противостоять религиозному фундаментализму как политической идеологии и наладить открытый и честный диалог между мусульманским миром и Западом. «Исламскому сообществу как воздух необходимы мир, модернизация, научно-техническое развитие и просвещение» [40, с. 1]. Это – ключевая идеологема, которая ложится в основу реконструкции исламского мира и его гармонизации с глобальным миром.

В этом контексте интерес вызывает реакция казахстанцев на активную деятельность руководства своей страны в исламском мире (табл. 6).

Таблица 6

**С каким из высказываний о сложившейся в Казахстане
практике межконфессионального взаимодействия
Вы бы согласились?**

%

	Всего
Казахстан может быть взят в качестве образца для других стран в плане мирного сосуществования различных религий, конфессий, вер	61,6
Ничего уникального в Казахстане нет и здесь имеются большие проблемы и проколы, которые не могут не подрывать имиджа страны	12,0
Ни с одним из приведенных высказываний не согласен	10,2
Затрудняюсь ответить	16,2

Большинство опрошенных считают возможным рекомендовать международному сообществу опыт Казахстана. 61,6% одобрили мнение, что наша страна может быть взята в качестве образца в плане мирного сосуществования различных религий, конфессий и вер. 12% считают, что ничего уникального в нашей практике нет. Десятая часть опрошенных не согласилась ни с одним из данных высказываний. 16,2% респондентов затруднились ответить.

Важным результатом усилий Главы государства является преобразование Организации Исламская Конференция в Организацию Исламского сотрудничества. Глава государства предложил возродить интеллектуальную роль исламской цивилизации. Вместо «столкновения цивилизаций» необходимо говорить об «альянсе цивилизаций». На этой основе исламскому миру необходимо перейти от сырьевого вектора

развития к индустриально-инновационному. При этом, президент не только выдвигает идею, но и предлагает конкретные механизмы ее реализации. Предложено разработать и принять в рамках ОИС совместный План действий по инвестиционному и технологическому сотрудничеству в энергетической сфере, а также создать Международный центр инноваций.

Важным инструментом должно стать расширение механизмов исламского финансирования. Президентом Казахстана было отмечено, что мировой экономический кризис выявил устойчивость и жизнеспособность исламской финансово-экономической модели. Одним из полезных и эффективных продуктов, который Умма может предложить миру, является система исламского финансирования. Казахстан открыл у себя Исламский банк.

Этносфера стала одной из самых важных отраслей приложения генерирующей и программирующей роли Президента РК. Здесь важно было найти оптимальные балансы. В Казахстане реализуется своеобразная смешанная модель формирования единой общности, границы которой пролегают между «чистым» либерализмом (равенство этнических групп) и ассимиляцией, т. е. консолидацией вокруг главного этноса – казахов, абсорбции некоренных этнических групп в рамках казахского этнокультурного поля. В целом страна, по оценкам, отличается умеренным национализмом с крепким этническим остовом казахов.

Казахи из этнической группы, преимущественно проживающей в сельской местности, трансформировались в высокоурбанизированную нацию. Они составляют главную долю в числе прибывающих в города. Преимущественно, это – молодые, пассионарные люди. По данным статистики, молодежь составляет половину от всей численности переместившегося населения. Причем населенность десятков ключевых

чевых казахстанских городов, преимущественно южных, за прошедшие 8 лет, начиная с 1999 г., только по официальным данным, приросла почти на четверть.

Найдя балансы в этнической сфере, Казахстан стал предлагать свои идеи и модели для гармонизации сначала – региональных, а затем – и глобальных отношений. Казахстан внес свой ощутимый вклад, чтобы сбалансировать мир за счет гармонизации западной и восточной цивилизаций. Этому стала служить идея Евразийства в версии Н.А. Назарбаева.

Евразийская идея обычно сводится к славяноцентризму, как своеобразное мягкое, идейное обоснование славянской экспансии в регионе, находящемся на стыке между Европой и Азией. В реальности для Евразии славянские народы – лишь один из компонентов. В Евразии таких компонентов много – иранский и китайский, наконец, тюркский. То есть, евразийская идея раскрыла возможности для Казахстана, да и всех постсоветских стран, не только двигаться в рамках фарватера реинтеграции внутри своего традиционного постсоветского поля. Появилась возможность не только присоединяться к другим интеграционным структурам, так сказать, «напрашиваться в гости», но и самим инициировать интеграционные идеи.

В региональном феномене Казахстан увидел многое. Евразийская доктрина Н.А. Назарбаева стала важным ключом для укрепления интеллектуальных амбиций отечественной науки. Она стала принимать попытки найти собственную идентификацию в мировом пространстве.

Одним из ключевых концептов профессора М.С. Аженова, который вместе с К.У. Биекеновым является патриархом казахстанской социологии, является положение о том, что, конечно же, наука универсальна по своей сути. Не может быть, например, русской математики или казахской физи-

ки. Какими-то общими закономерностями обладают и гуманитарные науки. Однако все же для каждой страны должна быть своя национальная наука. Например, казахстанская социология. Но прибавление национального не означает дистанцирования или ухода национальной науки от всеобщей. Напротив, они должны взаимно тяготеть друг к другу. Национальная наука должна уделять некоторое дополнительное внимание особенностям развития национально-территориальной общности, выявлять новые прецеденты и находить стыки, обогащать всеобщую теорию и методологию. Национальная наука должна распознаваться по тем ученым, которые ее представляют, кто является ее носителем.

Такие мысли корреспондируют с устоявшимися постулатами современной научной теории. Еще английский писатель XIX в. С. Батлер отмечал, что «перемены – это неизменность в изменяющихся обстоятельствах». И эта дилемма на сквозной основе пронизывает практически все сферы современного бытия казахстанского общества. Повальное увлечение западным – остается одним из крупнейших вызовов современного Казахстана. Никто принципиально не встает против западного. В нем содержится много положительного, благодаря которому, например, Европа живет в достатке и комфорте. Но, как говорил опять же английский философ, математик XX в. Альфред Н. Уайтхед: «Что привычно для одного народа, будет странным для другого» [41].

В этом контексте глобальный кризис, с которым человеческая цивилизация столкнулась в 2007–2008 гг., во многом был спродуцирован недостаточным учетом восточной философии. Идеология потребительства, достигшая гипертрофированных масштабов, спровоцировала интоксикацию мировой экономики диспаритетами между накоплениями и затратами. Западноцентристские модели экономики перестали быть привлекательными. Вместе с кризисом экономик

наступил кризис идеологий. На смену либерализму приходит национализм, укрепляющий склонность стран к протекционизму, что загоняет мир в ловушку распада глобальных отношений.

Идея перехода к обществу «акметала», отсылки на высказывания крупных ученых Евразии в статье «Ключи от кризиса» Президента РК Н.А. Назарбаева, подталкивают нас обратить внимание на первоисточки, начиная еще с древнегреческих философов, ученых раннего средневековья, когда в мире доминировала восточная по своему характеру мудрость.

В этом контексте философия аль-Фараби представляет огромный резерв для укрепления уверенности в оптимистическом будущем человечества. В своем известном трактате «О взглядах жителей добродетельного города» он выделил добродетельные и порочные города. Причем последние становятся таковыми, так как не знают истинного счастья, не стремятся к нему, а уделяют внимание только телесным наслаждениям и богатству. Добродетельный город по аль-Фараби – это совершенно здоровый организм, каждый из органов которого помогает друг другу, чтобы сохранить жизнь живого существа и сделать ее более полной. Во главе такого города стоит правитель, наделенный даром философской мудрости. Он дает народу возможность постигать истину через доступный для него язык и образы [42, с. 305].

В этот контекст очень хорошо вписывается высказывание Президента на ежегодной встрече Беоосского форума 18 апреля 2009 г. Говоря о необходимости кардинальной перестройки миропорядка, Глава государства подчеркнул важность включения в этот процесс Азии. «Азия – это не просто континент, это – наш общий дом, в котором живет наша большая семья наций и народов. Оказалось, что главная проблема Азии – в том, что кризис, возникший на другом континенте,

сильно влияет на нас, ухудшая положение внутри каждой из наших стран и континента в целом. Азия дала миру самые прочные наднациональные ценности древнейших цивилизаций, образцы твердости духа, но она вполне сможет дать миру и самые качественные и стабильные наднациональные расчётно-платёжные инструменты» [43].

Азиатский потенциал должен гармонизировать современный мир. И хорошо, что социальные пространства Казахстана наращивают связи с азиатским миром, включая единое культурно-гуманитарное пространство тюркских стран.

О результатах феномена политического лидерства Н.А. Назарбаева в плане социальной модернизации и адаптации населения в современных условиях говорят высказывания зарубежных экспертов.

В конце ноября 2010 г. мне довелось побывать в Москве на конференции, организованной Всероссийским центром общественного мнения (ВЦИОМ). Как это бывает, все докладчики на пленарном заседании выступить не успевают. Модератор принимает решение выслушать их выступления во второй части форума. Как правило, все тут же соглашались.

Конференция, в которой я принимала участие, не стала исключением. Однако на предложение ведущего перенести мое выступление и выступления коллег из Украины, Беларуси, Молдовы председатель Центризбиркома России Чуров сказал: «Я думаю, что вы поддержите меня, и мы предоставим слово для выступления представителю страны, которая первой из постсоветских стран председательствует в ОБСЕ и делает это достойно и эффективно».

Слышать такие слова от политиков, ученых, экспертов, безусловно, приятно, но в чем-то их комплиментарность ожидаема. Совсем другое, когда общаешься с обычными людьми и слышишь, например, такое высказывание: «Каза-

хи, вы – молодцы! Вы не метете улицы чужих городов. В Москве – всё СНГ, а гастарбайтеров-казахов нет». Или таксисты, узнав, откуда ты, говорят: «Вам повезло с президентом. Ваш Назарбаев – мужик, что надо. Привет ему передавайте». Не говоря уже о людях старшего поколения, которые уверены, что, если бы президентом СССР был не Горбачев, а Назарбаев, не было бы Беловежской пуши.

Независимость открыла для казахстанцев уникальную историческую возможность – участвовать в построении современной и, самое главное, успешной страны. Казахстан не просто выстоял. Он состоялся как государство.

Все эти гг. мы наблюдали уникальную траекторию политического роста Нурсултана Назарбаева. Главная ее суть – в том, что, помимо природной одаренности и личностных качеств, у первого президента РК произошло накопление мощного социально-политического и лидерского капитала. В социологии его обозначают термином «габитус» – «жизнь». Эксперты-политологи называют Назарбаева уникалом, который имеет феноменальную память, прекрасно запоминает лица, имена, факты, события, цифры. В политике, как правило, все кроется в деталях, и Назарбаев при всей масштабности и глобальности решаемых им проблем оказался мастером работы именно с деталями.

Независимость позволила нации реализовать свой творческий потенциал. Мощным фактором развития стала Астана. Став воплощением идеи первого президента, столица Казахстана сегодня символизирует развитие независимого национального духа. Астана не просто стимулировала территориальное развитие, она запустила маховик социального обмена и преемственности поколений. Астана дала шанс молодежи быстрее найти свое место под солнцем, вместе со своим личным прорывом, сделать вклад в становление государственности.

Президент РК Н. Назарбаев стал ведущим ресурсом Казахстана как на международном уровне, так и внутри страны. Британский писатель Джонатан Айткен, автор книги «Нурсултан Назарбаев и созидание Казахстана» сказал о президенте Казахстана следующее: «Это – выдающийся политик и просто уникальный политический долгожитель. Только вдумайтесь: его карьера началась с комсомольской работы во времена Джона Кеннеди и Никиты Хрущева. А теперь правят Барак Обама и Дмитрий Медведев. И этим мировым лидерам нужны его советы. Совсем недавно они втроем обсуждали киргизский кризис в Овальном кабинете Белого дома. На международной арене он проявил себя как очень успешный и осмотрительный политик. Я написал книгу о Ричарде Никсоне и теперь вижу, что у них есть нечто общее: оба понимали крайнюю важность хороших отношений как с Россией, так и с Китаем. И оба стремились к гармонии в международных делах, особенно в дипломатии с великими державами».

Зарубежные эксперты, среди которых – известные российские политологи Юрий Солобозов, Алексей Власов, Сергей Михеев, Игорь Панарин и многие другие, считают, что стержень казахстанской государственности, позволивший Казахстану безболезненно осуществить трудные политические, экономические и социальные преобразования, – это институт президентства. Глава Казахстана, по их мнению, являет собой пример политического лидера, который сочетает интеллектуальные инновации с традициями, авторитетом, житейской мудростью казаха и здоровым прагматизмом. Поэтому, считают эксперты, все политические и экономические проекты Назарбаева были успешными.

Управленческое кредо Назарбаева, по мнению Солобозова, можно сформулировать так: «Не подлаживаться под политические процессы, а направлять их и управлять будущим». Со-

звучно ему директор Российского института национальных стратегий Михаил Ремизов считает, что «президенту Казахстана удалось сформировать некоторую новую реальность, реальность, которая заложила основы будущего для республики». Именно поэтому за два десятилетия после распада СССР молодой энергичный Казахстан демонстрирует пример динамичного и, вместе с тем, эволюционного развития.

Одна из удивительных категорий жизни – время. Казалось бы, только вчера мы встречали миллениум, а 10 лет пролетели как один день. 2030 год теперь уже не кажется таким уж далеким, по крайней мере, он стал ближе, чем казался нам в 1997 г. А в 2020 г. окажется, что это – совсем рядом. Сегодня мы поверили в себя, в страну, в президента, укрепляя вместе с лидером нации свою самодостаточность и силу.

Внеочередные президентские выборы 3 апреля 2011 г. стали индикатором того, как мы научились сочетать внутренние потребности и внешние контексты. Сила Казахстана – в том, что его лидер сумел объединить общество единой национальной стратегией. Сила Казахстана как раз заключается в том, что страна способна прагматично оценивать свое место в мире, не преувеличивая и не уменьшая свою значимость [44].

Нашему государству часто приходилось действовать на опережение, инициируя перемены не только внутри общества, но и на международном уровне. Именно ускоряющаяся парадигма времени способствовала тому, что в Казахстане возникла ситуация внеочередных президентских выборов. Их успешное проведение показало, что за гг. суверенного развития Казахстан научился главному – управлять временем. И сегодня многие эксперты утверждают, что выборы-2011 прошли в штатном режиме, без ажиотажа и каких-либо скачков роста политизации населения. Тем не менее, есть пять ключевых моментов внутривнутриполитического свойства.

Во-первых, несмотря на то, что выборы стали внеочередными, т. е. электоральный цикл в стране не устоялся и, тем самым, продолжился транзитный период, не был допущен правоавторитарный дрейф Казахстана, а, значит, победил демократический вектор. Вместе с тем, Казахстану для успешного преодоления транзитного периода важно перейти на нормальную выборную ритмику. Преимущество в нашей стране, в первую очередь, должна обеспечиваться законом. Осознание этого и подвигло Президента Нурсултана Назарбаева трансформировать процесс вокруг референдума, усиленный инициативами Парламента о внесении новых конституционных поправок.

Глава государства сумел разрешить ситуацию таким образом, что одновременно реализовал запрос населения, поддержавшего референдум (а это – свыше 5 млн. человек), и Парламента – конституционные поправки в части президентских полномочий были приняты и, одновременно были инициированы президентские выборы. В результате рейтинг Главы государства поднялся до 95%.

Более того, во время прошедшей выборной кампании ключевой кандидат – действующий Президент – предпринял нестандартный ход, отказавшись от агитационной кампании. Тем самым он дал широкую возможность другим кандидатам донести свои цели до населения. Своим отказом от участия в предвыборной гонке Нурсултан Назарбаев создал прецедент и новую основу для бесперебойной работы госорганов, их концентрации на выполнении госпрограмм.

Следующий момент внутривнутриполитического свойства касается государственного языка, роль которого в ходе предвыборных мероприятий значительно возросла. Выборы, как лакмусовая бумага, проявили жизненные тренды казахстанского общества. На этот раз в рамках подготовки выборов особенное значение придавалось знанию кандидатами в

Президенты госязыка. Так, из-за незнания казахского языка не рискнули принять участие в электоральной борьбе те представители оппозиции, которые ранее заявляли о своем намерении участвовать в президентских выборах. Таким образом, выборы наглядно продемонстрировали, что казахский язык сегодня используется как в государственном делопроизводстве, так и в социальной коммуникации. Т. е., заявленная цель – до 2020 г. достичь полного владения населением государственным языком, реальна.

Другой вопрос – регламентация использования госязыка в политике. В этом плане Казахстану еще надо работать, потому что в мировой практике степень владения языком определяется специальными тестовыми программами, например, TOEFL. Поэтому для продолжения модернизации выборных процедур нам необходимо подтянуть оценку владения государственным языком до мирового уровня.

В прошедших выборах приняли участие: яркий политический деятель Гани Касымов, известный эколог Мэлс Елеусизов, а также представитель Коммунистической народной партии Казахстана Жамбыл Ахметбеков. Но, несмотря на харизматичность лидера Партии патриотов Казахстана, жизненную важность экологической проблематики и верность части электората коммунистическим идеалам, никто из претендентов на пост Президента не смог предложить чего-то нового, что бы не учитывалось в платформе действующего Главы государства. Таким образом, выборы продемонстрировали необходимость дальнейшего развития института политического лидерства.

Феномен Нурсултана Назарбаева, напротив, давно вышел за рамки президентского института и перерос в ранг Лидера нации. Об этом свидетельствуют рейтинги отечественных социологических мониторингов, которые даже в кризисные 2008–2009 гг. не опускались ниже 85%. Фактически, они

установились на выборном результате 6-летней давности в 91%.

Н.А. Назарбаев сумел стать надежным гарантом для всех казахстанцев, сохранив и укрепив независимость на сложном этапе международной социализации Казахстана. Рассудите сами: одно дело – обрести независимость, и другое, более трудное – удержать ее и закрепить. Признание людьми того, что Президент Н.А. Назарбаев делает для страны, нейтрализует так называемый феномен «усталости сознания». Не удивительно, что многие зарубежные эксперты воспринимают политическое долголетие первого Президента Казахстана как важный капитал, уникальное стечение исторического времени, благодаря которому, у страны есть шанс сделать многие внутренние положительные процессы необратимыми.

Политический процесс в рамках электоральной кампании выявил огромный и еще неиспользованный резерв социально-политической модернизации – продвижение женщин в политике. 5 марта 2011 г. в Казахстане произошло знаменательное событие – Первый съезд женщин. На нем Глава государства поставил задачу: довести показатель участия женщин на уровне принятия политических решений до 30% (сегодня он равен 10%). Мы видели, как кандидаты в своих программах активно использовали идею вовлечения женщин в политическую жизнь страны. И это – правильно.

Плюс ко всему, выборы стали важным поводом для подтверждения казахстанцами своей верности принципу мира и согласия. Во время электоральной кампании Президент озвучил одну весьма важную консолидирующую идеологию. Во время посещения мавзолея Х.А. Яссауи, Глава государства подчеркнул светский характер Казахстана и его исторические традиции, особенно то, что казахские женщины наравне с мужчинами всегда были свободными, независимыми и

уважаемыми в обществе. И хотя Казахстан называют частью исламского мира, но он не представляет собой теократию.

Выборы 2011 г. стали фактором политического единения населения, а не его дифференциации, как этого хотели отдельные лжепатриоты, призывавшие народ к бойкоту. Граждане услышали альтернативные платформы и идеи кандидатов.

Казахстан сделал свой выбор. Население убедилось в оптимальности и универсальности политической платформы Н.А. Назарбаева, в том, что он обладает громадным политическим потенциалом. Поэтому итог прошедших выборов является закономерным. Это – полная и безусловная победа Президента Н.А. Назарбаева и всех казахстанцев. Это – наша общая победа – народа, страны, и ее Лидера.

2. МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ТРОЙНОГО ТРАНЗИТА В КАЗАХСТАНЕ

2.1. Характер политического транзита Казахстана

Трудность развития Казахстана заключалась в одновременном построении новой, современной, рыночной экономики, проведении демократических реформ и изменении сознания людей. В таком тройном транзите и лежал основной вызов. При этом имела место диахронность развития трех этих компонентов.

Профессор Ж.Х. Джунусова отмечает: Казахстан переживает «переход от диктатуры к демократии; от командной экономики к свободному рынку; от составной части империи к национальному государству. Более того, демократические и рыночные преобразования – асимметричны, отношения между целями одновременного создания демократии и рынка – напряженные и негармоничные» [45, с. 80].

За прошедший период массовое сознание столкнулось с бурными внешними переменами и от того начало меняться само. Авторы с учетом этого выделяют несколько этапов. Глава государства выделил три конкретных этапа социально-политического транзита Казахстана. «Первый (1991–1995 гг.), когда мы демонтировали советскую систему и занялись созданием основ государственности. Второй этап (1996–2000 гг.) был связан с реализацией глубинных структурных преобразований экономики и политической системы. Третий этап (2001–2006 гг.) – время экономического роста» [46, с. 1].

На всем протяжении реформ происходило закрепление контроля власти за внутривнутриполитическими процессами. В силу этого была сформирована достаточно жесткая вертикаль власти. Это было ответом на ключевой запрос общества в «твердой руке», на что указывало исследование Института

развития Казахстана в 1996 г.: «При примерно равной доле сторонников «железного порядка» правого, левого и национального толка, некоммунистический сценарий развития политического процесса является одним из наиболее вероятных. Корни такого возможного поворота находятся в преобладающей установке массового сознания в экономической сфере на этатизм и эгалитаризм. Однако, несмотря на то, что большинство населения положительно относится к авторитарному государственному регулированию экономических и социальных процессов, свертывание гражданских и политических свобод и установление классического авторитарного режима не будет поддержано населением» [47, с. 52].

С учетом этого ставка была сделана на четкую вертикаль власти, в которой Президент является вершиной, а исполнительная, законодательная и судебная власти представляют собой ее основание. Президент вертикально дистанцирован и возвышается над тремя ветвями власти. Подчиненная единой государственной воле, власть внесла решающий вклад в демонтаж тоталитарной системы, ускоренное проведение социально-экономических реформ, формирование институциональных основ демократии.

Политолог Б.М. Каипова затрагивает другой аспект – роль Президента в межэлитных отношениях. «В условиях транзитного общества особенно необходима была централизация действий по урегулированию общественно-политических процессов. Эта большая работа была проделана Н. Назарбаевым: он не только обеспечил преемственность элит, но и выступил в роли умелого регулятора и арбитра межэлитных отношений» [48, с. 305].

Известный политолог М.С. Ашимбаев в 2001 г. так промаркировал периоды политического транзита Казахстана: 1-й этап политического транзита (1990–1993 гг.) охарактеризован как «период слома»; 2-й этап (1993–1995 гг.) – «пери-

од поиска»; 3-й этап (1995–1998 гг.) – «период кристаллизации»; 4-й этап (1998 г.) – «период эволюции» [49, с. 15].

В 2005–2007 гг. у Казахстана начался качественно новый этап политического развития. По крайней мере, об этом весьма широко говорилось на публичном уровне. Однако охарактеризовать этот период – сложно, поскольку, несмотря на достаточно редкие президентские выборы и новые конституционные поправки, политическая эволюция не достигла какого-то нового качественного уровня. Скорее, она продолжилась и перешла в новую адаптационную фазу. Хотя, по оценкам экспертов политический транзит 2007 г. достиг некоей точки «невозврата», т. е. некоей необратимости процесса [50, с. 87]. Политолог А.Т. Перуашев отмечает наличие турбулентного периода, когда нарушение одного порядка означает автоматической адаптации другого [51, с. 48–49].

Таким образом, 2007 г. следует называть важным рубежным этапом в развитии политико-психологической сферы Казахстана. Нельзя сказать, что сразу все поменялось, но некоторые «перегородки» сдвинулись, и потоки начали двигаться по-другому. Следовательно, можно согласиться с выделением четвертого этапа политического развития Казахстана, начиная с 2007 г. [52, с. 17].

Фактически, эта периодизация показывает движение социально-политической адаптации населения. Казахстан уже вступил в новую фазу развития, когда значимость децентрализации и общественного сектора возрастают.

Ведущим фактором адаптации населения в условиях транзита стала миграция. Обычно этот феномен рассматривается упрощенно, как количественные флуктуации территорий. В реальности же миграция – это очень сложный механизм, трактуемый как проявление общества в качестве саморегулирующегося организма. Так, А.Т. Забирова в своем обзоре теорий миграции выделяет из них структуралистские, субъ-

ективистские и сетевые. При этом выделяются следующие уровни ее измерения: макро-, мезо- и микроуровни миграции. На макроуровне исследуются паттерны миграции, или объективные параметры, «выдавливающие» человека из привычной среды обитания, на микроуровне основное внимание уделяется индивидууму, его персональным характеристикам, которые служат объяснением мотивов миграции.

Со второй половины 80-х гг. в анализе установления причин миграции начинает активно разрабатываться еще одно измерение – анализ сетевых отношений, включенности человека в неформальные сети, позволяющие прийти к адекватному осмыслению причин миграции [53, с. 138–139].

Миграция выступила в качестве главного инструмента замещения неадаптивного населения на ориентированное к приспособлению к изменившейся среде. И Казахстан за прошедшее время из миграционного донора превратился в миграционного реципиента. Согласно докладу Всемирного банка, в 2007 г. Казахстан занимал 9-е место в списке ведущих стран мира, принимающих трудовых мигрантов [54, с. 77].

В результате миграционных изменений произошло пере структурирование этно-демографического полотна Казахстана. Оно стало менее европейским и более восточным. Численность коренного населения достигла квалифицированного большинства.

Как отмечает демограф М.Б. Татимов: «Многочисленных национальностей в современном 15-миллионном Казахстане – семь. Это казахи – более 9 миллионов, русские – около 4 миллионов, украинцы, узбеки, уйгуры, татары, корейцы и немцы. Остальных – гораздо меньше 100 тысяч. Я, к примеру, классифицирую наши этносы как русскоязычные, европейские и восточные. Демографические характеристики их очень различаются. Я вот могу сказать, что через полвека

80–90% населения Казахстана будут представлены восточными этносами» [55, с. 19].

Численность казахов в 2008 г. превысила 9,1 млн. чел., что на треть больше показателя 1989 г. По предварительным итогам национальной переписи февраля 2009 г. доля лиц коренной национальности в стране достигла 67%, что равняется примерно 11-ти миллионам человек из 16,7 миллионов [56].

Среди прибывающих казахи составляют 89%. При этом положительное сальдо у них превышает среднереспубликанское значение примерно в 20 раз. Среди убывающих основную массу составляют русские, украинцы, белорусы и немцы – их доля среди эмигрантов – 87%.

Показатели рождаемости у казахов составляют свыше 23 промилле, нетитульных азиатских этнических групп в среднем – 25 промилле, европейских групп – 12,3 промилле. При этом доля казахов в числе родившихся за период с 1999 г. выросла с 65 до 70%.

Изменения в этно-демографической структуре представляет собой достаточно сложный процесс, который не может быть объяснен лишь характеристикой изменений статистических показателей. Происходят глубокие социальные изменения, в том числе, меняется культурная и языковая среда, в которой усиливаются казахские компоненты. Параллельно происходит закрепление рыночных отношений, базирующихся на общелиберальных подходах, в которых этнические ценности размыты.

Все это опосредует развитие общества по двум конкурирующим между собой моделям. В наиболее выигрышной ситуации оказываются те социальные агенты, которые развиваются на стыке, в зоне совмещения этих двух моделей. То есть, с одной стороны, они мыслят по-рыночному, стремятся жить в соответствии с законом, укреплять свой экономический статус и конкурентоспособность, а, с другой – спо-

способны оперировать культурными инструментами – владеют казахским языком, знают традиции, глубоко интегрированы в общественные процессы. Например, по данным опросов, граждане, хорошо владеющие казахским языком, казахским и русским языками, высказывают более оптимистичные оценки относительно текущего развития страны и ее перспектив. Так, уровень удовлетворенности жизнью среди казахоязычных составляет 73,2%, владеющих двумя языками – 71,9%, русскоязычных – 53,9%.

Помимо языка, значение имеет также фактор социальной коммуникации. Некоторые этнические группы, в особенности, из числа прибывающего населения этнических меньшинств, замыкаются в своей внутренней среде, чем способствуют образованию своеобразных этнических анклавов. Особенно ярко это явление получает развитие в крупнейшем мегаполисе страны – г. Алматы. К этнической обособленности склонны также узбеки, уйгуры, корейцы, наибольшее число которых проживает в Алматинской, Южно-Казахстанской, Жамбылской областях, а также в Алматы.

Свою роль, безусловно, играет и экономическая адаптация. Плохо адаптированные к существующим условиям жизни группы населения подвергаются процессам маргинализации и, соответственно, пополняют группы социального риска.

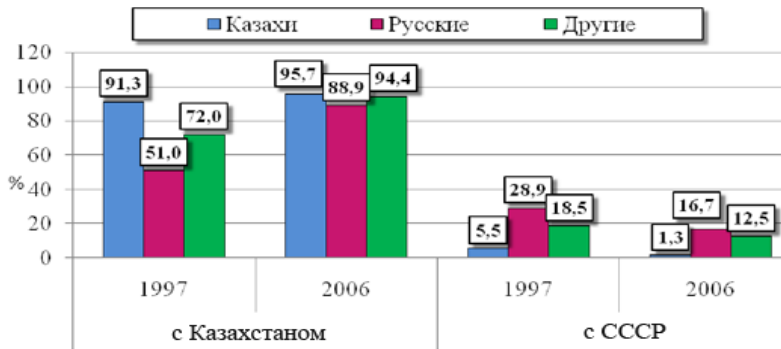
Казахстанское общество изначально было ориентировано на консолидацию на основе единой гражданской общности. Опыт совместной жизнедеятельности в рамках казахстанского государства способствовал повышению идентификации граждан с Казахстаном, включая некоренное население.

Полностью изменился идентификационный код населения. В ходе социологических опросов в 1991 г. подавляющее большинство опрошенных – порядка 86% – не могли себя представить вне Советского Союза. Спустя шесть лет этот

показатель снизился до 17%, среди русских – примерно до 30%, иных этносов – до 18,5%. Советская идентичность стала замещаться казахстанской. В 1997 г. с Казахстаном себя идентифицировали 91,3% казахов, чуть больше половины русских – 51% и 72% других национальностей.

Еще спустя 10 лет идентифицировать себя с Казахстаном стали почти 96% казахов, т. е., достигнута фактически максимальная планка. Среди русских Казахстан, как главный идентификационный код, составил уже практически 89%, что всего на 7% меньше, чем у казахов. По другим национальностям отмечается показатель идентификации с Казахстаном на 1,5% ниже, чем у казахов (диаграмма 2).

Диаграмма 2

Динамика идентификации граждан
за период с 1997 по 2006 гг.

Соответственно, у казахов теперь практически отсутствуют те, кто идентифицирует себя с бывшим советским государством. В 1997 г. таковых насчитывалось 5,5%, в 2006 г. – 1,3%, или в рамках статистической погрешности.

Среди русских число идентифицирующих себя с советским государством снизилось почти наполовину – с 29 до

16%. По другим национальностям значимость советской идентификации упала на треть – с 18,5 до 12,5%.

Среди тех, кто сохраняет «верность» советской идентичности, преимущественно граждане старшего возраста, которые питают ностальгию по прошлым временам, которые на расстоянии почти двух десятков лет иллюзорно представляются, как идеальные (не было такой гонки, люди были обеспечены, не было такой дифференциации).

Казахи проявляют наибольшую стабильность в собственной этнической идентификации. По данным опросов, принадлежность к своей этнической группе является важнейшим идентификационным признаком для 41,6% казахов. Среди русских этот показатель составляет всего около 25%, других национальностей – 34%.

В Казахстане сложилась уникальная конфессиональная модель, обеспечивающая такую гибкость системы, при которой, в принципе, все этнические и религиозные группы, включая меньшинства, не ущемляются ни в правах, ни в возможностях. Базовый принцип равенства религий поддерживает квалифицированное большинство опрошенных – 64,3%. Больше половины готовы поддержать биконфессионализм – 53,6%. Казахстан, как часть исламского мира, рассматривают почти 40% респондентов.

Многое в плане межконфессионального мира зависит от позиции представителей этноконфессионального большинства, а именно – казахов, исповедующих ислам. В целом, казахи, как и все, чаще придерживаются принципа равенства конфессий – 61,1%, но этот показатель – ниже среднего значения, если брать все этнические группы. На уровне среднего показателя доля казахов, считающих, что в Казахстане приоритет отдается двум религиям, т. е. исламу и православию – 51,7%. Третьим является показатель поддержки мнения, что Казахстан является частью исламского

мира. Но он заметно выше среднего значения по республике – 48,4%.

Таким образом, Казахстан практикует динамичную модель конфессионального баланса, при которой равенство конфессий обеспечивается в условиях выраженной роли двух ключевых религий – ислама и православия и фактического нахождения страны в зоне интересов исламских держав (табл. 7).

Таблица 7
С каким из высказываний о Казахстане
Вы бы согласились?

в %

	Всего	Казахи	Русские	Другие
А. Казахстан в силу демографического большинства мусульман можно отнести к странам исламского мира	39,1	48,4	21,6	39,6
Б. Казахстан является поликонфессиональной страной, в которой отношение государства к различным религиям является равным	64,3	61,1	65,6	73,2
С. В Казахстане приоритет отдается двум основным конфессиям – исламу и православному христианству	53,6	53,1	51,7	59,1

Упор на равенство прав и положения конфессий чаще делают представители этнических меньшинств – 73,2%. В принципе, они же чаще соглашаются на биконфессионализм – 59,1%. Но вот по признанию Казахстана исламской страной соглашается 39,6% респондентов из другой националь-

ности, что меньше почти на 9% показателя у казахов, хотя почти вдвое выше, чем у русских – 39,6%.

Один из самых спорных вопросов не только в Казахстане, но и во всем мире, в особенности, Европе – ношение хиджабов. В апреле 2011 г. во Франции вступило в законную силу решение о запрете ношения хиджаба и паранджи, что стало первым прецедентом и усилило и без того напряженный фон в мире, связанный с продолжением фактической войны прохристианского НАТО с исламскими странами (Афганистан, Ирак).

В целом, хиджабы одобряет меньшинство – 28,8% опрошенных, из которых половина одобряет полностью. Доля неодобряющих – выше, 40,2%, из которых большая половина неодобряет полностью – 27%. Примерно каждый четвертый респондент высказался о своем нейтральном отношении и еще 7% от ответа уклонились.

В организациях образования ношение хиджабов поддерживают еще меньше опрошенных – 25,4%, из которых меньше половины одобряет полностью – 11,5%. Зато высказывающихся против заметно больше – 51,6% т.е. более половины опрошенных.

Таблица 8

**Одобрение ношения хиджаба в целом и конкретно
в государственных учреждениях, учебных заведениях**

%

	Хиджабы в целом	Хиджабы в заведениях
Положительно	14,5	11,5
Скорее, положительно	14,3	13,9
Скорее, отрицательно	13,2	19,1
Отрицательно	27,0	32,5
Нейтрально, безразлично	23,7	14,7
Затрудняюсь ответить	7,4	8,2

На мнения респондентов не могло не повлиять высказывание Президента о неприемлемости ношения хиджабов в образовательных учреждениях.

Следует сказать, что среди казахов отмечен более существенный разброс мнений, чем в остальных этнических группах. Казахи преобладают по доле полностью поддерживающих хиджабы – 17% против 14,9% в группе другой национальности и 9,5% – у русских. Казахи чаще встречаются и среди поддерживающих хиджабы в организациях образования – 13,4% против 10,2% группы другой национальности и 8,6% – русских.

Однако казахи же преобладают и по крайним отрицательным оценкам. Так, доля полностью отрицательно относящихся к хиджабам казахов достигает 29,3%, что на треть больше показателя группы другой национальности. Сквозь призму образовательных учреждений у казахов отрицательные оценки возрастают до 35%, что на четверть больше, чем у представителей другой национальности (табл. 9).

Таблица 9

**Одобрение ношения хиджаба в целом и конкретно
в государственных учреждениях, учебных заведениях
(по национальности)**

в %

	Хиджабы в целом			Хиджабы в заведениях		
	Казахи	Русские	Другие	Казахи	Русские	Другие
Положительно	17,0	9,5	14,9	13,4	8,6	10,2
Скорее положительно	13,9	10,2	23,4	13,4	11,0	21,3
Скорее отрицательно	14,6	12,1	10,2	19,3	18,8	19,1
Отрицательно	29,3	27,2	18,7	34,7	32,0	26,0
Нейтрально, безразлично	17,8	31,8	28,9	10,4	21,4	16,6

Продолжение таблицы 9

	Хиджабы в целом			Хиджабы в заведениях		
	Казахи	Русские	Другие	Казахи	Русские	Другие
Затрудняюсь ответить	7,3	9,3	3,8	8,6	8,2	6,8

Сложившаяся ситуация говорит о пока неоформленном среди этноконфессионального большинства мнении по вопросу ношения хиджабов. Данная проблема продолжает оставаться в числе актуальных тем.

Между тем, на наш взгляд, сама постановка проблемы: разрешить носить хиджабы в школах и вузах, или запретить, является некорректной. Ведь никто не возмущается, что девушки ходят в школы в коротких юбках или джинсах. То есть, полемика по поводу хиджабов как символов веры – деструктивна. По нашему мнению, нужно было говорить о дресс-коде, общепринятых нормах ученической и студенческой формы. Вопросы хиджабов создают ситуацию дискриминации сразу по двум направлениям – религиозному и гендерному.

Важно, что Казахстан при сильной исламской компоненте демонстрирует стабильность, мир и согласие в обществе, которые складываются в национальное единство. Казахстан представляет такую модель, которая поднимает авторитет ислама как мирной религии. Этот момент очень важен для недопущения глобального межкультурного столкновения. Поэтому Казахстан в 2011 г., после завершения полномочий председателя ОБСЕ, принял на себя функции председателя Организации Исламская Конференция. Это – новые возможности для продвижения казахстанского опыта межконфессионального согласия.

Помимо этномиграционной и духовно-культурной адаптации, граждане пережили один из важнейших видов адаптации – социально-экономический.

По данным исследований Информационно-аналитического Центра Администрации Президента РК от 1997 г. 37,8% респондентов считали, что их жизненный уровень снизился, 31,8% потеряли веру в будущее, 25,3% находились в постоянном состоянии дискомфорта и озлобленности.

В пятерке лидирующих самохарактеристик граждан в настоящее время находятся: 1) интерес к жизни – 43,3% опрошенных; 2) спокойствие – 23,6%; 3) оптимизм – 22,7%; 4) решимость – 19,1%; 5) радость – 15,5%. Это дополняется характеристиками – прилив энергии (12,1%), вдохновение (9,6%), восторг (3%).

Большинство из указанных характеристик отражают активный социальный настрой, т. е. нацеленность на адаптацию в жизни. Об этом говорят как характеристика интереса к жизни, так и, особенно, решимость, прилив энергии и вдохновение.

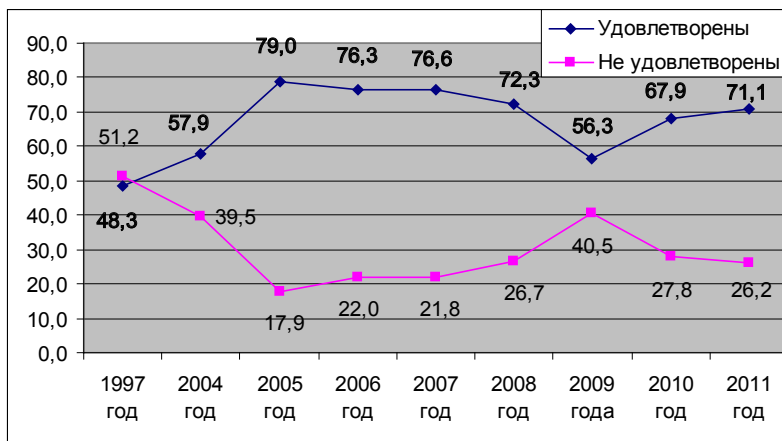
Вместе с тем, часть населения находится, так сказать, в рабочем состоянии, больше – в поисковом режиме, на пути улучшения своей жизненной ситуации. Об этом говорят характеристики озабоченности – 21,5%. Примерно столько же, по всей видимости, находясь в большой жизненной динамике, проявляют усталость – 21,6%.

В меньшинстве находятся те, кто испытывает негативные социальные настроения. В общей сложности, негатива по 8 индикаторам суммарно набралось 28%, тогда как по 7 положительным индикаторам – 145,9, или в 5,2 раза больше. Неуверенность, тревогу проявляют 16,4% опрошенных, страх – 2,3%, озлобленность – 1,7%, депрессию – 1,3%. За 10-летний период число адаптировавшихся к жизни превысило не адаптировавшихся и разрыв в показателях достиг трехкратного размера.

В 1997 г. удовлетворенность жизнью высказывали 48,3%, что было меньше тех, кто не удовлетворен, на 3%. В 2004 г.

число удовлетворенных жизнью превзошло неудовлетворенных уже на 16%. В 2005 г. на волне серьезных государственных социальных уступок, произведенных в рамках президентской избирательной гонки, был отмечен самый большой отрыв числа адаптантов от неадаптантов. Первые превзошли вторых в 4,4 раза. В дальнейшем отрыв несколько снизился, что было связано с прохождением фазы кризиса в 2008–2009 гг. Доля удовлетворенных жизнью снизилась до 56,3%. Однако в 2010–2011 гг. ситуация выправилась. Число адаптантов возросло сначала до 67,9%, затем – до 71,1% (диаграмма 3).

Диаграмма 3

**Соотношение числа адаптировавшихся
и не адаптировавшихся
к жизни за период с 1997 по 2011 гг.**

Рыночные реформы способствовали тому, что граждане стали с той или иной степенью активности приспосабливаться к складывающимся жизненным условиям. По данным социологического исследования, порядка 42% казахстанцев считают, что среди населения пришло понимание важности

индивидуальных усилий граждан для обеспечения своего жизненного благополучия. Что без собственной активности и инициативности ничего не добиться. Данную группу населения можно отнести к активным адаптантам, или тем, кто склоняется к активной адаптации без жесткой привязки к тому, как будет вести себя государство.

Вместе с тем, в целом общественное поле поделено на фактически равные по своим размерам группы активных адаптантов и носителей прогосударственного, патерналистского мышления. Почти 41% опрошенных отмечают, что граждане стараются самостоятельно решать свои проблемы, но все же рассчитывают на участие, включенность, поддержку государства. Но это – все же группа транзитного характера, которая отнюдь не возлагает все свои надежды, ожидания только на государство.

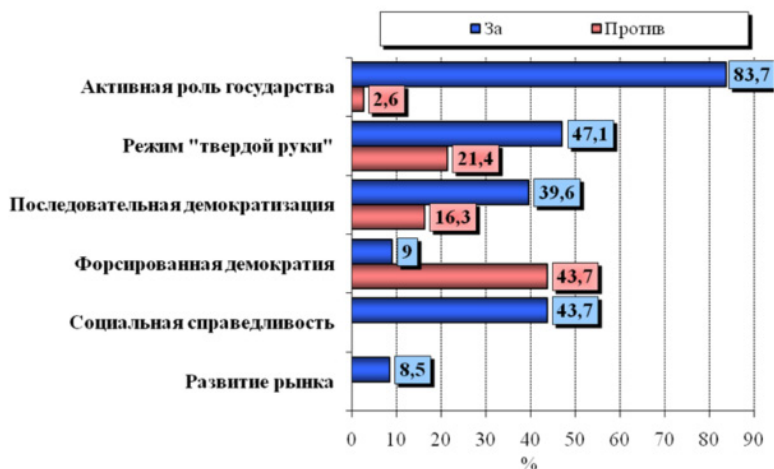
Имеется группа «чистого» патерналистского сознания, которая говорит, что государство несет главную ответственность за благополучие каждого в отдельности гражданина. Так думает и четко проговаривает примерно десятая часть казахстанцев. К ней следует прибавить «болото» затрудняющихся ответить. Несмотря на такую структуру, главным центром ожиданий открытия «шлюзов» мотиваций и стимулов к развитию является государство. Большинство населения принципиально против «слабого» государства, форсированных рыночных и демократических реформ и вообще против радикализма в принципе (диаграмма 4).

В этой связи следует отметить, что число респондентов с мнением, что государство должно принимать активное участие в регулировании экономических процессов, превышает все показатели и достигает уровня в 84%.

Около 40% поддерживают только последовательную демократизацию, которая учитывала бы национально-культурные, социальные, этнические, элитные интересы в обществе,

а около 16% – вообще против какой-либо демократии. Сторонниками форсированной демократизации является меньшинство – 9% опрошенных. При этом при наличии форс-мажора почти половина опрошенных – около 47% – может поддержать даже установление в стране режима «твердой руки».

Диаграмма 4

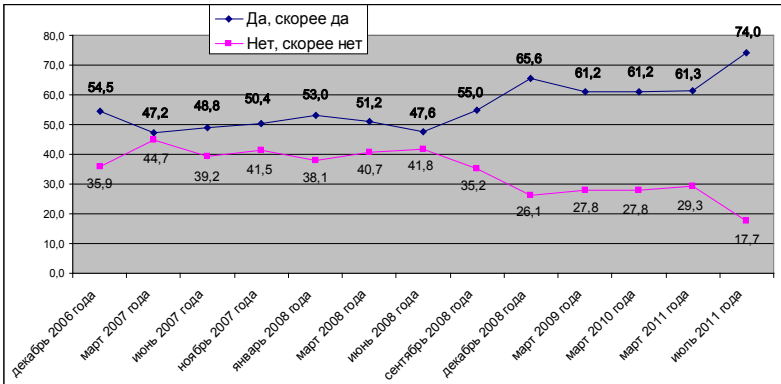
**Индикаторы отношения граждан к роли государства
и темпам реформ**

Наконец, рыночников «чистой воды» поддерживают лишь порядка 8,5% респондентов. Наибольшая группа выступает в качестве сторонников тех, кто выступает за социальную справедливость (43,7%).

С учетом данных опросов, государство постепенно расширяет свою мотивирующую функцию. С марта 2007 г. число респондентов, отмечающих, что госорганы постепенно, но все же решают социальные проблемы, выросло примерно на треть – с 47 до 74%. Соответственно, число граждан, не

считающих, что государство решает или создает условия для решения социальных проблем, сократилось с 45 до 17,7%. Разлет показателей является ключевым индикатором успешности реализации государственной социальной политики.

Диаграмма 5

Динамика восприятия гражданами эффективности деятельности государственных органов по решению ключевых проблем развития страны в период с декабря 2006 по июль 2011 г.

При этом, как видно из данных диаграммы 5, особое оживление в деятельности госорганов произошло на фоне развертывания кризисной «воронки» осени 2008 г. Как обычно говорят в этом случае – пока «жареный петух» не клюнул.

Таким образом, граждане в целом принимают условия нынешнего времени и готовы активно строить свою жизнь с учетом требований и канонов рынка. Вместе с тем, в массовом сознании сохраняется сильная приверженность идее сохранения сильного государства, которое воспринимается как гарант обеспечения социальной справедливости в обществе. Ожидания от государства, по-прежнему, велики и, в принципе, государство научилось отвечать требованиям населения.

Патернализм – это и проблема, и ресурс влияния власти в сегодняшних условиях. На нем, в принципе, и зиждется внутривластная стабильность. Особенно чувствительно общественное мнение реагирует на социальные меры госорганов в кризисный период.

В целом, казахстанское общество претерпело три уровня адаптации. Первый – это территориальная адаптация, второй – духовно-культурная, третий – социально-экономическая.

Адаптация населения идет волнообразным путем.

Первым сигналом о начале активной адаптации казахстанцев стал рост рождаемости и брачности. Это можно назвать «брачной адаптацией». Вспомним хотя бы проблему «трех семерок», когда ЗАГСы не могли принять всех желающих заключить брак 7 июля 2007 г. В Казахстане отмечается «бэби-бум», рост желания граждан обзавестись семьей и потомством. Такой феномен можно назвать первым и самым важным признаком появления у граждан уверенности в завтрашнем дне.

Второй важный сигнал – это «автомобильная адаптация». Граждане перешли от покрытия базовых потребностей в пище и одежде к новым, более сложным возможностям. За период с 2003 по 2010 гг. парк легковых автомобилей в стране удвоился – с 1148,7 до 2686,7 тыс. ед., тогда, как в течение всех 90-х гг. он вырастал в пределах 15%. С этим связаны такие проблемы, как перегрузка автомобильных дорог, в особенности, в крупных городах, рост спроса на благоустройство дорог и населенных пунктов, строительство транспортных развязок, обеспечение безопасности движения.

Третий сигнал – это популяризация жилищного вопроса, т. е. «жилищная адаптация». Если в 1997 г. жилье в качестве приоритетного вопроса ставили 9,7% опрошенных, то в июле 2011 г. – 18,8%. На пике актуальности жилищного вопроса, когда программа жилищного строительства только начинала

действовать, его выделяли 42,7% респондентов. Показатель того, что почти половина населения была озабочена жилищным вопросом, указывает не только на тех, у кого жилья нет совсем, но и на тех, кто желал бы улучшить свои жилищные условия.

На этих примерах можно сказать: адаптивные свойства казахстанского общества начинают усиливаться – по мере того, как государство переключается от поддерживающе-стабилизационного подхода к стимулирующе-мотивационному. Граждане живо откликаются на то, когда государство создает возможности, чтобы население могло самостоятельно решать проблемы. Нельзя сказать, что население перестало рассчитывать на государство, но теперь это рассматривается не как должная опека, а как бонус, удача, шаг доброй воли, социальная уступка государства.

2.2. Закономерности социально-политического поведения граждан

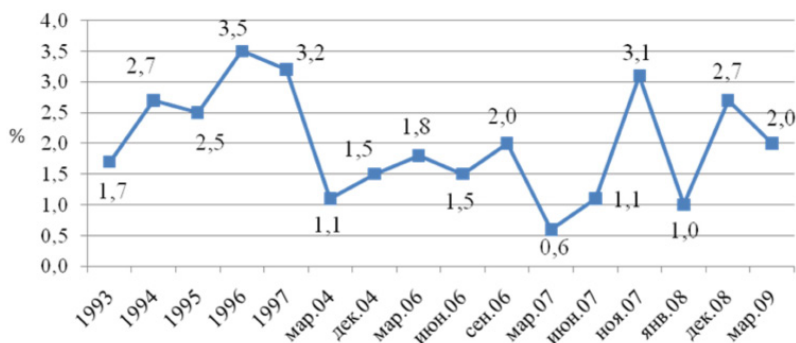
Важным аспектом успешности дальнейшего развития, в том числе, сохранения внутривнутриполитической стабильности является формирование у населения активного кода социального поведения, снижение зависимости общества, в том числе, искусственной, самозависимости от государства.

По данным опросов, лишь чуть больше четверти населения (27%) для собственного же развития готово рассчитывать, в первую очередь, на свои силы. Остальная часть возлагает свои надежды на государство. При этом большинство благополучие страны связывает, прежде всего, с усилиями Президента (около 30%). С эффективной деятельностью госорганов усматривает возможности развития около 16% опрошенных. Каждый десятый респондент видит залог успешности развития в правительстве. Почти столько же –

в лице акимов. Менее всего население видит возможности прогресса в участии бизнеса – 1,5%.

На этом фоне происходит снижение протестного потенциала. Пиковые показатели социальной напряженности наблюдались в середине 90-х гг. В 1996 г. был отмечен самый большой показатель. Порядка 3,5% населения было готово к участию в протестных акциях. Это – показатель активной, открытой протестности. В целом же размер протестного электората в 90-е гг. приближался к 40-50% (диаграмма 6).

Диаграмма 6

**Уровень социальной напряженности
в сравнительной динамике 1993 – март 2009 г.**

В 1997 г., с объявлением Стратегии развития Казахстана до 2030 г., протестность населения пошла на убыль. С началом периода экономического роста протестность снизилась до минимальных отметок. В 2004 г. она удерживалась в пределах 1,1–1,5%. Этот показатель демонстрирует, что население в первые гг. экономического роста попросту выправлялось от посткризисного периода.

Однако, по мере усиления экономики, социальные амбиции населения стали возрастать, что соответственно, отраз-

илось в некотором повышении потенциальной социальной напряженности населения. В 2006 г. уровень открытой протестности установился в пределах 1,8–2%.

2007 г. стал наиболее противоречивым годом. В течение г. были зафиксированы как минимальный, так и максимальный уровни протестности. Весной он составил чуть больше полупроцента, но осенью резко поднялся фактически до уровня 1997 г. Такой момент отражает очень большую зависимость общественных настроений от социально-экономической динамики развития страны. В случае развертывания экономического кризиса протестность может очень быстро возрастать.

Снижение уровня протестности в начале 2008 г. до 1,3% также показывает высокую зависимость социальной психологии от фактора участия государства. Вмешательство Президента в процесс урегулирования сложностей в экономике, связанных с ипотечным кризисом и ростом цен настолько же быстро успокоило социальные настроения, насколько они возбудились. Однако новая волна кризиса вновь способствовала усилению тревожности общественных настроений. О своей готовности инициировать митинги протеста стали заявлять 2,7% опрошенных.

По итогам опроса в марте 2009 г. доля открытой, активной протестности составила не более 1,8–2%. В физическом объеме, если рассчитывать от числа экономически активного населения, это составляет примерно 166 тыс. чел. Наибольшая концентрация этого протестного поля очевидна в Алматы, а также Атырауской, Мангыстауской, отчасти – Жамбылской и Кызылординской областях.

Развертыванию «спирали» социальной напряженности препятствует мощный ресурс терпимости казахстанцев к трудностям – с учетом их временного характера, а также отсутствие склонности к активным формам решения собствен-

ных проблем. Население предпочитает изыскивать любые способы исправления невыгодных жизненных ситуаций без включения крайних методов протестности.

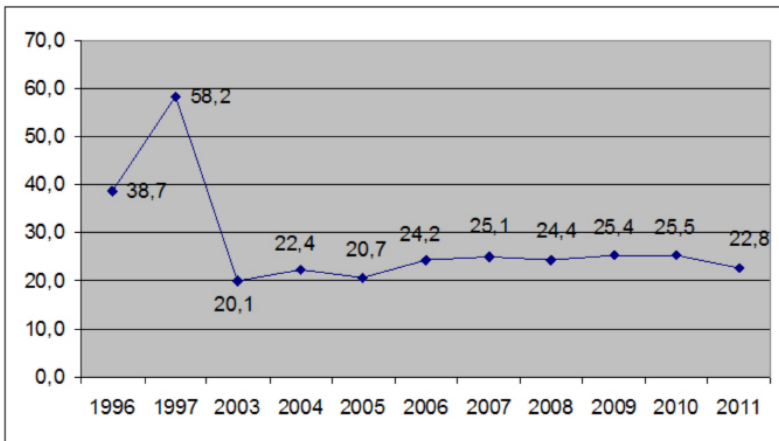
Политизация общественных настроений является крупным фактором социальной напряженности. Закономерность здесь проста – граждане тем больше интересуются политикой, высказываниями чиновников в правительстве, представителей партий, чем хуже ситуация в экономике.

В наиболее сложные 96–97 гг., когда отмечался пик экономического кризиса или нижняя планка падения, число постоянно интересующихся политикой превышало половину населения страны. Получалось, что почти каждый второй казахстанец очень живо интересовался тем, что делают политики. Следовательно, население было настроено не только поглощать информацию, но и реагировать на нее. При этом следует отметить, что уровень политизации подвергался значительным колебаниям – в 1997 г. относительно 1996 г. был прирост на четверть.

С началом стабилизации уровень политизации населения значительно снизился. В 2003 г. лишь пятая часть населения постоянно интересовалась политикой. На фоне реформ 2007 г. доля опрошенных, активно интересующихся политикой, возросла до 25,1%, на волне кризиса в 2009 г. она достигла 25,4%. В 2010 г. по инерции, она составила 25,5%. Но в 2011 г. наблюдается снижение политизации населения до 22,8%. Это связано с изменением повестки дня развития страны – с тематики принятия важных политических документов произошел переход к их реализации, включая такие, как Доктрина национального единства, Госпрограмма форсированного индустриально-инновационного развития (диаграмма 7).

Снижающийся характер политизации населения сказался и на электоральной активности.

Диаграмма 7

**Показатели активного интереса к политике среди населения
в сравнительной динамике 1996–2011 г.**

Вплоть до середины 90-х гг. имела высокая электоральная мобилизация. В 1989 г. в выборах депутатов местных советов приняло участие 87% избирателей, 25 марта 1990 г. в выборах Верховного совета Казахской ССР XII созыва – 83,9%, в выборах Президента 1 декабря 1991 г. – 88,23%, в выборах депутатов Верховного совета РК XIII созыва – 73,52%. В референдуме по продлению сроков Президента в апреле 1995 г. принимало участие рекордное количество избирателей – 91,3%. Менее, чем на 1% уступил показатель августовского референдума по принятию Конституции – 90,58% [57, с. 103].

Затем электоральная активность начала снижаться. В декабре 1995 г. в парламентских выборах приняли участие 64,69% избирателей. Показатель президентских выборов 1999 г. уже составил 87%, в 2005 г. – 75%. Снижение за 10 лет – на пятую часть. Явка избирателей на парламентских

выборах составляет еще меньший показатель. В 2007 г. она была на уровне 64,56%. В этом плане исключением являются президентские выборы 3 апреля 2011 г., на которых явка избирателей превысила показатели прошлых лет.

Изменения затронули мотивацию участия граждан в выборах. В качестве мотивов своего участия в выборах стали чаще выделять гражданский долг (55 и 57%), желание поддержать свою партию (3 и 11%), стремление сделать вклад в развитие страны (21 и 23%). Меньше граждане стали голосовать, исходя из привычки (13 и 7%), страховки от того, что кто-то воспользуется их голосом (15 и 13%).

В мотивах неучастия чаще стали фигурировать нехватка времени (5 и 23%), принципиальное неучастие в выборах (9 и 15%). Реже стали обосновывать свое игнорирование выборов такими аргументами как некачественные выборы (14 и 13%), отсутствие достойных участников (8 и 5%).

Прежде всего, следует говорить о том, что у большинства населения, в особенности, на сельском уровне, доминирует конформное отношение к выборам. Если люди и идут на выборы, то это представляет собой, скорее, как бы выполнение ими какой-то обязанности, привычку или просто своеобразное развлечение. У части городских избирателей, успешно адаптирующихся в нынешних условиях, участие в выборах – это некая демонстрация собственной адаптации, наличия прописки, устоявшегося ритма жизни, своеобразного признака достатка, стандарта жизни, достоинства и т. д. Таким образом, основная масса избирателей идет на выборы исходя не из политизированности (партийных предпочтений), а из собственных личных мотивов. В принципе, за прошедшие 17 лет в этом плане мало, что изменилось [58, с. 54].

Вместе с тем, в ходе опросов нами была выявлена взаимосвязь между выборами, партиями и социальной напряженностью.

Выборы и политические партии как механизм снятия социальной напряженности. С социальной точки зрения выборы могут быть использованы как механизм укрепления связей со всеми компонентами социальной структуры общества, прежде всего, с теми, кто, хотя бы потенциально, мог бы рассматриваться как ресурс поддержки проводимого политического курса. Политические же партии могут выступать в качестве механизма снятия протестного потенциала, его канализации и переработки в конструктивные политические формы.

Согласно результатам опроса, проведенного в апреле 2004 г., среди тех респондентов, которые поддерживают партии, отмечен более высокий уровень электоральной активности (44,7%) при низкой поддержке механизмов прямого воздействия на власть через участие в митингах протеста (9,3%) (табл. 10).

Таблица 10

Приемлемые механизмы воздействия на власть для граждан с различным отношением к партиям (N= 8000, апрель 2004 г.)
%

Готовность голосовать за партии	Участие в выборах	Участие в забастовках, митингах протеста	Обязательно пойдут голосовать
Средний показатель поддержки всех партий	44,0	9,3	44,7
Средний показатель поддержки оппозиционных партий	40,3	11,7	39,9
Голосуют против всех партий	20,6	10,8	14,7

Те же респонденты, которые поддерживают конкретные оппозиционные партии, проявляют меньшую склонность к участию в выборах (39,9%), но чаще готовы оказывать давле-

ние на власть через протестные акции (11,7%). Характерно, что оппозиционный электорат даже в большей степени склонен к активным формам протестности, чем те, кто голосует против всех партий (10,8%). Следовательно, в случае неучастия или бойкотирования выборов оппозиционными партиями риски открытой протестности увеличиваются.

Профессор М.С. Аженов отмечает зависимость политического поведения от экономических и социальных мотивов. Причем в основе своей население аполитично: «Разнообразие политического поведения электората связано с определенными причинами. Поскольку подавляющая часть избирателей не являются профессиональными политиками и определенная часть и даже большинство их индифферентны к политическим процессам, то их электоральное поведение зачастую исходит из разных обстоятельств, которые слабо связаны с их политическими позициями или мировоззрением. Среди этих обстоятельств особое место занимают экономические, материальные условия их жизни» [54, с. 31–32].

Социолог А.П. Коновалов отмечает воспроизведение политической апатии, что особенно ярко наблюдалось в период с 1999 по 2003 г.: «Анализ политической активности населения в последних двух электоральных кампаниях демонстрирует крайне нежелательные для упрочения демократии тенденции в осознании значительной частью наших соотечественников развивающихся гражданских потребностей. Речь идет, прежде всего, об инфантильности, неверии и безразличии к формированию выборных органов госуправления среди значительной части гражданского населения» [60, с. 165].

Очень четко подметила специфику апатичного политического поведения российский исследователь Н.В. Карпова: «Исследуя происходящие изменения в постсоветской политической культуре в конце 1990-х гг., В.О. Рукавишников... отнес формирующуюся... политическую культуру к типу

культуры «наблюдателей», или «сторонних зрителей»... Специфика культуры «наблюдателей» заключается в том, что в ней совмещается довольно высокий уровень субъективного интереса к политике и ярко выраженная политическая апатия граждан, их нежелание участвовать в политической жизни общества» [61, с. 63].

По итогам же всего электорального цикла 2003–2007 гг. политическое поведение казахстанцев в принципе с некоторыми спецификами отражало основные социологические закономерности: законы «бэндвэгона», «андердога» и знаменитую «спираль молчания» Элизабет Ноэль-Нойман [62].

Закон «бэндвэгона» побуждает избирателей отдавать свои голоса за победителя опроса. Именно поэтому политическим партиям нравятся результаты опросов, в которых они занимают высокие рейтинговые позиции и они с удовольствием их принимают в качестве средства косвенной агитации. Партии, которые, так скажем, не дотягивают до нужного результата, пытаются компенсировать это натягиванием социологических данных.

Согласно другому закону, «андердогу», часть избирателей проявляет сочувствие партиям-аутсайдерам и у них возникает желание поддержать таких. Они смотрят, что лидеры рейтингов и так успешны. Их поддерживает основная масса или значительная часть избирателей. И потому они считают, что для «баланса», гармонизации этого мира можно было бы проголосовать за тех, которые явно не выиграют, но хотя бы получают поддержку какой-то, хотя бы малой части избирателей, как компенсацию за их старания, за то, что они все же набрались смелости и вышли на выборы, явно видя, что не смогут на равных конкурировать с лидерами.

Кроме того, зачастую избиратели в ходе выборной кампании несколько подустают от интенсива агитации излишне амбициозных партий, их публичных схваток, «наездов» друг

на друга, и в этих условиях они предпочитают «тихих» кандидатов или партии. Неразговорчивость и где-то инертность их воспринимается как некое проявление мудрости, своеобразного уважения к избирателям по принципу: мы не будем навязывать своих позиций, мы просто доведем до вашего сведения свое мировоззрение, а вы уже решайте сами.

Следствием «спирали молчания» является воздержание определенной части избирателей от демонстрации собственной позиции по отношению к участникам выборов. В результате имеет место эффект «сдвига последней минуты», когда часть избирателей определяется окончательно с собственным решением в день голосования, либо даже уже на избирательном участке, при виде избирательного бюллетеня, отмечая знакомые имена, названия как бы наугад. Есть и другая категория избирателей, которые сознательно поменяли свою точку зрения от той, которая была у них ранее (которую, возможно, они заявляли в ходе опроса, если были его участниками). При этом изменение точки зрения может произойти даже по очень мелкому поводу. Например, услышали о скандале вокруг той партии, за которую вроде как решались голосовать, либо увидели агитационный плакат, который понравился либо появился как раз в нужное время, в нужный час, в определенное настроение.

Есть и более сложные проявления «спирали молчания» – это сознательное сокрытие своих истинных взглядов или предпочтений. Обычно такая категория людей «выпадает» в группу затруднившихся ответить. Однако, если она идет на выборы, то голосует за свои «истинные предпочтения». Как правило, граждане скрывают свои пристрастия, если их объект в официальном общественном мнении носит критический, негативный оттенок. В особенности это проявляется в ходе телефонных опросов, в меньшей степени – при анонимном анкетировании.

Помимо, этого как для сельского, так и для тянущегося к престижу городского населения весомым остается фактор власти. У первой категории – это проявление природной лояльности, почитания, признания сакральности власти, у второй – это признание ценности благоприятных отношений, «связей» с властью как возможностей для достижения успеха. Поэтому на выборах гражданин может проголосовать так, как этого хочет власть, по крайней мере, так, как он чувствует, что хочет власть.

2.3. Модель политического сознания казахстанского общества

Население Казахстана находится под воздействием различных политических факторов. Главными из них являются модернизация и рост благосостояния населения. В обществе укрепляется запрос на либерализацию экономики, высвобождение предпринимательской инициативы населения. Вместе с тем, в политических реформах сохраняются умеренные настроения, связанные со значительным компонентом патернализма. Население продолжает поддерживать принцип сильного государства – для обеспечения социального благополучия. Ключевыми конкурирующими идеологическими течениями остаются либеральный консерватизм и социал-демократия, включая идеи обновленного социализма.

Вместе с тем, идейно-политическое поле казахстанского общества претерпевает рост национал-патриотических настроений, заключающийся в поддержке развития традиционных национальных ценностей государствообразующей нации, таких, как казахский язык и казахская культура.

Модернизация для восточных обществ несет с собой серьезные политические риски. В Казахстане она усилила противоречия между традиционалистами и либерал-демократа-

ми, старшей и младшей частью. Одним из проявлений этого стал конфликт вокруг младотюрков в 2001 г.

Примерно с такой же проблемой столкнулись в свое время модернизаторы в Иране, что потом привело к усилению религиозного крыла.

«...Процесс модернизации в Иране привел к расколу на собственно иранский (аутентичный) – традиционный и модернизированный сегменты. «Традиционалисты» оказывали сопротивление, стремясь не допустить потери своей национальной и цивилизационной идентичности. Переделка оригинального восточного общества по «западному образцу» привела к зарождению и усилению дезинтеграционных процессов» [63, с. 12–13].

Иранское общество, также, как казахстанское-полиэтническое и полиязычное, но здесь оно ближе к состоянию монотетичности, с явной доминантой Ислама. Поэтому здесь конфликт уходит в религиозную радикализацию и антиамериканизм. В нашем случае конфликт пролегает где-то по линии между ключевыми этническими группами и поколениями.

Главный сдвиг в политической психологии казахстанцев заключается в том, что под воздействием модернизационных стрессов сознание отдрейфовало с левого фланга в центр, не дойдя до праволиберального. В начале-середине 90-х гг., актуальной как известно, была несколько иная проблема – угроза «красного ренессанса» [47, с. 52–53].

Если говорить в целом, то казахстанское общество слабо структурировано по принципу твердых политических убеждений. Свои взгляды на политику имеет только 30% опрошенных, из них только шестая часть сформировала свои убеждения на основе прочтения специальной литературы. Следовательно, каждый четвертый респондент может рассуждать о политике, основываясь только на своих личных наблюдениях.

Вместе с тем, данное обстоятельство может быть проявлением пластичности казахстанского общественного сознания, определяющим его гибкость к происходящим изменениям. Это является залогом сохранения политической стабильности.

Имеется мнение, что среди населения преобладают консервативные настроения, однако данное утверждение, в основном, не соответствует действительности. Казахстанское общество достаточно дифференцировано по политическим взглядам. 14% называют себя умеренными, по 12% распределяется между демократами и социал-демократами, 9% – умеренные национал-патриоты, 8% – можно назвать экологами, 6,5% – национал-радикалами, 5,6% – поддерживают правоавторитарную платформу и только 3% идентифицируют себя с либерализмом.

Как правило, более умеренными являются респонденты старшего возраста из среднедоходных слоев. Молодежь более радикальна, она порой поддерживает национал-патриотические или демократические лозунги. «Железный порядок» обычно поддерживается силовиками и группами собственников, заинтересованными в сохранении статус-кво.

Национал-патриотическая идея чаще поддерживается низкодоходными группами, а также национальной интеллигенцией. Социал-демократия чаще находит отклик среди населения со средними доходами, некоренной национальности.

В плане обеспечения экономических свобод более существенно выделились демократический, либеральный и консервативный подходы. Лишь 10% опрошенных согласились с главной идеологемой социал-демократии о высоких налогах на бизнес для выравнивания благосостояния граждан. Однако, при дополнительном опросе, 58% респондентов поддержали идею о необходимости участия государства

в управлении экономикой. Иные идеи из программ умеренных, либералов или демократов находят значительно меньшую поддержку.

Ключевой тезис правоавторитарной идеологии о «железном порядке» или «режиме твердой руки» поддерживают три четверти респондентов. Чистый правоавторитаризм приветствуют только 6% опрошенных. Треть респондентов готова поддерживать «железный порядок» только в случае политического кризиса – демократы. Каждый четвертый из опрошенных считает приемлемым режим «твердой руки» только в условиях экономического кризиса и при условии умеренных мер регулирования – это консерваторы.

Важным индикатором политической стратификации является отношение к формам собственности. Здесь доминирует консервативный подход – о сочетании различных форм собственности для обеспечения гибкости экономики – 37,5%. Однако более чем явным является запрос на преобладание государственной формы собственности в структуре экономики – 43%, из которых половина – только за государственную собственность. О приоритете частной собственности говорят 16% опрошенных.

Индикатор демократической платформы о многопартийности, свободе слова показывает, что в политике преобладают демократы – 46%. Примерно в 3 раза меньше показатель консерваторов, в 5 раз – социал-демократов, в 15 раз – правоавторитаристов.

То есть, в вопросах экономики респонденты – либо либеральные консерваторы, либо социал-демократы, в политике же наблюдается преобладание модернизаторов.

Из этого следует, что политическая система требует дальнейших реформ для высвобождения частной инициативы и предпринимательского духа. Без этого экономика не будет успешно развиваться, в особенности, в части инноваций.

Точкой схождения экономических и политических идеологий является вопрос обеспечения социального равенства. Здесь каждый третий поддерживает приоритеты социал-демократии, но каждый четвертый – за умеренный подход, из области либерального консерватизма. Чистый либерализм поддерживают 11% опрошенных; 18% респондентов сошлись на обеспечении равенства стартовых возможностей, т. е. демократии.

В этой связи, ни одна из партийных идеологий в Казахстане не может быть эффективной без правильного оперирования вопросами обеспечения социального равенства. Идеология всеобщего блага могла бы стать фактором дальнейшей консолидации казахстанского общества.

Между тем, *емкость консервативного поля достигает порядка 50–55%*. При этом по некоторым индикаторам консервативный показатель превышает средневзвешенный. Например, за сохранение стабильности и порядка в стране выступают порядка 67% опрошенных, президентской формы правления – около 60%, благополучие своей семьи ставят в качестве главной ценности около 56% населения. Вместе с тем, по остальным индикаторам показатели колеблются в пределах до 43%. Среди наиболее характерных здесь можно отметить такие, как поддержка смешанной формы собственности (около 43%); ценности: работы (около 36%), безопасности (около 35%), порядка в стране (28%), гражданского мира (около 12%) и т.д.

Следует сказать, что наши исследования коррелируют с данными, которые фиксируются в российском социуме. Например, Н.В. Карпова отмечает, что «25–30% граждан твердо ориентируются на модель либерально-демократических ценностей... Однако носителями традиционалистской... ментальности, подданнической по своей сути, остаются все еще почти 40% россиян» [61, с. 61].

Авторы В. Магун и М. Руднев отмечают «срединность» менталитета россиян, т. е. склонность к взвешиванию между собой «изменений» и «сохранения». «Население России (если сравнивать его с населением других стран на основе средних величин) характеризуется срединным положением в ценностной оппозиции «Открытость изменениям – сохранение» и одной из самых высоких ориентаций на ценности Самоутверждения (в ущерб ценностям Выхода за пределы своего «Я») [65, с. 43].

Россия сильно подвержена влиянию крепостническо-монархической архаики оседлого быта. Поэтому здесь пессимизм, понимание обиженных властью, подданничество выражено сильнее. «По уровню патерналистских настроений – 78% – Россия более, чем в 3 раза превосходит Великобританию (27%), примерно в 2-2,5 раза – США (31%) и Германию (35%)» [66, с. 18].

У казахстанского общества ситуация несколько иная. Безусловно, патернализм имеется не меньший, а где-то – больший, чем в России. Однако у нас он больше связан с восприятием лидера. «Он знает путь», «он впереди». Имеется определенная сакрализация, неумеренность в пиетете.

Как отмечает политолог Е.К. Ертысбаев, «...Казахстанское массовое сознание гораздо менее «советское» и «социалистическое»... Ведь «среднерусское», или, тем паче «среднебелорусское» сознание последних лет – это, во многом, сознание людей измученных, озлобленных и никому не доверяющих... казахстанскому массовому сознанию чужды чрезмерно радикальные взгляды ввиду заинтересованности большинства населения в стабильности и порядке, не говоря об особом менталитете и сугубо своеобразных традициях, корни которых зиждятся на специфическом казахстанском укладе жизни» [67, с. 35].

То есть, патернализм в Казахстане – это не дань советскому сознанию и, тем более, не следование российскому опыту.

Это – свой опыт восприятия мира, который должен знаменоваться определенными иерархиями и мифами.

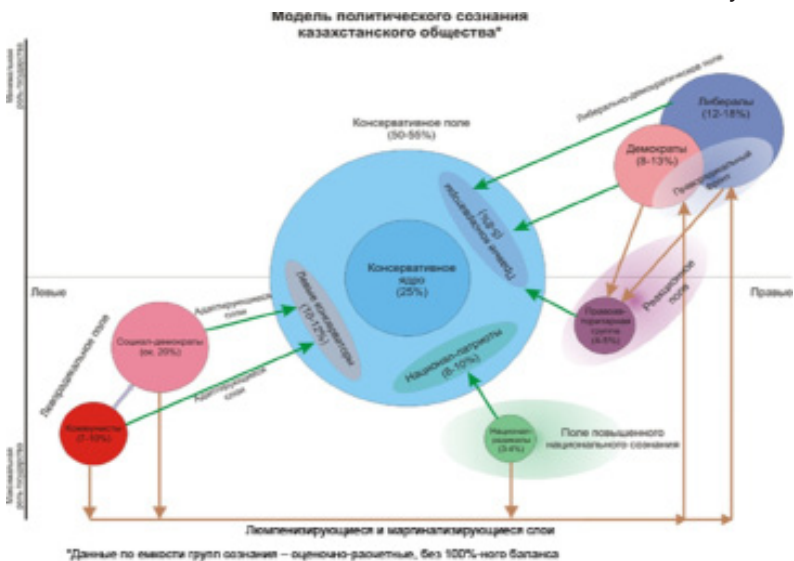
В математической модели массового сознания консерватизм занимает центральное положение. При этом точка его расположения равноудалена как от основных политических полюсов по горизонтали – правого и левого, так и по вертикали – максимальной и минимальной роли государства (сбалансированность отношения к роли государства). Такое положение, а также емкость консервативного поля определяют политико-психологическое тяготение к нему носителей остальных групп сознания.

Вместе с тем, выделяются и «чистые», принципиальные консерваторы. По результатам социологической фильтрации респондентов сквозь призму целого комплекса индикаторов ***выкристаллизовалось «консервативное ядро» в пределах 25%, или почти половины от всего консервативного поля.*** Это – то, что отечественные эксперты характеризуют как группу населения центристской ориентации [68, с. 187]. Остальную часть можно отнести к группам консервативного тяготения. Среди них можно отметить: «левых консерваторов» (сторонников социальной стабильности) – около 10–12%; «правых консерваторов» (сторонников демократической стабильности) – около 5–8%; – особо выделяются группы с «повышенным этническим сознанием» (преимущественно – казахи, часть казахскоязычного населения), которые в преломлении консервативного поля представляются как национал-патриоты. В общем числе консерваторов доля таковых составляет примерно 1/5 часть (рис.1).

С учетом этого сегодня по своей сути консерваторами являются: носители социал-демократического, коммунистического сознания, стремящиеся сохранить сильную роль государства; национал-патриоты, акцентирующие внимание на традициях, возрождении культуры, языка; правоавторитари-

сты, желающие закрепления демократии, рынка, структуры собственности в стране и в целом большинство населения, выступающее за стабильность, гражданский мир, согласие, благополучие, придерживающееся традиционных ценностей.

Рисунок 1

Пояснение: Данные по емкости групп сознания – оценочно-расчетные, без 100%-ного баланса

Модель политического сознания казахстанского общества

Группы носителей консервативного сознания представляют собой опорную базу поддержки политического курса. Среди них, прежде всего, следует отметить группы так называемого *среднего класса: достигшие среднего возраста, высококвалифицированные и высокостатусные социаль-*

но-профессиональные группы. В качестве основного носителя консервативного сознания выступает *средний класс*.

Исходя из расчетов по комплексу индикаторов, *ценности консерватизма наиболее востребованы среди групп высокого (63,4%) и среднего дохода – 56,2%*, в меньшей степени – среди базовой (доходы ниже среднего) – 49,9% и низкодоходных групп (43%).

Консервативный крен в сознании среднего класса определяют уровень их адаптации к рыночным условиям, достижение определенной материальной стабильности, стандартов и качества жизни. Главные ценности для представителей среднего класса – работа, благополучие своей семьи, стабильность в стране, личная безопасность.

Консерватизм имеет всепроникающее влияние и не ограничивается какими-то отдельными партиями или движениями. «Обычно, когда говорят об идеологическом спектре американских политических течений, республиканцев именуют консерваторами, а демократов – либералами. Это неправильно, поскольку существуют не только свои либералы и свои консерваторы в каждой из этих партий, но имеется и огромное число разновидностей консерватизма и либерализма» [69, с. 174].

В Великобритании победа неолибералов при М. Тэтчер привела к разрушению устоявшейся двухпартийности. Пришедшие затем к власти лейбористы далеко не ушли, а стали искать некий «Третий путь» – своеобразный консервативный метод преодоления крайностей либерализма и социал-демократии. «Ключевую роль в обновлении идеологии сыграла выдвинутая «новыми лейбористами» концепция «третьего пути», попытка найти некий оптимальный вектор развития, свободный от крайностей предыдущих десятилетий: от издержек неолиберальной тэтчеристской модели, превозносящей безграничные возможности рыночной конкуренции – с

одной стороны, и от стереотипов послевоенной социал-демократии, ориентированной на государственное регулирование – с другой» [70, с. 184].

Следует сказать, что большую роль в идеологических изменениях в современном мире, в т. ч., в Великобритании сыграли социологи. Программу лейбористов «Третий путь» в Великобритании прорабатывал Э. Гидденс, тогда глава Лондонской школы экономики и политических наук.

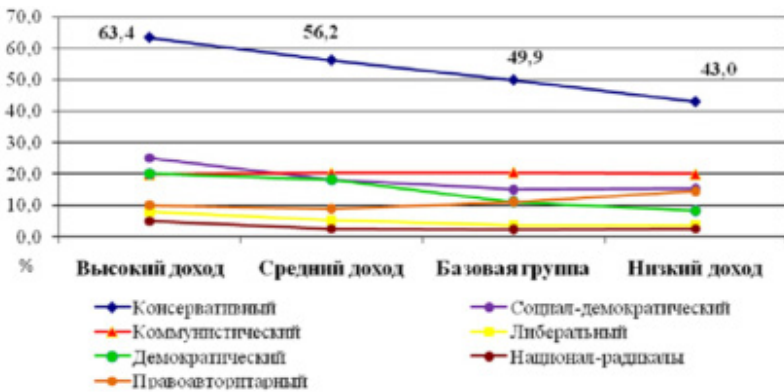
В Японии также возобладал консерватизм, проявляющийся в склонности к гибридизации и симбиозу. «Во-первых, японское сознание способно трансформировать и адаптировать заимствования настолько эффективно, что они принимаются как нечто органичное и не противоречащее традиции. Во-вторых, специфика японской традиции заключается в том, что «восприятие нового не требовало концептуальной перестройки сознания, никогда не стоял вопрос о насильственном вытеснении старого новым, заимствованное ассимилировалось, дополняло автохтонную синтоистскую культуру Японии» [71, с. 61–62].

«Средние» в большей степени рассчитывают на свои силы, а себя воспринимают в качестве главного фактора своего жизненного успеха. В то же время, достаточно существенные функции и задачи они возлагают на государство, от которого требуют, прежде всего, соблюдения правил игры. Об этом говорит, в частности, ожидание средних слоев от государства обеспечения здоровой конкуренции, а не полного госконтроля на рынке СМИ. «Средние» выступают за смешанную форму собственности и считают, что государство должно контролировать экономику. Также ожидает средний класс от государства гарантий своей личной и имущественной безопасности.

Представители среднего класса обладают более структурированными и сформированными политическими убежде-

ниями, нежели это имеет место среди групп с менее существенными уровнями дохода и жизненного благосостояния. Демократизация по среднему классу – последовательная политическая модернизация, осуществляемая в соответствии с культурно-историческими традициями народа (диаграмма 8).

Диаграмма 8

Доминирующие типы политического сознания среди граждан с различным уровнем дохода (средневзвешенный показатель по комплексу индикаторов)

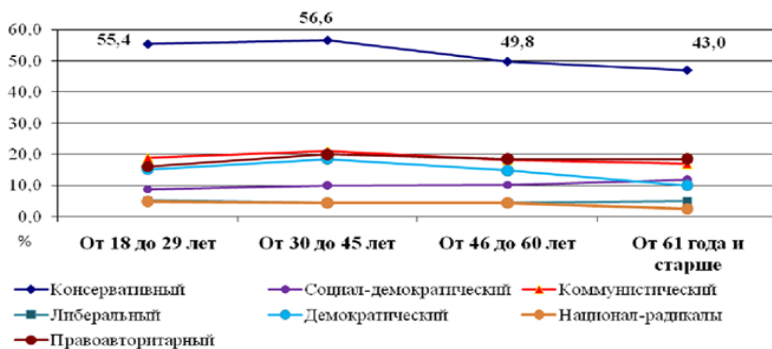
Консерватизм наиболее востребован среди граждан среднего возраста. По расчетам, порядка 56,6% респондентов в возрасте от 30 до 44 лет могут быть отнесены к носителям консервативного сознания. Практически на таком же уровне «вес» консерватизма среди граждан молодого возраста – 55,4%, но сюда относятся преимущественно группы старшей молодежи в возрасте от 25 до 29 лет.

Склонность к более взвешенному, а, значит, консервативному сознанию подмечаются российскими авторами М.К. Горшковой и Н.М. Давыдовой: «В массовом сознании сохраняется своеобразное «триединство» российского общества, связанное с эволюцией идейно-политических мнений

и оценок от самых молодых к среднему и старшему поколениям. В большинстве случаев подобные оценки имеют монотонно возрастающие (или убывающие) кривые, где крайние возрастные когорты зачастую высказывают заметно различающиеся мнения, в то время как люди средних возрастов демонстрируют более сбалансированные точки зрения, в большинстве случаев – близкие к усредненным показателям по всему массиву опрошенных. Тем самым средние возрастные группы продолжают уравнивать крайности в мировосприятии, выполняя функции переходного звена» [72, с. 20–21].

Другими словами, говорится о важном свойстве, преимуществе, феномене среднего возраста. Это – взвешенность, уход от радикальных, чрезмерно эмоциональных оценок (диаграмма 9).

Диаграмма 9

Доминирующие типы политического сознания среди возрастных групп

Характерно, что среди этих же возрастных групп наблюдается сегодня и наиболее существенная доля носителей либерально-демократического и национал-радикального сознания. Следовательно, *в ключевых возрастных группах риск*

дифференциации по характеру политических ориентаций на сегодня наиболее велик.

По мере увеличения возраста респондентов среди них усиливаются социал-демократические настроения. При этом среди пожилых граждан отмечен пиковый показатель прокоммунистических взглядов. Остальные виды сознания, включая национал-радикальные и либерал-демократические, для этих групп свойственны меньше всего.

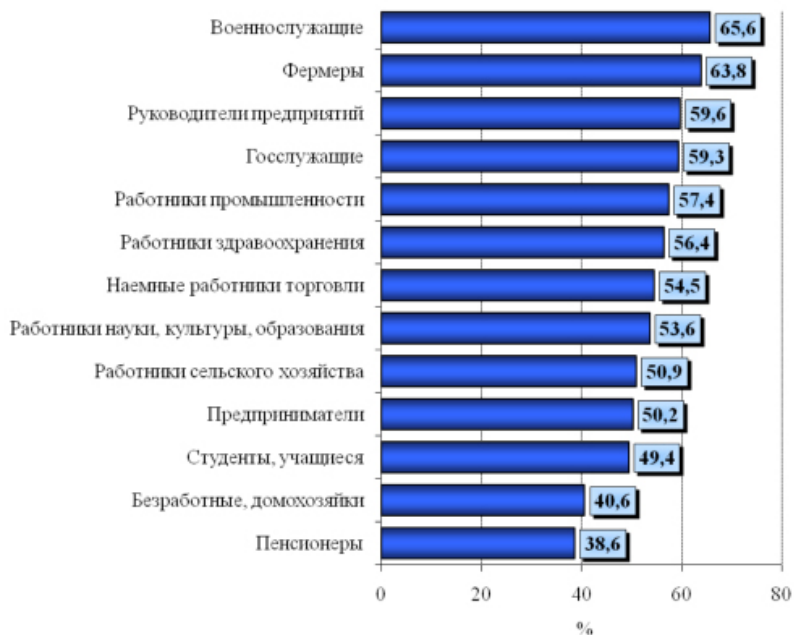
В социально-профессиональном разрезе главной базой консерватизма выступают фермеры, руководители предприятий и организаций, госслужащие, работники промышленности, в большинстве своем, это – высококвалифицированная часть населения. Близки к консервативному типу сознания работники бюджетной сферы, но среди них сильны социал-демократические настроения. Предпринимательская среда претерпевает влияние либерал-демократической риторики. К группам наименьшего консервативного сознания относятся учащиеся и студенты, что, на наш взгляд, связано, в первую очередь, с психологией возраста и подверженностью партийно-политическому влиянию носителей либерально-демократического сознания (диаграмма 10).

Наконец, в меньшей степени к группам консерваторов относятся безработные и пенсионеры, тип политического мышления которых определяет преимущественно социальный фактор (социально-демократический либо коммунистический типы сознания).

Таким образом, консервативный тип политического сознания в условиях Казахстана является доминирующим. Его носителями являются опорные социальные группы, поддерживающие существующий политический режим. Вместе с тем, в целом в массовом сознании присутствует парадоксальное сочетание, с одной стороны – стойкого неприятия консерватизма, опосредующее внимание к идеям демократи-

ческой модернизации и либерализма, а, с другой – более чем выразительная консервативность сознания.

Диаграмма 10

**Консервативный тип политического сознания
среди различных социально-профессиональных групп**

2.4. Характеристика доминантного типа политического сознания

Первым преимуществом консервативного (центристского) типа политического сознания является то, что он может лечь в основу консолидирующей идеологии на фоне антагонизирующих типов политического мышления – лево- и правоориентированного.

Левориентированное поле образуют социал-демократы, емкость которых достигает уровня в 20-25%, и коммунисты – в пределах 7-10%.

Социал-демократическая группа формируется преимущественно за счет принципиальных сторонников социальной справедливости и эволюционирующих носителей коммунистического сознания. Чаще всего это – наемные работники, занятые в сельском хозяйстве, работники бюджетной сферы, пенсионеры, жители Западно-Казахстанской, Карагандинской, Мангыстауской, Акмолинской, Атырауской областей.

Регрессирующим типом сознания на сегодня является коммунистический. Его составляют части ортодоксальных (пожилой возраст) и «верных идеалам партии» (старший, предпенсионный возраст) коммунистов. В наибольшей степени, это – сельскохозяйственные рабочие, работники бюджетной сферы, пенсионеры, часть госслужащих, жители Западно-Казахстанской, Карагандинской, Мангыстауской, Северо-Казахстанской, Южно-Казахстанской, Алматинской, Акмолинской областей.

В силу слабости коммунистического движения, низкой адаптированности идеологии к современным запросам в целом левый сегмент в настоящее время не привлекает группы молодого населения, что опосредует постепенное его «вымирание». Среди коренного казахского населения коммунистический бренд влияет преимущественно в качестве контр-стимула – как ассоциация с тоталитарным прошлым, советской империей и т. п.

Вместе с тем, учитывая активность правоориентированной оппозиции, разлагающийся характер компартии, ее позиционирование, часть носителей маргинального коммунистического сознания, а также люмпенизирующиеся слои перемещаются на праворадикальную платформу. Такого рода

«движения» способствуют наращиванию правоориентированного сознания.

Правоориентированное поле образуют граждане с демократическим (8-13%) и либеральным типами сознания (12-17%).

В силу слабой дифференциации среди населения демократических и либеральных принципов, а также отсутствия отдельных партий, которые бы их представляли, можно говорить *о либерально-демократическом скрепе в массовом сознании*. Емкость в целом либерально-демократического электората, таким образом, колеблется в пределах 20-30%.

В целом, ***либерально-демократический сегмент в массовом сознании на сегодня является растущим***. Его составляют преимущественно предпринимательские слои, собственники на селе (фермеры), группы прозападно ориентированной интеллигенции, молодежь, часть руководящего корпуса, госслужащих, преимущественно высокодоходные и со средними доходами, жители гг. Алматы и Астаны, Актюбинской, Алматинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, отчасти – Мангыстауской и Кызылординской областей.

Вместе с тем, на либерально-демократическом поле сегодня наблюдается серьезное «брожение умов». ***Часть умеренных либерал-демократов тяготеет к консервативному полю, образуя сегмент «правых консерваторов».***

Часть высокодоходных, элитных слоев, которые на ранних этапах рыночных реформ придерживались либерально-демократических взглядов, сегодня отклоняются ***в правоавторитарное сознание***. Это происходит в силу гипертрофии стремления данных групп сохранить стабильность структуры собственности.

Правоавторитаристы образуют относительно автономное реакционное поле, емкость которого составляет

сегодня порядка 4–5%. Сюда входят преимущественно высокодоходные группы, руководящий корпус, работники силовых органов, часть госслужащих, фермеров, проживающие в столице, г. Алматы, Актюбинской, Атырауской и Северо-Казахстанской областях.

Часть из них в силу сохранения внутренней стабильности в стране начинает приближаться к консервативному сознанию. На консервативном поле они группируются с умеренными либерал-демократами образуя блок правых консерваторов (правоцентристов). Убыль групп «умеренных» и «правоавторитарных» либерал-демократов возмещается за счет наращивания групп рыночного сознания (молодежь), трансформации взглядов леворадикальных элементов, люмпенизированных и маргинализированных социальных слоев.

Особое место в пополнении праворадикального поля занимают группы национал-радикального сознания, которые не удовлетворены политикой государства в отношении развития культуры, языка титульной этнической группы. Это чаще всего казахоязычные казахи, казахи, проживающие в сельской местности, слабоадаптированная казахская молодежь, мигрирующая из села в город.

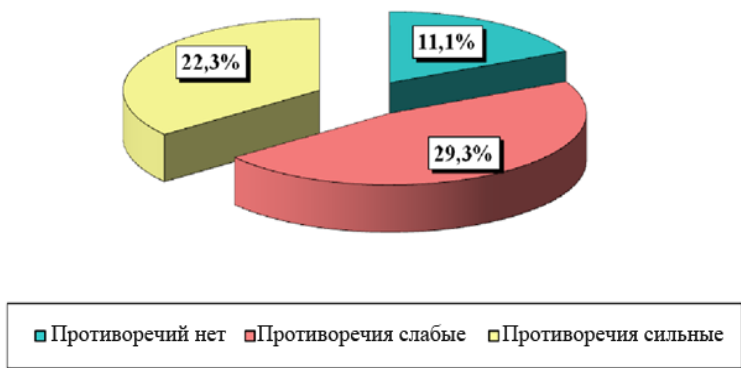
Под давлением всех этих процессов сегодня происходит смещение либерал-демократического скрепа в сознании в праворадикальную плоскость. В своей совокупности группирующиеся здесь носители тех или иных типов сознания образуют своеобразный *праворадикальный фронт. Именно такой протестный субстрат, имеющий праворадикальное, национал-демократическое наполнение может являться основой для политических коллизий, подобных грузинским или украинским.*

Указанные либерально-демократические и левоориентированные типы политического сознания примерно равны

по своей силе. Их расширение в силу антагонистичности базовых принципов способно создавать условия для развертывания внутренних противоречий в обществе.

В этой связи характерно, что, по результатам исследования, лишь 11% опрошенных считают, что в нашей стране никаких противоречий между людьми с различными политическими взглядами не существует.

Диаграмма 11

Оценка гражданами наличия противоречий в стране между людьми с различной политической ориентацией

В то же время, число тех, кто думает иначе, почти в 5 раз больше и составляет около 52% респондентов. При этом порядка 22% опрошенных назвали эти противоречия сильными.

Весьма характерными являются обеспокоенность политическими противоречиями в стране групп политического сознания, а также их отношение к использованию протестных акций и радикальных методов политической борьбы. Как оказалось, *в наибольшей степени озабочены политическими противоречиями в стране «нейтральные» консерваторы*, в меньшей степени – социал-демократы, либерал-демокра-

ты. *Меньше всего думают об этом правоторитаристы (что является проявлением их спокойствия) и национал-радикалы (для них политические противоречия – не повод для беспокойств).*

Вместе с тем, акции протеста как эффективный способ давления на власть в большей степени оценивают либерал-демократы, социал-демократы и, отчасти, носители правоавторитарного сознания. На радикальные же действия готовы в большей степени правоавторитаристы, национал-радикалы и либералы. Судя по балансу ответов, *самыми политически «наэлектризованными» из групп сознания являются либерал-демократы и носители правоавторитарного сознания.* Вместе с тем, наибольшую угрозу в силу более существенной электоральной емкости несут все же первые, чем вторые.

Социал-демократы предпочитают ограничиваться отдельными акциями протеста, а национал-радикалы в случае резкого ухудшения их жизненной ситуации «готовы на все».

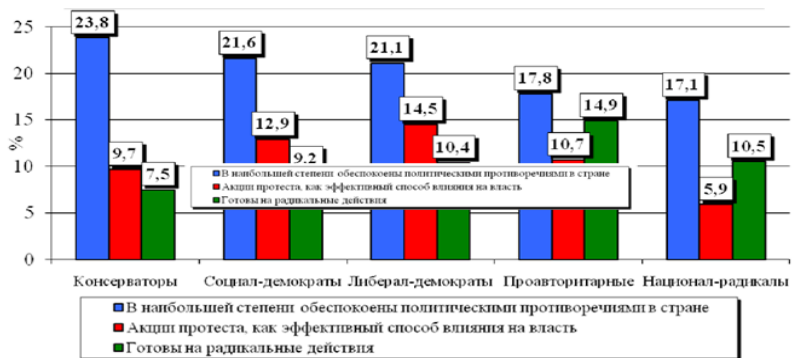
Существенная напряженность данных групп политического сознания создает потенциальное рисковое поле для власти, что сказывается на увеличении востребованности идеологии консерватизма, как *оптимальной для консолидации общества на новом этапе развития страны, снижения потенциала противоречий между антагонизирующими между собой типами политического сознания в лице лево- и праворадикальных течений* (диаграмма 12).

Вторым важнейшим преимуществом консерватизма является наиболее сбалансированная поддержка среди различных социальных групп общества.

Несмотря на определенные колебания в расчетных показателях, сбалансированность поддержки консерватизма среди тех или иных групп относительно других типов политического сознания является его важнейшим политическим

преимуществом. Это можно проиллюстрировать на примере практически всех социально-демографических групп.

Диаграмма 12

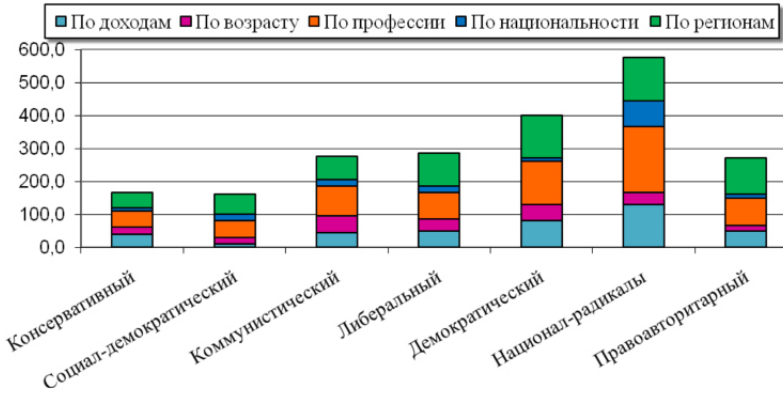
Уровни озабоченности политическими противоречиями и протестности групп политического сознания

Амплитуда колебаний предпочтений типа политического мышления среди граждан (суммарный дисбаланс между максимальным и минимальным значениями относительно средневзвешенного показателя по пяти индикаторам – регионы, национальность, профессия, возраст, доход) *по консервативному сознанию составила 158,5%*. Для сравнения: *по национал-радикалам показатель колебаний достиг уровня в 571,1%, у демократам – 396,8%, либералам – 287,5%, носителем правоавторитарного сознания – 271%, коммунистам – 269,3%, социал-демократам – 161%*.

Нельзя не отметить, что социал-демократический тип сознания по минимальности амплитуды колебаний предпочтений претендует на составление конкуренции консерватизму. Вместе с тем, структура носителей социал-демократического сознания несколько деформирована по

ряду ключевых признаков, в особенности это касается региона и национальности (диаграмма 13).

Диаграмма 13

Амплитуда колебаний между максимальным и минимальным показателями типов политического сознания по основным социально-демографическим индикаторам

Здесь линия водораздела проходит, главным образом, между тяготеющим к консерватизму коренным этносом и социал-демократически ориентированными этническими меньшинствами, а также южными, юго-восточными сельскими (Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Южно-Казахстанская) и северными, западными (Западно-Казахстанская, Мангыстауская, Атырауская, Карагандинская, Акмолинская области) регионами.

По остальным типам сознания отмечены еще более существенные показатели, что может указывать на узость их социальной базы.

Консерватизм доминирует во всех регионах страны, хотя имеют место некоторые особенности обусловленные территорией проживания респондентов.

Наиболее востребован консерватизм в Мангыстауской, Акмолинской, Западно-Казахстанской областях, гг. Астаны и Алматы. Вместе с тем, в Мангыстауской и Западно-Казахстанской областях полотно сознания граждан сильно дробится по другим типам сознания. Здесь сильны социал-демократические, коммунистические и, собственно, продемократические настроения. В случае с Мангыстауской областью сильно влияние также национал-радикализма. Акмолинская область близка по структуре сознания к Западно-Казахстанскому региону.

В Астане, помимо консерватизма, также сильны либеральные и правоавторитарные настроения. По последнему индикатору с ней близок Алматы. Вкупе с этими центральными городами правоавторитарное поле усиливают Атырауская, Актюбинская и Северо-Казахстанская области.

Социал-демократический тип сознания в наибольшей степени выражен также в Карагандинской области, либерал-демократические настроения в Атырауской, Алматинской и Актюбинской областях, национал-радикализм – в Атырауской, Актюбинской и Кызылординской областях.

К регионам с высокой дифференциацией политических предпочтений следует отнести Мангыстаускую, Западно-Казахстанскую, Атыраускую и Актюбинскую области, гг. Астану и Алматы, **с низкой** – Восточно-Казахстанскую, Костанайскую, Жамбылскую, Павлодарскую и Южно-Казахстанскую области.

Таким образом, наиболее оптимальной для условий Казахстана в настоящее время является идейно-политическая платформа консерватизма. Она находит наиболее сбалансированную поддержку среди основных групп населения.

Дееспособность и эффективность консервативной платформы определяет также и то, что носителями консервативного сознания выступают ключевые общественные группы –

средний класс, средний возраст, высококвалифицированные профессиональные группы. Граждане, их представляющие, занимают ключевые позиции в системе государственного управления, экономике, социальной сфере. Им принадлежит ведущая роль в формировании внутреннего валового продукта, они являются несущей конструкцией общества, генераторами идей и активными проводниками социально-экономических и политических реформ.

Следует сказать, что наиболее сильные консервативные настроения наблюдаются в регионах с высоким уровнем социально-экономического развития. В этом отношении выкристаллизовались: столица, главный мегаполис страны – г. Алматы, часть западных регионов. Вместе с тем, *по регионам заметно сильное дифференцирующее влияние и других политических идеологий, потенциал которых достаточно высок. Они размывают политическое сознание, лишают его четкого идейно-политического стержня.*

Таким образом, по типам политического сознания следует выделить 6 основных страт:

1. Носители либерально-демократического сознания («западники») концентрируются в блоке модернизационно настроенного населения. Доля таковых составляет примерно 25-30%. В эту группу входят, собственно, «чистые» либералы, выступающие за предельную минимизацию роли государства и демократы, отстаивающие примат прав и свобод человека при сохранении дисциплины.

2. Носители социал-демократического сознания. Емкость этого поля достигает 20%. Данная группа состоит из тех, кто желает, чтобы государство сохраняло за собой весомую социальную роль, вело активную распределительную работу, проводило социальную опеку, выравнивало доходы. Социал-демократы уравнивают либерал-демократов.

3. Социал-демократическая ложа политического сознания дополняется социалистическим и коммунистическим созна-

нием, при котором вне государства собственно не рассматривается вообще какое-нибудь развитие общества. Доля такого сознания достигает 7–10%. Как правило, его носителями являются люди пожилого возраста, закладка сознания которых произошла до прихода рыночных отношений.

4. Имеется правоавторитарная группа, которая в качестве главной цели видит сильное государство и правовую дисциплину. Это – больше реакционное поле, в которое входят обычно представители силовых структур. Емкость данного поля достигает 4–5%. В обществах с сильными позициями армии, таких, например, как Турция, весомость данной группы более существенная.

5. Группа национал-радикалов стоит на жестких позициях приоритетной или исключительной протекции титульного этноса. Это – достаточно узкая группа, емкость которой – не выше 3–4%. Основная масса носителей национального сознания все же базируется на умеренных позициях, которые лежат в русле другого сегмента общественного сознания.

6. Основной блок политического сознания казахстанцев составляет консерватизм в разных его проявлениях: от правого (либерального) консерватизма, до левого консерватизма. Национал-патриотизм также входит в консервативное сознание – как более умеренное политическое течение, чем национал-радикализм. По различным оценкам, доля консервативного сознания достигает 45–50%. Ядро консерваторов составляет порядка 25%. Основной концепт консерватизма – это сочетание различных подходов во избежание крайностей, примат ценностей семьи, веры, человека, традиций.

С учетом сложившейся политической структуры общества, радикальные реформы, ускорение – фактически невозможны. Речь может идти о постепенной накачке консервативного сознания модернизационными, рыночными стимулами. Консервативное сознание имеет сильный инструмент

противодействия модернизации – инерцию, которая «обволакивает» инновации и адаптирует их под собственные стереотипы и видения. При этом первоначальные цели инновации деформируются и получается ее перевертыш. Формально реформа состоялась, но в реальности ее цели не достигаются.

Именно с такими особенностями сознания и сталкиваются политическая и административная реформы. Это-то, о чем говорят эксперты, что укоренение задумок реформ в социальную почву действующего общественного сознания может вызвать различный эффект, что, конечно же, не отрицает необходимости их проведения.

Главной сходимости мнений большинства населения является запрос на повышение внимания государства к человеческому фактору. Население убеждено, что в стране достигнут такой уровень экономического развития, когда наступает пора заняться собственно людскими ресурсами, их социально-экономическим укреплением.

Другими словами, ставится вопрос о социальной коррекции государственной политики, заглавную роль в которой должен играть человек, со всеми его потребностями и возможностями.

При всем том, что граждане выдвигают и поддерживают крупные и емкие цели развития, очевидно, что через всех эти цели красной нитью прослеживается запрос на человеческий и социальный фокус для всех сил и институтов казахстанского общества.

3. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

От социальной политики зависит идеология общества. Социальная сфера в этом контексте – не просто вспомогательный механизм, это и есть основа формирования идейно-политической структуры общества. Вопрос простой: мы строим государство всеобщего благосостояния или государство для избранных, мотивирующее общество или режим компрадорской буржуазии, либерально-демократическую или религиозную систему? В решении этого вопроса и заключается задача социальной политики. Характер социальной политики способен определять не только защищенность граждан, но и состоятельность самого государства. В социальной политике учитываются как этнические, конфессиональные, так и собственно, социально-экономические факторы развития общества.

3.1 Модель социальных реформ в Казахстане

Казахстану с обретением независимости предстояло преодолеть многие рифы и неизвестные течения начальных этапов развития. Выработанная модель реформ позволила вывести Казахстан в число динамично развивающихся стран мира, ставящих своей собой целью укрепление конкурентоспособности. Стержнем такой модели стали последовательные реформы по формуле: от экономики к политике.

Прежде, чем приступить к строительству нового государства, необходимо было демонтировать старую административно-командную систему управления и хозяйствования, которая не позволяла приступить к строительству как нового фундамента экономики, так и государственности в целом.

В первые гг. независимости обнаружились громадные диспропорции государственного бюджета, когда размеры социальных гарантий на пятую часть превосходили реальные экономические возможности. По сути, государство было не в состоянии выполнить те обязательства перед населением, которые на себя взяло.

Социальные реформы стали «шоковой терапией» для населения, не освободившегося от старого сознания, а период, пока они длились – одним из самых трудных и драматичных в истории независимого Казахстана. Промышленность не налажена, рыночные реформы еще не дали необходимого экономического эффекта, многомесячные задержки с выплатой заработной платы, пособий, пенсий, бесконечные отключения газа, тепла, электроэнергии. На этом фоне в обществе быстро нарастала социальная напряженность.

Вместе с тем, было ясно, что без проведения реформ выправить ситуацию не удастся. Падал уровень рождаемости, здоровья населения, росла смертность, стремительно теряла свою актуальность и все меньше отвечала новым запросам общества система образования. Все это в совокупности стало основой для проведения кординальных социальных реформ.

В этом отношении 1995 г. стал рубежным в разработке концептуальных основ новой социальной политики. Указ «О медицинском страховании граждан» обозначил переход от ориентации социальной сферы на государственное финансирование к привлечению сбережений населения.

Вместе с тем, было обеспечено предоставление населению гарантированного объема бесплатной медицинской помощи. Реализована комплексная Государственная программа реформирования и развития здравоохранения до 2010 г.

Для повышения доступности высокотехнологичной современной медицинской помощи создан Национальный медицинский холдинг.

Во всех регионах страны созданы кардиохирургические центры, оказывающие высокоспециализированную кардиологическую помощь населению регионов. Функционируют около 150 телемедицинских центров, позволяющие проводить более 10 тыс. дистанционных консультаций в год.

Внедренная с 1 января 2010 г. Единая национальная система здравоохранения позволила обеспечить свободный выбор пациентом стационара.

За последние десять лет расходы на здравоохранение увеличены в десять раз и сейчас они составляют более 555 млрд. тенге. Масштабные инвестиции в отрасль позволили произвести техническую модернизацию здравоохранения, строительство новых объектов, оснащение учреждений здравоохранения современным медицинским оборудованием.

И, как итог, мы наблюдаем стабильное улучшение ситуации в демографической сфере, в том числе, и за счет естественного прироста. За последние 10 лет естественный прирост на тысячу человек возрос почти в три раза. В два раза снижен показатель материнской смертности.

Начиная с 1996 г., в стране создаются кооперативы собственников квартир (КСК), что явилось продолжением жилищно-коммунальной реформы. С 1998 г. в стране действует система ипотечного кредитования.

В 1997–98 гг. реализуется пенсионная реформа. Опираясь на чилийский опыт построения пенсионной системы, Казахстан ввел, наряду с солидарной системой пенсионного обеспечения, накопительную систему. Риск введения системы был велик, но он был преимущественно связан с возможной негативной реакцией населения. Однако реформа заработала, заслужив впоследствии доверие народа. Ни одна из других стран СНГ так и не осмелилась на подобную решительную социальную реформу.

На сегодня действуют 14 накопительных пенсионных фондов. За весь период функционирования в них аккумулировано 1,9 трлн. тенге пенсионных накоплений. В 2010 г. расходы на пенсионное обеспечение составили 432,0 млрд. тенге, превысив аналогичные расходы 1995 г. в 6,8 раза. За последние пятнадцать лет средний размер пенсионных выплат вырос в 15 раз и составляет более 27 тыс. тенге, а максимальные размеры пенсий – около 40 тыс.тенге. В 2012 г. размеры пенсионных выплат по отношению к 2007 г. повышены в 2,5 раза.

Особо важный приоритет страны – это социальная поддержка семей, имеющих детей. С 2006 г. внедрена целостная система поддержки семей с детьми, включающая в себя выплату единовременного пособия на рождение ребёнка, пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста одного г., пособие на детей из малообеспеченных семей до 18 лет.

Обретение Казахстаном государственного суверенитета положило начало новому этапу развития сферы образования и науки. Необходимо отметить, что за период с 1995 по 2000 гг. расходы на образование увеличились вдвое, за период с 2001 по 2010 гг. – более, чем в семь раз. В относительном выражении к внутреннему валовому продукту расходы на образование за последние 10 лет в среднем составляют 3–4%. За последнее десятилетие уровень заработной платы учителей и преподавателей увеличился в среднем в 4 раза. Начиная с 2001 г., размеры стипендий студентов и учащихся колледжей были увеличены в 6 раз, аспирантов и докторантов – в 4 раза, магистрантов – в 15 раз.

В целом можно констатировать, что за гг. независимости благодаря проведению прогрессивных структурных реформ, образовательная и научная система страны вышли на траекторию стабильного развития. Это подтверждается качественными и количественными показателями на международном

уровне. Например, по индексу развития образования (ИРО) Казахстан занимает 1-е место среди 129 стран мира (по данным Всемирного доклада ЮНЕСКО 2009 г. по мониторингу образования для всех «Преодоление неравенства: важная роль управления»).

Наука стала важным достоянием и ресурсом развития страны. На всем протяжении реформ государство поступательно расширяло финансирование науки. В настоящее время валовые затраты на науку в Казахстане превысили 49 млрд. тенге. Впервые доля расходов на науку к ВВП достигла 0,31%.

Наука дает определенные результаты. За период с 1995 по 2010 гг. количество ежегодно выдаваемых охранных документов на изобретения выросло с 1283 до 1865.

Только за период с 2007 по 2009 год в рамках научных программ государственных органов было получено 1256 патентов и публикаций в международных изданиях. В том числе, 1 международный патент, 4 – зарубежных, 3 – евразийских. Помимо этого, поданы заявки на 2 международных и 3 евразийских патента.

Наблюдается рост интереса к науке со стороны молодежи. Одной из мер по закреплению молодых ученых является повышение их квалификации путем стажировок в ведущих зарубежных научных центрах. В 2008 г. стажировку в зарубежных научных центрах прошли 124 казахстанских ученых, в том числе, молодые ученые.

Развивается научная инфраструктура, оснащены по мировым стандартам 5 национальных лабораторий открытого типа, при ведущих вузах функционируют 15 лабораторий инженерного профиля по приоритетам научно-технического развития.

Проведены модернизационные преобразования в области управления наукой. В качестве координирующего органа

инновационной системы действует Высшая научно-техническая комиссия при Правительстве Республики Казахстан. Помимо этого, созданы Комитет науки, Фонд науки, Национальный инновационный фонд, Центр инжиниринга и трансферта технологий.

Знаменательным стало открытие 28 июня 2010 г. в Астане Назарбаев Университета, который призван стать университетом мирового класса.

У Казахстана был выбор между тремя моделями создания такого Университета. Первая – модернизация действующего вуза. Вторая – слияние ВУЗов. Третья – создание «с чистого листа». Казахстан пошел третьим путем, чтобы создаваемый университет вобрал новейшие технологии и образцы обучения в двадцать первом веке.

Университет будет не просто ретранслятором, но и производителем знаний. В структуру университета будет входить 6 школ и 3 центра. Школы будут охватывать ключевые образовательные сферы, включая инженерию, естественные науки, медицину, бизнес и гуманитарный блок. Центры сосредоточатся на передовых научных направлениях, это: международный инструментальный центр, центры наук о жизни и энергетических исследований.

Для полноценного функционирования университета созданы все необходимые условия: принят специальный закон о Назарбаев Университете; в университет приглашаются высококвалифицированные зарубежные преподаватели, в университет пришла одаренная молодежь. Для первых студентов университета государство выделяет 500 грантов. Для устойчивого финансирования университета создан эндаумент-фонд. В дальнейшем через него будет обеспечиваться финансирование университета. Созданы условия для создания полноценного университетского кампуса. Университет будет находиться в престижной части столицы вблизи Интеллек-

туальных школ, создающегося Медицинского кластера. Это позволит установить тесные партнерские связи при подготовке специалистов и проведении научных исследований.

Патронаж университета обеспечивается на самом высоком государственном уровне. При Первом Президенте будет создан Высший попечительский совет, который будет координировать работу университета, Эндаумент – фонда и интеллектуальных школ. Совет директоров возглавляется Премьер-Министром. Канцелярия премьер-министра является единственным акционером университета.

Новый университет призван существенно поднять планку высшего профессионального образования. Будет существенно усилена интеграция образования и науки.

В 2011 г. на 30% увеличена заработная плата учителям и преподавателям, предусмотрены надбавки в зависимости от категорий. Уровень заработной платы учителей по Алматы может достигнуть 116 тыс. тенге, как заявил аким города Алматы А.С. Есимов на традиционном августовском совещании учителей [73].

Помимо нового университета, важным инновационным проектом в сфере образования является создание 20-ти Интеллектуальных школ Первого Президента.

Данные школы станут стартовыми площадками по разработке, внедрению и апробации учебно-воспитательных программ для детского сада и предшколы, а также образовательных программ 12-летнего обучения.

К 2015 г. в рамках Программы «Балапан» будет развита сеть государственных и частных детских садов, обеспечивающая 70%-ный охват дошкольным воспитанием и обучением. Программа позволит осуществить полный охват детей 5–6-летнего возраста предшкольной подготовкой в организациях образования, создать необходимые финансово-экономические условия для решения проблем дефицита дошкольных

организаций, осуществить полное обеспечение дошкольных организаций квалифицированными кадрами.

В соответствии с новым законом «О науке», предусматривается создание новой модели управления наукой.

Во-первых, 3-уровневая система финансирования науки: базовое, программно-целевое и грантовое. Данные программы в 2011 г. обеспечены финансированием в пределах 33 млрд. тенге. Из этого объема 21 млрд. тенге приходится на Министерство образования и науки, в том числе, 5 млрд. тенге – на грантовое финансирование, 2,5 млрд. тенге – по базовому финансированию.

Во-вторых, создание 5-ти национальных научных советов по приоритетным направлениям ВНТК для принятия решений по финансированию научных проектов. В состав советов включены 67 человек, 9 из которых являются зарубежными учеными из США, Великобритании, Бельгии, России, 4 представляет профильные холдинги или национальные компании. 4 – госорганы, 11 – вузы, 3 – общественные академии;

В-третьих, создание Национального центра государственной научно-технической экспертизы при МОН РК.

Все эти инновационные проекты в системе образования и науки в Республике Казахстан лежат в русле реализации национального проекта «Интеллектуальная нация», выдвинутого Главой государства в 2008 г. Проект включает 3 компонента: инновационное развитие системы образования, информационная революция и укрепление национально-культурных ценностей молодежи. Именно реализация трех этих компонентов и позволит сделать казахстанское образование и науку действительно дееспособными!

Таким образом, главным идейным концептом социальных реформ в Казахстане стал переход от иждивенческого, пассивного общества к обществу думающему, самостоятельному, живущему осмысленно и знающему себе цену.

3.2. Формирование ценностей и культуры прогресса

Помимо институциональных преобразований, важно было сформировать некую идейную доктрину – для того, чтобы у граждан поменялись социальные практики, экономическое поведение. Нужно было сформировать новую социальную культуру.

В 2005 г. в западной социологии появляется крупное исследование, которое легло в основу возникновения так называемой концепции «всеобщей культуры прогресса», исходящей из оптимистического восприятия истории и будущего человечества.

С 2002 по 2005 г. в Институте имени Флетчера при Университете Тафтс (США) осуществлялся исследовательский проект «Культура имеет значение», который проводил Лоуренс Э. Харрисон. Свои научные изыскания он проводил совместно с таким маститым экспертом, как С. Хантингтон, известный по своим прогнозам межцивилизационного противостояния [74].

По утверждению Л. Харрисона, включение культурного компонента в экономическую теорию началось с религии – известного трактата М. Вебера по протестантской этике, которая считалась наиболее благоприятной для экономики, чем католицизм и другие религии. Действительно, для таких выводов были объективные условия – пассионарный толчок экономического прорыва стран северной Европы, включая Великобританию, Германию, Шотландию, Исландию, Данию, Норвегию, Финляндию.

Однако постепенно эксклюзивные преимущества протестантизма стали преодолеваются конфуцианской философией, ставшей основой возникновения особого психотипа наций, создавших экономическое чудо стран Юго-Восточной Азии – Японии, Сингапура, Китая, Тайваня, Южной Кореи.

Важными их психологическими характеристиками стали умеренность населения, трудолюбие, коллективизм, сакрализация власти, склонность к накоплению, т. е. все то, что лежит в русле ответственного оптимизма.

Поэтому, если судить прямолинейно с точки зрения религии, то это «...позволяет сделать вывод, что протестантские, иудаистские и конфуцианские общества добиваются большего, чем католические, мусульманские и православные, поскольку для первых в целом характерны одни и те же способствующие прогрессу ценности из нашей категории «Поведение в экономике», а последние тяготеют к «сопротивляющимся» прогрессу ценностям».

Однако Л. Харрисон показал, что исключений из правил слишком много. К примеру, ярые сторонники католицизма – баски в Испании отличается высокой предпринимательской энергетикой. Она влияет не только на хорошие темпы развития Испании, но и развитие Чили в Латинской Америке. То есть, в их случае играет роль не тип веры, а энергетика этнического духа.

В итоге исследователь пришел к замечательному выводу, что «в любом случае все вышесказанное позволяет говорить о наличии «всеобщей культуры прогресса»: одни и те же ценности в сфере экономического поведения, независимо от происхождения, обеспечивают благосостояние в странах с весьма различными географическими, климатическими, политическими, институциональными, да и, собственно, культурными условиями. Насколько мы можем судить, культура отнюдь не заложена у людей в генах. И хотя культурные перемены — процесс сложный, они постоянно происходят по всему миру, и нет никаких убедительных оснований утверждать, что «всеобщие ценности прогресса» могут не подходить для любого из существующих обществ».

В этот контекст хорошо вписывается продвижение идей мусульманских технократов в Малайзии и Индонезии, которые ломают устоявшиеся стереотипы о якобы имеющем место сопротивлении исламской культуры экономическому прогрессу. Идея «золотого динара», рост исламского банкинга, примеры успешной модернизации исламских государств говорят о том, что прогресс вполне достижим и в условиях мусульманских обществ, если будут включены стимулы политики.

Примерно в таком же русле лежали рассуждения британского социолога Э. Гидденса о глобализации в рамках изысканий «Третьего пути». Он отмечал, что «слишком сильное государство ведёт к подавлению инакомыслия и предпринимательского энтузиазма; слишком слабое – к утрате контроля над обществом. Слишком сильное гражданское общество порождает этническую, национальную, региональную напряжённость и конфликты идентификаций; слишком слабое... – неадекватное политическое и экономическое развитие. Вслед за Ульрихом Бекком Гидденс развивает идею «нового, институционального индивидуализма», не являющегося синонимом тэтчеризма, рыночного индивидуализма, атомизма и эгоизма. Это – феномен не столько рыночный, сколько социальный, вызванный к жизни глобализацией как комплексным процессом, повлекшим отступление традиционного образа жизни и потребовавшим замены старых форм солидарности на новые, в рамках которых индивид обладает большей мобильностью» [74, с. 178–185].

Отечественный исследователь С.Б. Алимova отмечает: «В настоящее время в Казахстане наблюдаются не замедленные процессы адаптации к общемировым изменениям. Напротив, казахстанское общество довольно активно реализует большинство глобалистских тенденций. Но происходит это в оригинальной и яркой гибридной форме. Формируется

своеобразный симбиоз глобалистских тенденций с традиционалистскими напластованиями, складывавшимися в течение длительного времени – советского и досоветского. Это и создает самобытный профиль отечественной ситуации. Очевидно, что мир развивается по сходным схемам, но каждое общество – со своими собственными вариациями» [75, с. 39].

Это показывает, что казахстанская мысль постепенно поворачивается к мысли о важности социокультурного фактора. И на этом фоне происходит поступательный переход к оперированию понятием «социальное самочувствие».

По данным исследований Гарвардского университета, в августе 2008 г. счастливым считал себя 51% опрошенных жителей Великобритании. 27 лет назад, когда университет запустил свой социологический мониторинг, этот показатель равнялся 38%. В основе подобного положительного настроения подданных Соединенного Королевства, как считают психологи, – такие факторы, как повышение уровня жизни, социальная либерализация. Вместе с британцами в тройку самых счастливых в ЕС вошли: Дания – 45% и Бельгия – 43%, которая делит третье место со Швецией – 43% [76].

В числе одних из наименее довольных на планете неожиданно оказались жители Австралии, а также Венгрии. Также нелогичным, на первый взгляд, исследователи называют и падение индекса счастья у граждан Индии и Китая – самых населенных стран мира, переживающих экономический бум.

Самые высокие темпы роста счастья за пределами Европы отмечены в Мексике. Пример Мексики показывает важность внутреннего духа нации, проистекающего из доминирующей этнической природы.

Гарвардский университет проводит свои исследования с 1981 г. и к настоящему моменту опросил 73 тыс. жителей в 52 странах мира.

Опыт Мексики очень показателен, поскольку здесь еще имеется взаимосвязь с Испанией, которую исследователи называют сегодня самой оптимистической нацией в Европе и оптимизм у испанцев интерпретируется как важный механизм догоняющей экономики.

Выступая 2 апреля 2008 г. на телеканале «EuroNews», экс-комиссар ЕС по вопросам конкуренции, нынешний ректор Миланского университета Марио Монти отметил, что Испания сегодня по темпам экономического развития начинает обгонять Италию и западноевропейские государства. В качестве главных причин выдвигаются фактор политики и напрямую – социального оптимизма. «В целом там хорошо работает правительство, и к тому же действует менее очевидный, но крайне важный фактор: испанцы сегодня более оптимистичны, они больше верят в себя и в свое будущее по сравнению с жителями некоторых других стран, в особенности, Италии» [77].

По данному высказыванию задан вопрос профессору Лондонской школы экономики и политических наук М. Дакенфильду. 14–18 апреля 2008 г. в Лондоне на базе этой школы прошел недельный семинар на тему «Путь в Европу: использование возможностей председательства Казахстана в ОБСЕ» [78, с. 83–116].

Эксперт из Испании интерпретировал, что социальный оптимизм обычно является ресурсом догоняющей экономики. То есть, Испании еще необходимо предпринять некоторые усилия, чтобы выровнять свою экономику с итальянской.

Еще в 80-х гг. известный политолог Дж. Сартори отмечал, что развитие Италии сдерживает, архаика сознания. Стимулы политической культуры не работают. Общественное влияние, как и значимость экспертного мнения, ограничено, что оставляет Италию в рамках ее «провинциального» ложа» [79, с. 253–254].

Другими словами, социальный оптимизм – это энергетика модернизирующегося общества. Те же, кто вступил в постмодернизм, могут подвергаться социальной коррозии, торможению – в силу отсутствия дальнейших стимулов развития.

В рамках указанного семинара задавался вопрос и о развитии концепции Э. Гидденса «Третий путь». На него ответил лорд Уильям Уоллес, являющийся спикером по вопросам международных отношений и обороны в Палате Лордов, одним из лидеров Либерально-демократической партии Великобритании.

Лорд выразил удивление, что в Казахстане осведомлены о разработках Э. Гидденса. Он также отметил, что единой модели развития в Европе нет. Каждая страна выстраивает для себя свою модель. Вместе с тем, Европа всегда будет двигаться по социал-демократическому вектору, что и лежит в русле гидденсовского третьего пути.

Лорд предпочел говорить о некоторых преимуществах Великобритании – из того, что страна, несмотря на свою историческую консервативность, активно трансформируется.

Среди преимуществ Великобритании названа более сдержанная социальная политика, чем в континентальной Европе. По высказыванию У. Уоллеса со ссылкой на президента Франции Н. Саркози, сегодня в Великобритании лучше работать, а во Франции – уходить на пенсию. И в этой связи выстроенная в Великобритании модель на сегодня выглядит более прогрессивной, на чем не могли не сказаться усилия правительства, начиная с М. Тэтчер, а затем – Т. Блэра в рамках концепции «Третьего пути». Во Франции же только предпринимаются попытки преодолеть излишнюю социальную перегрузку экономики из-за голлистского наследия.

Все эти вещи затем были нами изучены в рамках встреч на Втором Конгрессе социологов тюркоязычных стран и

Третьем конгрессе социологов Казахстана с 23 по 25 апреля 2008 г. в Алматы [80, с. 2]. Были проведены интервью с вице-президентом Международной социологической ассоциации, профессором Университета Цинциннати (США) Жан Мари Фритц и профессором Ливерпульского университета Робертсом Кеннетом.

Был обсужден вопрос по проблемам пересмотра западными экспертами преимуществ концепции «Welfare State» в сторону «Enabling State» (концепция, разрабатываемая коллегой Ж.М. Фритц по социологическому цеху в США – профессором Университета Беркли Н. Гилбертом).

Пересмотр базовых идеологических доктрин в западных обществах начался уже давно – примерно с разрушения биполярного мира и противовеса рыночной идеологии в лице коммунистической.

Шведский социолог Г. Веттерберг отмечает, что в конце 90-х гг. в мире назрела ситуация обновления методологии мысли. Это касалось не только отдельных сфер, но целых парадигм общественного развития [18, с. 7–8].

Ж.М. Фритц отметила, что знакома с концепцией «Enabling State» по Н. Гилберту, а также работами Э. Гидденса по «третьему пути», однако констатировала, что пока концепция «Enabling State» не применяется в США в полном объеме, но отдельные ее элементы начинают активно использоваться с периода правления Б. Клинтона.

Ж.М. Фритц очень отрицательно относится к государственной социальной политике США, что отчасти связано с тем, что социологи всегда ближе к левому политическому краю. Она считает, что при Б. Клинтоне проводились отдельные моменты «Enabling State», но они не дали должного результата. Отчасти, по ее мнению, это было связано с неэффективным управлением социальными проектами, чем занималась Х. Клинтон. В этом плане, несмотря на все

успехи, которые приписываются Б. Клинтону во времена его президентства, они не отразились на социальном благополучии граждан США. В этой связи, Ж.М. Фритц с большой надеждой смотрит на деятельность нового президента США Б. Обамы, особенно в части его социальной доктрины, где используются отдельные моменты теории «вспомогательного государства».

Профессор Ливерпульского университета Р. Кеннет также оказался знаком с концепцией «Enabling State» и отметил, что она не применима для развивающихся государств. В то же время, такая его позиция была сформирована на основе неудачного опыта исследования по Бангладеш, которая находится на значительно более низком уровне развития, чем Казахстан.

Исходя же из общей позиции Р. Кеннета, каждая страна все же может принимать свои особенные модели развития или привлекать отдельные элементы моделей других стран – главное, чтобы это соответствовало потребностям населения. На это указывает следующий диалог с профессором. Р. Кеннет относительно того, как он относится к В. Путину, учитывая противоречия между Россией и Европой, включая Великобританию. Он ответил: «...не важно, как я отношусь к российскому президенту, важно, что ему симпатизирует российский народ».

Это – очень примечательное высказывание, что продемонстрировало хорошую осведомленность собеседника о состоянии общественной психологии в России. Но, как оказалось, и нашими наблюдениями это доказано, что Россия стала выбираться из проблем, благодаря тому, что взяла на вооружение главное казахстанское орудие – социальный оптимизм. Это – то, чего не было в РФ и его надо было еще прививать.

В России необходимо было произвести работу по замещению доминирующего пессимизма на оптимизм. Четко

прослеживаемое понимание этого мы увидели в 2005 г. Наиболее характерное высказывание здесь сделал научный руководитель ИСПИ РАН Г.В. Осипов: «Мы недавно проводили всероссийские опросы о доверии населения к властным институтам. Я уже говорил..., что доверяют люди только президенту. Правоохранительным органам не доверяют. Сразу за президентом идет церковь, но и ей доверяют только менее 50% россиян» [81, с. 40].

Помимо показателя доверия к власти, на российском опыте показано еще несколько примеров господства антипода оптимизма.

Первый пример. Дезактивация демографического поведения. По оценкам, население России с начала 1990-х гг. устойчиво сокращалось на 700–800 тыс. человек в год. В случае сохранения такой тенденции прогнозируется его двойное сокращение до 2050 г., т. е. до планки 70 млн. чел. Причем потеря 700 тыс. чел. ведет к ежегодным экономическим потерям порядка 2000 млрд. долл. [82, с. 36–37].

Второй пример. Расщепление интеллектуального ресурса. «По итогам десяти лет Россия заняла 8-е место в мире по числу опубликованных научных работ и 18-е место – по индексу их цитирования».

В итоге пришли к выводу, что все эти проблемы можно решать только через социальный оптимизм. «...Важно и качество личностей. Сумма нулей в итоге даст только ноль. Соответственно, сумма одухотворенных, нравственных личностей, личных потенциалов, объединенных в нацию, не только составляют главный ресурс государства, но и дают иное качество нации, определяющее место государства в эпоху глобализации. Не только количественно, но и качественно».

В качестве иллюстрации такого подхода называется Америка, где удалось добиться роста рождаемости после великой депрессии 30-х гг. «Просто американцы поверили в светлое

будущее своей страны и поэтому стали давать жизнь новому поколению... социальный оптимизм, уверенность в будущем, моральная поддержка общества и материальная государства – один из важнейших демографических факторов».

Вторая иллюстрация – это признаки среднего класса, в число которых обязательно входит самоидентификация, т. е. социально-психологический фактор. Нельзя стать благополучным человеком без благополучия в уме [82, с. 25–63].

Для подъема оптимистического духа нации в РФ был задействован практически весь фронт государственных, общественных и смешанных ресурсов – СМИ, социология, экспертные и консалтинговые структуры, бизнес, НПО, партии, конфессии. Вокруг каждого успеха страны выстраивались отдельные информационные и экспертные волны, которые предельно максимально накручивали эффект текущих успехов страны, превращая их в события эпохи. В стране всячески поощряется вознесение «выходцев из народа», совершивших что-то существенное для страны или обладающих особыми способностями, на пьедестал национальных героев.

Социальный оптимизм, который в эпоху В. Путина власть кропотливо взращивала, стал рецептом, позволившим российскому обществу встать на путь излечения от социальных недугов 90-х гг. Однако корни социального пессимизма здесь слишком велики. Безверие слишком тяжело выдавливается из общественного сознания, что выражается подчас в повышенной критичности населения. Но, как говорится, без энтузиазма, без перспективы, «идеологии оптимизма» будет затруднительно достичь нужного общественного тонуса для выхода на путь опережающего развития.

И теперь эксперты констатируют, что в российском общественном сознании действительно произошли существенные подвижки, хотя собственно целостной национальной идеи,

кроме амбициозной задачи возрождения Великой России, в принципе, сформировано не было. Социолог Н.В. Карпова говорит об этом так: «Единственным фактором, объединяющим ценностные системы власти и общества, является отсутствие как у тех, так и у других четкого представления о будущем страны, «национальной идеи»... Однако надо признать, что по объективным параметрам и несмотря на сильное влияние традиционализма, российская политическая культура... качественно изменилась... Объективным показателем устойчивой переориентации... является наличие в обществе высокого уровня *«социального оптимизма»* (его выражают примерно 50–55% населения), а это – позитивный эмоциональный настрой на ценности новой системы» [61, с. 67–68].

Укрепление основ социального оптимизма стало новым шагом в том, чтобы преодолеть атавизмы старого сознания, ориентирующего на «элементарный патернализм», т. е. возложение обязанностей за благополучие на государство.

Вместе с тем, волны глобального кризиса 2007–2008 гг., создали противоречивую ситуацию вокруг пересмотра концепции «Welfare State» и вообще вокруг либерализма как такового.

Обрушившийся кризис спровоцировал столкновение укрепляющегося либерализма и возникшей потребности глубокого вмешательства государства в экономику. В результате идеологически западные страны оказались неготовыми к резкому геэкономическому повороту. Вместо фактически сошедших с политической сцены левоориентированных организаций на новой волне стали подниматься националистические движения. Яркий тому пример – Австрия, где в 2008 г. праворадикалы получили в общей сложности 29% голосов избирателей и значительно улучшили свои позиции относительно предыдущей кампании.

Подъем национализма в политической сфере проецируется и на экономики, в результате чего мировое сообщество сталкивается с проблемами тяготения стран к чрезмерному протекционизму.

Второе проявление – дискредитация концепции потребительского общества. Классические западные рыночные системы основывались на стимулировании предельного широкого спроса, который, в свою очередь, поддерживался кредитованием. В результате сформировался огромный диспаритет. Дефицит денег покрывался за счет роста долга на одном полюсе. На другом – растущие валютные доходы и резервы целого ряда стран подтолкнули их к выходу на рискованные кредитные, ипотечные рынки, к увлечению секьюритизацией. Произошла инотоксикация мировой экономики. По данным экспертов, в 2008 г. условная стоимость производных финансовых инструментов (деривативов) достигла 684 трлн. долл., что превышает совокупный мировой ВВП более чем в 12 раз [83, с. 4].

При этом США стали примером сверхпотребления, выражающегося в раздутой сфере услуг, достигшей своего максимума в 2008 г., при осязаемом сокращении инвестиционной активности. Данная коррекция также имеет под собой то фундаментальное основание, что США производят порядка 21% мирового ВВП, при этом аккумулируя до 28% глобального потребления.

Третье – дефицит доверия, провоцирующий отторжение вкладчиков от банков, бизнеса – от государства, одной группы стран – от другой.

Профессор экономики Йельского университета Р. Шиллер отметил сегодня главное – вернуть доверие: «Мы имеем дело не с экономикой, а с психологическим феноменом, поэтому основные усилия правительства должны быть направлены именно на преодоление проблемы отчуждения» [84].

На телеканале «Евроньюс» 16 января 2009 г. известный французский политолог, признанный эксперт в сфере международных отношений Д. Мойзи сказал: «...проблема сейчас состоит в том, чтобы понять: вернется ли с Обамой на Запад философия надежды, не распространится ли на Азию философия страха. Ведь экономический и финансовый кризис коснулся и таких гигантов, как Китай и Индия» [85].

Другими словами, ресурс доверия сегодня стремительно расщепляется негативными эмоциями, большим геоэкономическим стрессом, ростом пессимизма или страха за будущее. Но именно уверенность в будущем и является основой энергетики прорыва сквозь тернии кризиса.

Очевидно, что основной удар глобального экономического кризиса пришелся как раз на средний класс, о развитии которого часто высказываются политики высшего уровня. В США в 2008 г. экономика потеряла порядка 2,6 млн. рабочих мест и это – самый высокий уровень за последние 50 лет. Среди потерявших работу – средний менеджерский персонал банков, служащие, менеджеры, офисные работники, административный аппарат строительных компаний, квалифицированные работники со стажем работы.

Не случайно Б. Обама, идя на президентские выборы, выдвинул «План спасения среднего класса», в том числе через перераспределение доходов от высокодоходных слоев – к средне- и малообеспеченным. В реальности же это – не более, чем маскировка главной цели Б. Обамы – продвижения интересов сектора высоких технологий, являющегося основным экономическим базисом демократов.

Мировая экономика уже не та, которая была в XX в. В ней существенно возросла доля интеллектуального труда и информационных услуг. Возник феномен «работников интеллектуального труда» – носителей идей, хорошо осведомленных и креативных людей, способных к самостоятельным

действиям. Их сила – в массе. Необходимы только стимулы для политической самоорганизации.

В 2007 г. минобороны Великобритании опубликовало прогноз мирового развития на 30 лет. В нем отмечалось, что средний класс станет в авангарде процесса пересмотра мирового социального порядка. Это связано с растущей дистанцией между средним классом и слоями супербогатых людей. По данным экспертов, 1% населения мира владеет 40% активов, а разрыв в уровне оплаты труда руководящего состава компаний в США вырос за последние полвека с 40-кратного до 300-кратного размера [86].

Именно поэтому средний класс, чтобы стать сильнее, будет объединяться, используя транснациональные процессы: доступ к Интернету, ресурсам и знаниям. Чтобы предотвратить нарастание такой тенденции, мировой элите необходимо ограничить глобализацию в либеральном ключе и поставить под контроль свободно мыслящий и самодостаточный средний класс. Новая волна «большевистских революций» пресекается теперь заблаговременно, до того, как тенденция окончательно вызреет.

Таким образом, культура прогресса – универсальна и не зависит от национально-религиозной специфики общества. Однако здесь нужны факторы политики, т. е. идеологии. Социальный оптимизм как явление конструируется на идеологическом уровне.

3.3. Лидерство Казахстана в развитии психологии успешного общества

Отечественный исследователь З.Х. Валитова отмечает, что социальное самочувствие граждан зависит от их соотношения с референтными группами. В настоящих условиях ослабления информационно-культурных барьеров «...инди-

виды все чаще заимствуют эталоны поведения и притязания у более престижных социальных групп, безотносительно к своим реальным возможностям». Этим и объясняется парадоксальное возрастание социальной неудовлетворенности на фоне фактических улучшений. Другой вопрос – доминанта удовлетворенности жизнью, хотя ее условия могут быть далекими от идеала: «Чаще всего высокая удовлетворенность свидетельствует о заниженности притязаний» [87, с. 239].

В целом, с таким тезисом можно согласиться, однако исследования последующих лет показали, что удовлетворенность может быть связана и с другими культурными факторами. Поскольку автор говорит о социо-культурных вещах, то нельзя выпускать из виду факторы политической и этнической культуры. Это пролагает дорогу к пониманию феноменологии социального оптимизма сегодня.

Прямое обращение к тематике социального самочувствия граждан и выход напрямую на открытие социального оптимизма происходит в 2004 г.

Г.К. Ахметова выделяет два значимых измерения социального самочувствия: «К первому относится измерение «политическое или идеологическое», дифференцирующее элементы выборочных совокупностей по уровню социального самочувствия в зависимости от политических взглядов и базовых ценностей. Ко второму относится измерение, различающее единицы наблюдения по уровню социального самочувствия в соответствии с ситуативно-личностной оценкой материальных условий жизни. Возникновение депривационной мотивации (к протесту или трудовой миграции) также связано с состоянием социального самочувствия» [88, с. 46-47].

В свою очередь, исследователи стали говорить о социальном оптимизме, но пока только констатировали этот факт в рамках определенных социально-демографических ракур-

сов. Так, А.Ж. Шоманов, Д.Р. Галямова подчеркивают доминирование социального оптимизма среди населения, в особенности, среди молодых людей и тех, кто сумел адаптироваться, т. е. «успешных» [89, с. 111].

Вместе с тем, возрастные перекосы социального оптимизма указывают на сохранение переходности в развитии Казахстана, когда позитивное социальное настроение распределено между социальными группами неравномерно. Старшее поколение, имевшее дело с трудностями в прошлом и сталкивающиеся с ними сегодня, имеет двойной психологический гнет того, что в жизни было мало «окон» релаксации. Очевидно, что в других обществах, в частности, германском, старики представляют наиболее оптимистичную когорту людей. У них имеется существенный бюджет свободного времени, они заработали себе на хорошую пенсию и возможности путешествовать в престарелом возрасте. Фактически, немцы всю жизнь работают, терпят ограничения, чтобы прожить хорошо время, когда они уйдут на пенсию.

Фактически, для стариков остается только один момент духовно-психологической разгрузки – это внуки или правнуки, т. е. воспитание уже второго или третьего после себя поколения.

То есть, общественное самочувствие старшего поколения мы упускать не должны. Попросту мы имеем дело с перекошенным на молодежь сознанием. Молодой возраст доминирует и в науке, и в управлении. Соответственно, старшее поколение, его роль может несколько затеняться. Это – неправильно. И, в принципе, приход такого понимания, отчасти, прослеживается по линии кадровых назначений, когда представители «старой гвардии» вновь находят востребованность. Это – сигнал для всего общества. Молодость и энергия нужны – это само по себе обеспечивает социальный оптимизм, оптимистическое видение. Важный индикатор уко-

рения позитивного настроения среди населения – это старики, старшее и пожилое поколение.

С другой стороны, в интерпретации явления относительно низкого оптимизма среди старшего поколения, нельзя не говорить о «программе» старой эпохи. Здесь как бы стоит разочарование между тем, что было обещано – «светлое будущее» и тем, что получилось в итоге. То есть, как называл эту проблему польский социолог П. Штомпка, это – «культурная травма», которую получило старшее и, отчасти, среднее поколение от распада большого государства [90, с. 7].

Одной из тенденций социальных изменений является преодоление обществом кризиса массового сознания, возникшего в переломный период начала 90-х гг. Крушение привычной идеологической конструкции и устоявшейся шкалы культурных ценностей стало основой для проявления признаков «культурной травмы» в обществе. Это выразилось в кризисе идентичности, появлении синдрома недоверия, апатии населения. Фактор «культурной травмы» способствовал в тот период росту уровня протестности, гипертрофированной политической активности части населения, а также усилению признаков социального разложения (рост алкоголизма, наркомании, преступности, разводимости, суицидов).

Есть и этнонациональный момент. Казахстан некогда входил в единую советскую империю, которая была по своей сути русскоориентированной. Сегодня социологи доказали, что среди русских в России социальный пессимизм имеет родовые корни и сегодняшнее продолжение. Родовые корни лежат хотя бы в том же феномене «жалеть обиженных властью». Пессимизм в России лежит в рамках этнической психологии аскетизма и жертвенности. Естественно, что подобного рода психологические вещи могли перейти к казахстанскому обществу в советский период. В особенности это можно чувствовать в городской среде, где

носители имперского получили наибольшее распространение сознания.

Некоторый комплекс фоновых характеристик, сопровождающих развитие социального оптимизма в казахстанском обществе, выделила другой исследователь – Г.Т. Илеуова. Она отметила, что данный феномен развивается в условиях сохранения весомости патернализма, когда 82% населения связывают надежды на улучшения с Президентом, а также сохранения тенденции поляризации общества: «Население, не имеющее возможности получать адекватные доходы, испытывает чувство ущемленности, обиды, зависти, что порождает негативное отношение как к более благополучной группе, так и к органам власти, которые не в состоянии обеспечить соблюдение социальной справедливости» [91, с. 139-140].

В 2004 г. Европейский банк реконструкции и развития совместно со Всемирным банком провели масштабное исследование и опросили 29 тыс. человек на территории от стран Центральной Европы до Монголии.

Как отметили эксперты, проводившие исследование, хотя Казахстан по показателям наличия у домохозяйств потребительских товаров уступал странам Центральной Европы, Балтики (ЦЕБ) и Юго-Восточной Европы (ЮВЕ), однако имел над ними преимущество социально-психологического плана. **«Опрошенные в большей степени удовлетворены своим образом жизни, чем респонденты в странах ЦЕБ и ЮВЕ.** Молодежь и более обеспеченные слои населения очень положительно оценивают экономическую ситуацию и оптимистично полагают, что их дети будут жить лучше».

Эксперты ЕБРР и Всемирного банка подтвердили и наличие второго нашего преимущества. По их данным «...70 процентов опрошенных по всем возрастным группам и категориям дохода считают, что политическая ситуация сегодня

лучше, чем в 1989 г., что является отражением стабильности нынешнего режима. Это также проявляется в очень высокой степени доверия к президентской власти (83 процента)» [92, с. 46–47].

Обозначенные цифры еще более выразительны в сравнении по субрегионам. Тогда как в Казахстане в конце 2004 г. уровень доверия к президентскому институту достигал 83%, средневзвешенный показатель доверия президентам в странах Центральной Европы и Балтики (ЦЕБ), а также Юго-Восточной Европы (ЮВЕ) составлял около 45%. В субрегионе стран СНГ и Монголии он находился на планке 30%.

Уровень удовлетворенностью жизнью среди казахстанцев в то время составлял около 57%, в странах ЦЕБ – 55%, ЮВЕ – 34%, СНГ+М – 42%. Социальный оптимизм, т. е. уверенность граждан, что следующее поколение будет жить лучше, чем они, в Казахстане достигал 73%, в ЦЕБ – 55%, ЮВЕ – 50%, СНГ+М – 60%.

Однако западные эксперты выявили и резервы дальнейшего наращивания социально-экономической почвы для социального оптимизма населения. По оценкам ЕБРР и Всемирного банка, бурное экономическое развитие Казахстана все же пока не дало возможности вывести показатели наличия у домохозяйств потребительских товаров на уровень стран ЦЕБ и ЮВЕ. Имеются отставания. В частности, в 2004 г. по количеству автомобилей от стран ЦЕБ мы отставали практически наполовину, по числу тех, кто имеет счет в банке – почти в 8 раз, дебетно-кредитную карточку – в 5–6 раз, дополнительное жилье – в 3–4 раза, выход в Интернет из дома – в 4 раза.

Из 29 исследованных ЕБРР и Всемирным банком стран ЦЕБ, ЮВЕ, СНГ+Монголия, Казахстан в конце 2004 г. занял лишь 21-е место по доле респондентов с доходом свыше 4

тыс. долл. на душу населения. Одновременно по уровню урбанизации Казахстан еще 4 г. назад преодолел середину списка, встав на 14-е место.

Такая структура свидетельствует о росте среди населения социальных амбиций, повышении их мобильности. Население активно перемещается в поиске более выгодных социально-территориальных ниш. Однако на этом фоне все больше сталкивается с проблемами, негативно влияющими на их здоровье. Динамика, дефицит времени сужают возможности населения уделять внимание своему здоровью. Велик фактор неблагоприятной экологической ситуации.

Наличие важных конкурентных социально-психологических свойств казахстанского социума подтверждает «Евразийский монитор», взявший старт тогда же, в 2004 г., когда ЕБРР и Всемирный банк впервые решились на крупное исследование в целой группе стран евразийского материка.

«Евразийский монитор», соучредителем которого, наряду с Россией, Украиной и Беларусью, стал и Казахстан, дал развитие на постсоветском пространстве исследовательской технологии «Евробарометра», применяемой уже почти полвека в странах Европейского союза и получившей развитие на других континентах в рамках «Латинобарометра», «Афробарометра» и «Азиабарометра» [93].

В 2005 г. социологи констатировали уровень удовлетворенности казахстанцев жизнью в пределах 73%, что было всего на 6% ниже среднеевропейского показателя, но значительно выше данных, полученных в Украине, России и Беларуси. По итогам опроса практически три четверти, или 73% респондентов-казахстанцев отметили, что удовлетворены в целом сегодняшней жизнью. Этот показатель максимально приближен к уровню удовлетворенности жизнью среди населения Европейского союза, который составляет 79%, и более, чем на четверть, выше результатов в других странах

«Евразийского монитора». В Украине и России он колеблется в пределах 41-44%, в Беларуси – 56%.

Однако также были выявлены и некоторые другие характерные закономерности.

«Евразийский монитор» фиксирует показатель удовлетворенности населения жизнью на уровне 73%. При этом рейтинг доверия к Президенту Н.А. Назарбаеву со стороны населения возрос, несмотря на поствыборный характер развития внутривыборного процесса. Если в предвыборном октябре «Евразийский монитор» оценивал его в пределах 87%, а в апреле – 82%, то в 2006 г. он достиг 89%, т. е. практически в рамках того результата, который имел место на президентских выборах 2005 г.

Следовательно, стратегия Президента отвечает ключевым ожиданиям и запросам населения. Население доверяет Президенту – в силу его способности видеть перспективу и умения избегать угроз и вызовов развития.

Вместе с тем, превышение показателя поддержки населением Президента над уровнем удовлетворенности жизнью говорит о том, что доверие граждан своему лидеру основывается не только и не столько на аргументах материального плана, а на более высоких мотивах.

В этом плане нам многое подсказывает труд М.Б. Касымбекова – «Первый», в котором говорится о тонкостях менталитета Главы государства. Речь идет о создании песни «Үш қоңыр», в которой есть особенно замечательная фраза, которая раскрывает крупные пласты внутреннего духовного мира Президента – то, что трогает всю нацию, из-за чего она проявляет доверие своему лидеру. «Но в том проникновенном стихотворении меня восхитил не столько строй мыслей, сколько сила и гармония чувств нашего Президента, когда за привычным для многих «стальным профилем» Назарбаева вдруг обнаружилось его трепетно любящее сердце, в ми-

нуты уединенных раздумий повторяющее свои переживания поэтическим строчкам...» [9, с. 42].

Н.А. Назарбаев – очень тонкая, интеллектуальная натура. Его сила – в диалектике, мейнстриме, креативе, творчестве. Из-за этого наши политологи уже бросили прогнозировать, какие и когда могут произойти кадровые перестановки в госорганах. В то же время, Президент не отрицает ни патерналистского восточного менталитета, ни западного, либерального, находя между ними «золотую середину». Например, как это произошло в связи с переносом празднования столицы на 6 июля. Для этого есть официальный, формальный повод – дата исторического решения Верховного совета о переносе столицы. Или, что касается принятия нового гимна Казахстана в начале 2006 г. Или, что касается семей, называющих своих детей его именем. Однако из этого не делается героизма. Поддерживается добровольность таких поступков. Это – сигналы от народа, каналы прямой связи Президента и народа. В этом – некая особая стержневая идея, укрепляющая доверие казахстанцев к Президенту и через это – общую ауру социального оптимизма.

По результатам восьмой исследовательской волны «Евразийского монитора», прошедшей в октябре 2007 г., в которой приняли участие уже 13 постсоветских стран, включая Прибалтику, Казахстан сохранил удерживаемые с 2004 г. лидирующие позиции по основным индикаторам, характеризующим социальные настроения граждан (диаграмма 14).

При этом по количеству респондентов, назвавших положение в экономике хорошим (37%), Казахстан опередил все другие страны «Евразийского монитора» в 2,5-3,7 раза. В целом Казахстан опережает все другие постсоветские страны по семи ключевым показателям, как минимум, на шестую часть, а, как максимум, почти на половину от их средневзвешенного значения.

Диаграмма 14

**Результаты восьмой исследовательской волны
«Евразийского монитора» (октябрь 2007 г.)**

Положительный социальный фон в Казахстане можно проиллюстрировать и по куммулятивному методу.

За четыре г. участия Казахстана в проекте «Евразийский монитор» им был накоплен 16% прироста удовлетворенности населения жизнью. Это сумма всех позитивных сдвигов за минусом «поглощения» негативной динамикой там, где она была. Показатель пяти стран составил всего на 5% больше.

По индикатору оценки материального положения сумма положительных динамик Казахстана за четыре г. составила половину показателя всех других пяти стран.

Однако больше всего обратило на себя внимание то, что по уровню социального оптимизма при суммировании динамик пяти стран негатив полностью поглотил позитив, в результате чего баланс за четыре г. у пяти стран составил 0%. В Казахстане же он сохранился на уровне 11% положительной динамики [94, с. 7].

Теперь – самое важное. Мы зафиксировали факт высокого уровня социального оптимизма, но его нужно объяснить.

Носители еврославянского сознания выдвинули следующие интерпретации.

Российский эксперт В. Петухов: «Можно было бы предположить, что это – субъективная оценка, мало связанная с реальным положением дел... и обусловленная неприязнательностью, скромностью, готовностью довольствоваться малым..., с одной стороны, и более высокой планкой общественных притязаний, «равнением» на европейские стандарты качества жизни россиян и украинцев» [95, с. 87].

Здесь очевидна некоторая поверхностность и предвзятость оценок. Есть более глубинные интерпретации, высказанные также российскими экспертами. В частности, руководителем проекта «Евразийский монитор», из данных которых черпал информацию В. Петухов. Речь идет об И. Задорине, который интерпретировал устойчивость различий в уровне социального оптимизма между Россией и Украиной – с одной стороны и Казахстаном – с другой фундаментальными культурно-цивилизационными факторами. Азиатское сознание более гибко, толерантно и религиозно. Для него проговаривание – это уже факт начала процесса, который после слов материализуется в осязаемые формы [96, с. 31].

Европейское сознание – более критично и рационально. Оно старается все подавать так, как есть, без семантических или символических украшений. То есть, в номадическо-азиатском ракурсе имеется своя особая иррациональная, мистическая связь между речью и реальным социальным процессом. Это свойственно особой мифотворческой природе казахского менталитета.

В вышеуказанном труде профессора М.Б. Касымбекова приводится интересная выдержка из интервью Президента, которая раскрывает важность для казахского менталитета именно словесных, семантических форм выражения. «Народ наш верит в поверья и приметы. Вот и когда дают человеку

имя, по традиции вкладывают в это магическое значение. К слову, большинство казахских имен оканчиваются на «бай», «бек» или «кул». Бывает и так, что невинным младенцам дают заведомо некрасивые и уничижительные имена... Нередко это происходит в семьях, где прежде умирали дети – «плохие» имена дают новорожденным в надежде на то, что гнев Божий обойдет их стороной, и они непременно выживут.

Во все времена народ наш был насколько мудр, настолько же добродушен и непосредственен как дитя: всегда стремился богатеть не деньгами и имуществом, а большим количеством родственников, друзей и приятелей. А если и собирал богатство, то исключительно в виде табунов и стад домашнего скота... Но при всем при этом жизнелюбивый и щедрый казах может раздать весь свой скот в награду за одну-единственную радостную весть. Кому-то это покажется непозволительным шиком и сумасбродством, но такова уж истинная цена широте и добронравию нашего национального характера» [9, с. 28].

С. Кондыбай, автор известного труда «Казахская мифология» отмечает: смыслы казахского менталитета не возможно адекватно понять без оперирования мифологическими пластами. Казахское мифотворчество уходит вглубь веков. По С. Кондыбаю, оно берет начало еще в 1–3 в., в рамках прототюркского периода. Затем основы лингвистического и ментального фона развивались в рамках тюркской эпохи, охватывающей практически 17–18 столетий. Современный этап насчитывает всего 5–6 в., поэтому сегодня так велико желание возобновить тюркское культурное наследие как возможность укрепления этнической идентичности [97, с. 7].

Фактически все этапы, подэтапы, которые подразделяет С. Кондыбай, связаны с описанием развития языка. То есть, фактическое мифологическое, а, значит, общественное со-

знание казахов, в особенности, его тайная иррациональная часть формировались преимущественно через устный лингвистический текст.

Имеются и чисто экономические объяснения практической значимости категории социального оптимизма. По оценкам И. Задорина, в более энергичных и оптимистичных обществах намного скорее проходят транзакционные акции. То есть, один и тот же договор купли-продажи может заключаться в одном случае – в течение 30 дней, в другом за 1 день. Речь идет о принятии конкретных волевых решений участниками сделки. Соответственно, экономика, где люди больше доверяют друг другу, более оптимистичны, не тратят время на выяснение отношений, развивается намного динамичнее, чем в других системах.

На международной научно-практической конференции, прошедшей 23 июня 2008 г. в Казахском национальном университете им. аль-Фараби по тематике Астаны И. Задорин презентовал результаты девятой волны «Евразийского монитора», в рамках которой на базе комплекса показателей было проиллюстрировано, что казахстанское общество продолжает основываться на добротной основе социального оптимизма. Уровень удовлетворенностью жизнью среди казахстанцев удерживается в пределах 72–73%. Это – один из самых высоких показателей на пространстве СНГ и Прибалтики [98, с. 25].

Такой тезис выдвигается и в статье российского эксперта Э. Ковеля: «Уровень социальной адаптации в Казахстане приближается к среднему уровню социальной адаптации в странах ЕС, где он – порядка 83%. Этот показатель – один из самых высоких в СНГ – около 73%, хотя, наверное, содержание, которое вкладывается в это понятие, во многом отличается от того, что имеют в виду граждане России и Украины. Более того, в Казахстане два года назад был зафиксирован

резкий скачок позитива, после чего ситуация стала более стабильной» [99].

Автор Е.В. Балацкий говорит о колоссальной гетерогенности Единого экономического пространства. «Разница между индексом R для Казахстана и Белоруссии составляет 25,3 п. п., что говорит о несопоставимости социального климата в этих странах. Полное непонимание населением Белоруссии социальной обстановки противостоит прекрасной социальной ориентации населения Казахстана... «Иерархия по уровню социального оптимизма такова: Казахстан, Украина, Белоруссия, Россия. Таким образом, среди россиян озабоченность будущим просматривается наиболее четко» [100, с. 52–53].

Таким образом, с 2004 г. на отечественном поле окончательно побеждает категория социального самочувствия как интерпретация общественно-политической ситуации. Приходят обоснования факторов и структуры социальных настроений, предпочтений, наконец, представлений. Проявляется интерес к общественным настроениям и феноменологии общественного духа в Казахстане со стороны зарубежных стран.

Движение по пути стабильности без резкого отрицания недавнего прошлого, но вместе с возрождением традиций, экономическим ростом и сильной социальной политикой укрепило в Казахстане социальный оптимизм. По уровню уверенности граждан в завтрашнем дне Казахстан стал лидером не только на постсоветском пространстве, но и на территории, начиная с Центральной Европы и до Монголии.

3.4. Вопросы закрепления социального оптимизма в Казахстане

Казахстан находится в уникальной исторической ситуации. В экономике и политике совершены крупные модернизационные подвижки, сохранены человеческий потенциал,

внутренняя стабильность, в общество постепенно приходят новые, более активные модели адаптации.

Население Казахстана за гг. реформ научилось смотреть за пределы границ своей жизни и видеть планку того, как живут другие нации. Это стимулирует здоровые социальные амбиции населения и позволяет Казахстану не стоять в стороне от доминирующих мировых трендов, формировать собственный ряд воодушевляющих успехов:

1. Проведение Саммита ОБСЕ в Астане в декабре 2010 г.;
2. Председательство Казахстана в ОБСЕ;
3. Проведение в Казахстане Азиады – зимних азиатских игр 2011 г.;
4. Выдвижение Президента Н.А. Назарбаева на Нобелевскую премию мира;
5. Подготовка к 20-летию Независимости.

Следует сказать, что все эти информационные поводы в действительности играют роль генератора социальной энергии. Они способствуют закреплению доверия к институтам власти как важного компонента социального оптимизма.

В действительности, население в основе своей имеет серьезный настрой на продвижение в жизни и может собственными глазами лицезреть успехи страны. Подсказывать здесь ему не нужно, так же как и не надо истолковывать реальность в извращенном виде, в угоду узким политическим целям. Это вызывает только отторжение у прагматически мыслящих людей, следующих пути адаптации в современных условиях жизни.

У Казахстана есть главное преимущество, которое закрепляет социальный оптимизм – это его Лидер. Население доверяет своему Президенту, верит в его способность вывести нацию на сильное и самодостаточное поле. Поэтому и можно говорить: сильный Лидер – сильная и оптимистическая нация, настроенная на успех!

Казахстан благоприятно отличается от всех постсоветских стран тем, что здесь социальный оптимизм хорошо укоренился в общественной психологии населения.

Обычно это связывают только с экономическим ростом, но, помимо него, здесь сыграл свою роль целый комплекс причин:

- наследие духа обретения независимости;

- осознание того, что в Казахстане удалось построить государственность со всеми атрибутами, избежав участи «несостоявшихся государств», и выйти на широкую магистраль развития, опираясь на первоначально не совсем завидные стартовые возможности;

- магия контрастов прошлого, настоящего и заманчивых перспектив будущего;

- преваширование азиатского типа мышления, акцентирующего внимание не на проблемах, а на позитиве, номадизм – как желание быть не хуже, а лучше своего окружения.

Доминанта социального оптимизма среди казахстанцев – это действительно ценное приобретение развития нашей страны. Но, как любой ресурс, он требует пополнения. Яркий тому пример – прошедшая летом – осенью 2008 г. выборная кампания в США. Хотя США всегда базировались на таких идеологемах, как «американская мечта», «self made man», однако социальный оптимизм как состояние общественных настроений требует подкрепления. Кризис в социальной психологии американской нации хорошо иллюстрирует отрасль поп-музыки. В частности, это – феномен «Бритни Спирс» – развязный, неводержанный образ, призванный служить моральным оправданием соответствующего поведения у значительной прослойки коренной американской молодежи. Фигура Б. Спирс сильно контрастирует даже на фоне Мадонны, у которой, за всем эстрадным эпатажем, все же где-то имеется моральный остов, содержащийся хотя бы в сценическом имени, которое она употребляет.

Такую волну наиболее адекватно смог поймать Б. Обама в рамках своего базового лозунга «CHANGE». В результате новый президент США 4 ноября на выборах заручился голосами 338 выборщиков при 270 необходимых. За него проголосовали порядка 62,3 млн. человек. Выборы проходили при беспрецедентной за 100 лет явке. На выборах проголосовали порядка 136,6 млн. человек или 64,1% избирателей, что уже говорит о мобилизационном подъеме американского электората сделать свой выбор в пользу большого политического тренда. Накал страстей укрепляли параллельные с президентскими выборы в Конгресс и Сенат, где также победили демократы. В Верхней Палате Конгресса число представителей Демпартии возросло на 9 чел. и составило 60 из 100 мест, в нижней – на 25 (258 мест из 435). Создалась уникальная ситуация, когда исполнительная и представительная власти оказались в руках Демократической партии. Это очевидный «зеленый свет» новому президенту позволяющий реализовать его предвыборную платформу.

Американская нация уже давно не была такой сплоченной в своем выборе. Очевидна электоральная мобилизация. Результат выборов далек от бытовавшего до сих пор стереотипа о важности для демократии минималистской формулы конкуренции – 51/49. Б. Обама получил почти на пятую часть больше, чем ему требовалось для победы.

Корни победы Б. Обамы кроются именно в социальных факторах, в возникновении активной электоральной базы, ориентированной на улучшения.

В 2009 г. произошел массовый уход на пенсию многочисленного поколения «беби-бумеров» – людей, рожденных в 1943 г. Они многого добились в плане расширения спектра государственных социальных программ. Новая волна, еще называемая «поколением тысячелетия» (1980–1990-е гг.) оформлялась в период окончания «холодной войны» и пере-

смотра ценностей государства всеобщего благосостояния. Это – самая многочисленная группа от 80 до 95 млн. человек, доминирующее мнение которой – то является, что консервативная политика предыдущих лет не была к ним справедлива [101, с. 34–35].

У Казахстана – схожая ситуация. Страна находится на стыке эпох, когда идет смена поколений. Только здесь этот процесс имеет пролонгированный характер, поскольку имеются разные временные интервалы. В нашем случае также на передовую выдвигается молодежь, которая в меньшей степени удовлетворена своим социальным положением и поэтому является наиболее мобильной.

Как отметили авторы С.Ж. Тажибаев и Т.А. Козырев, «... Подобно тому, как в США существует понятие «американская мечта» – по-хорошему индивидуалистическая мечта молодых и энергичных людей об успехе, о реализации своего личного потенциала, точно так же у нас на глазах рождается сегодня «казахстанская мечта». И тиражируемая повсеместно картинка с Байтереком как нельзя лучше символизирует эту мечту, способную воодушевлять и, тем самым, объединять казахстанцев любого этнического происхождения и любой конфессии» [102, с. 121].

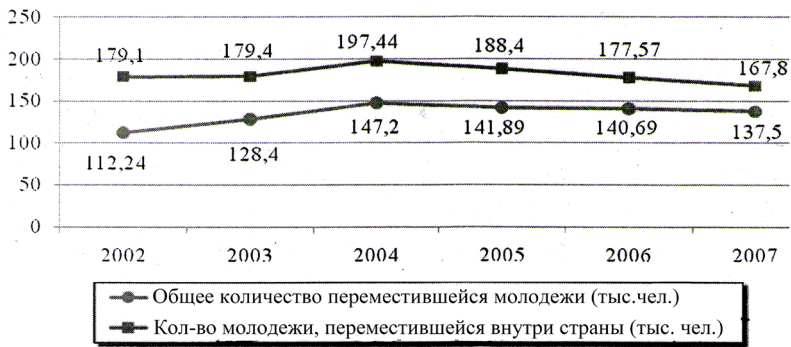
Как отмечает профессор Л.Ю. Зайниева: «С молодежью связано развитие каждой страны и мирового сообщества в целом. Однако осознание такой роли молодежи не везде одинаково. В силу названной и других причин в каждой стране по-разному подходят к решению проблем молодого поколения, по-разному понимается и проявляется роль государства в этом процессе. Вместе с тем, анализ накопленного мировым сообществом опыта показывает, что доверие молодого поколения можно завоевать только решительными действиями по поддержке его жизнедеятельности» [103, с. 79].

Казахстанская молодежь имеет высокий порог жизненных притязаний, который отличается от таковых у среднего и старшего поколений. Проявлением этого являются два фактора.

Первый – это мотивированность к получению образования. «Большинство молодых казахстанцев связывают жизненный успех с высоким уровнем и качеством образования – это на самом деле слагаемые мощного созидательного фактора в преобразовании всех сфер жизнедеятельности общества» [104, с. 109].

Второй – активное перемещение молодежи. Молодежь является одним из ведущих участников миграции. За период с 2000 по 2007 гг. доля молодежи (в возрасте от 15 до 29 лет) в структуре населения возросла с 25,6 до 27,8%. В числовом эквиваленте молодое население увеличилась почти на полмиллиона – с 3,82 до 4,288 млн. человек (диаграмма 15).

Диаграмма 15

Показатели миграционных перемещений молодежи за 2002–2007 гг.

Только за период с 2002 г. по 2007 год общее количество переместившейся молодежи превысило 1 млн. человек. Три четверти этого показателя приходится на молодежь, переме-

щуюся внутри страны. За тот же период доля молодежи в переместившемся населении возрасла с 38,7 до 49%. Почти такой же удельный вес молодежи и во внутренних перемещениях, который возрос с 41,7 до 48,78%.

Причем следует сказать, что наиболее активно начала вести себя молодежь именно с 2000 г., т. е. с периода экономического роста, когда у населения возникла потребность в более глубокой социальной адаптации [105, с. 25].

Молодежь выступает как главный бенефициарий тех реформ, усилий, которые осуществляются нынешним поколением. Завтрашняя, будущая молодежь как бы делегирует право нынешнему поколению, используя имеющиеся ресурсы, включая сырье, человеческий капитал, накопленный финансово-экономический фонд, наконец, возможности, которые проистекают из текущего момента, которыми может воспользоваться только нынешнее поколение, не будущее, но в интересах тех, кто придет за ними.

Президентская политика прививает обществу заботу о будущем поколении. Конкретными эмпирическими проявлениями этого являются идеология Национального фонда; стимулирование образовательных амбиций в рамках программы «Болашак» и вообще получения зарубежного образования; реализация программы «Культурное наследие». В ходе заседания общественного совета по реализации госпрограммы «Культурное наследие», на котором обсуждались итоги выполнения этой программы за 2004–2006 гг., 13 февраля 2007 г. Глава государства высказал такую мысль: «Восстановление историко-культурного наследия – это еще и воссоздание такой связи времен, которая обладает четкой проекцией в будущее. Задавая вопросы о реальном содержании нашего прошлого, мы обогащаем понимание настоящего и можем конструировать вдохновляющие образы нашего будущего» [106, с. 2].

Следовательно, преемственность поколений, передача и ретрансляция опыта от одного поколения к другому – вот ключевые потребности в сфере молодежной политики. В отрыве от этого живительного смыслового ствола трудно усматривать некие перспективы научного дискурса по молодежной проблематике.

Смысл – в том, что мы имеем восходящий демографический цикл, т. е. молодежь как наиболее энергичная, меняющаяся часть общества будет подкреплять общественный энтузиазм, амбиции. Это – важный резервуар для укрепления социального оптимизма.

О наличии благоприятного демографического фактора, редкой возможности для Казахстана говорил известный в Казахстане демограф М.Б. Татимов. Он говорил о возникновении третьей волны демографического бума, начиная с 2000 г., который продлится, как минимум, до 2010 или 2015 гг., возможно, до 2020 г. «Первая демографическая волна началась сразу после Отечественной войны... Я называю их «дети Сталина» – он запретил аборт, наложил налоги за бездетность, семьи с детьми стали получать поддержку со стороны государства. Эта волна продержалась до начала шестидесятых гг., а вершина ее пришлась на 1961–1962 гг. Вторая демографическая волна в нашей стране началась, когда был расцвет социализма... Применительно к Казахстану я называю их «дети Кунаева». Пик этой демографической волны (1985–1987 гг.) пришелся как раз на гг. его работы руководителем страны. Третья волна демографического «бума» для Казахстана началась в 2000 г. Ее пик ожидается в 2010–2015 гг., через жизнь одного поколения. Это – дети новой, суверенной эпохи, и я бы их назвал «дети Назарбаева». Чем выше будет эта волна, тем дольше будет длиться ее повторение – как демографическое «эхо» на весь XXI век!» [107, с. 7].

Параллельно демографическим волнам, будут возникать группы молодежи с различными кодами сознания. Хотя генераторами, производителями и монтажниками проведенных реформ в текущем г. стало преимущественно старшее и, скажем, так средне-старшее поколение, в реальности пожинать плоды, жить в этой системе придется уже молодому поколению. «Через два г. достигнет совершеннолетия группа ровесников независимости совершенно иного характера и стиля, имеющая менталитет врожденной, не приобретенной свободы. За ними последуют в 2018 г. «дети благополучного Казахстана», которые будут знать о кризисе 90-х гг., так же как ровесники независимости – о бывшем Советском Союзе, лишь понаслышке.

Примерно в пределах 2025–2030 гг. в Казахстане нарастет достаточная критическая масса людей с «врожденным», не приобретенным рыночным сознанием. Придет новая генерация молодежи, которая родилась уже в посттранзитный период, по крайней мере, после его наиболее чувствительного этапа, сопряженного со становлением молодого государства.

Вместе с тем, сложность сегодняшней ситуации у Казахстана – в том, что в плане наших достижений мы слишком расточительны. Мы слабо верим в свои силы, скептически оцениваем инициативы, недостаточно продвигаем своих героев, с недоверием, некоторой предвзятостью относимся ко всему своему и одновременно склонны к гипнотизации чужим опытом, слабо поддерживаем свои таланты, что-то все время недоделываем, склоняясь преимущественно к имитационным моделям поведения, т. е. «психологии временщиков».

Оптимизм первых лет роста был сродни некоторой социальной наивности, связанной с недостаточным знанием населением природы современного конкурентного мира, который могут сотрясать экономические кризисы и конфликты.

Есть еще менее очевидный, но достаточно чувствительный момент, лежащий в глубинах общественной психологии и составляющий, скорее, ее теневые стороны. Это – мотив «ревности к чужим успехам».

Чужие – это результат практики «элитаризации», т. е. искусственного размежевания населения по уровню престижа, статуса и привилегий. Население не чувствует своего единства как нации, включенности в единый проект строительства качественно новой, современной, успешной страны. Для преодоления этой проблемы Президентом инициирован проект «народное IPO».

Например, известный во всем мире политический деятель, экс-премьер-министр Канады Ж. Кретъен, говоря об успехе своей страны в сравнении с Аргентиной, отметил: «Мы овладели тем, что теперь стало считаться типичной канадской выдержкой и умением идти на компромисс. Одним словом, наш фокус был направлен в мир, на открытие себя миру и на продвижение демократии и справедливости дома... Что же сделала Аргентина. Помимо всего прочего, Ж. Кретъен указывает: «Страна разделилась по классам. Конфронтация стала доминировать, а нация погрязла в бесконечных спорах между популизмом и авторитаризмом... Казахстан переживает увлекательный этап, время новых начинаний, новых возможностей, новых горизонтов. Это – время уверенности, энергии, перемен... Таков Казахстан сегодня. Смелый, оптимистичный, смотрящий в мир и открытый к переменам» [108, с. 19-21].

Среди важных методологических посылов выступления – то, что канадский представитель отметил, что, будучи во главе правительства, он не раз был благодарен всем тем, кто был до него у руля руководства страны и благодаря кому были сделаны правильные выборы.

То есть, Канада находится уже на другом этапе, когда чиновники не являются первооткрывателями, чем по-прежнему

болеют у нас, а совершенствуют то, что было сделано ранее. Это признается в открытую, никто не является заложником ненужной ревности.

Ревность возникает в силу больших социальных контрастов, различий в возможностях продвижения групп населения. Сказывается также рост социальных амбиций под воздействием демонстрационного эффекта благ высокоразвитых потребительских западных обществ, а также мотивов конкурентоспособности.

На такой основе возникает феномен «социальной эксклюзии», т. е. исключенности или недостаточной включенности основной массы населения в общий поток развития. Поэтому возникают такие проблемы, как коррупция и погоня за прибылью в ущерб социальной ответственности бизнеса. Граждане мотивированы к улучшению своего благосостояния, но недостаточно видят, как это сделать законным, ответственным путем. На выходе мы получаем замещение оптимизма: где-то – апатией и пессимизмом, где-то – протестными настроениями. Сильное развитие получает конфликт между модернизированными и немодернизированными слоями коренного казахского населения. В публицистике их называют еще «шала-казахами» и «нагыз-казахами».

Элементы всего этого лежат в нашей этнической природе. Исследователи выделяют несколько важных характеристик. Психология временщиков исходит из исторического феномена «барымты». То есть, когда угонялся скот, что является непродуктивным, поскольку не дается прироста продукта, производство блага. Напротив, идет демотивация этого. В кочевом обществе, как отмечает историк Ж. Джампеисова, «барымта» носила где-то регулятивную функцию: «Несмотря на то, что барымта была эффективным средством судебных разбирательств в мелких кочевых группах, между крупными объединениями угоны скота носили неконтролируемый характер» [109, с. 98].

В принципе, и в казахской истории мы видим, что единство достигалось только в критических условиях. В повседневности превалировала родовая фрагментация: «Для казахского населения была характерна внутренняя сегментированная структура, а сами сегменты могли соответствовать таким объединениям, как, например, племя, род, отделение, аул. Эти сегменты были, прежде всего, коллективами, объединенными общими экономическими интересами по поводу ведения кочевого хозяйства. Конкуренция кочевых коллективов по поводу пастбищ и других ресурсов являлась причиной внутренней оппозиции между однопорядковыми кочевыми единицами» [109, с. 110].

Соответственно, еще одним фактором сегментации являлась повышенная конкуренция в борьбе за ресурсы – власть и пастбища. «Архивные материалы зафиксировали большую напряженность во взаимоотношениях между волостями, нежели между округами. Эта напряженность вызывалась, в первую очередь, между теми волостями, которые претендовали на одни и те же пастбища и кочевые пути, т. е. между соседствующими волостями» [109, с. 101].

Но, помимо «барымты», синкретики, весомости иррационального, сегментации, имелись и другие факторы, которые и сегодня сказываются на формировании нынешнего общественного сознания в Казахстане.

Одним из них является «жалкау». В научном обиходе это понятие обычно интерпретируется как инерция. Данный феномен при всем его негативном восприятии – это важный защитный механизм любого общественного организма. Казах он спас в свое время от того, чтобы их культурные ценности не были нивелированы иноэтнической средой.

В условиях ускоренной модернизации, урбанизации, вестернизации – все ранее работавшие механизмы регуляции кочевого или традиционного общества перестают работать,

превращаются в деформированные структуры. «Барымта» – это желание легкой наживы, «жалкау» – нежелание работать, и т. д.

Как отмечает исследователь С. Аджигалиев, период историко-культурного перелома казахи пережили в XIX в. Он был связан с тем, что под воздействием политической интервенции российской бюрократии происходил переход от кочевого образа жизни – к оседлому «...Основной формой казахских поселений этого времени оставались временные поселения типа «кон», «журт», «кос»; стойбища типа «котан», «аула котан» и др., и, таким образом, к середине XIX в. сложились условия для развития стационарных (преимущественно сезонных) поселений, а с 30–40-х гг. XIX в. начинают развиваться стационарные зимники (кыстау). Другими словами, изменение форм поселений в сторону стационарных говорит также об уменьшении интенсивности миграций, что постепенно приводило к закреплению кочевых коллективов на определенных территориях [110, с. 133–152].

Историк Ж.Б. Абылхожин констатирует, что насильственная коллективизация или политика силового перевода кочевников и полукочевников на оседлые формы хозяйства и быта привели к серьезным разрушениям. Форсирование перехода от кочевническо-скотоводческой структуры к земледельческо-оседлому при фактической неготовности инфраструктуры и производительных сил привели в итоге к демографической катастрофе 1932–1933 гг. [111, с. 622–623].

Слом кочевой социокультурной матрицы казахов, вызванный массовым оседанием, переходом к оседлому стилю жизни, привел к эрозии кочевой системы ценностей, смене поведенческих стереотипов, сбою культурных кодов и глубинных архетипов сознания. Поле казахской идентичности утратило гомогенность, произошли мощные социокультурные разломы, постепенно кристаллизующиеся в разные субкультуры,

идеологические течения институционального и неформального толка, в основе которых – дифференцированность типов мышления, отношения к прошлому и современным реалиям. То есть, через миграционные инструменты единство казахской нации было нарушено. Казахи на своей земле оказались на позиции меньшинства [112].

В условиях современных жестких требований конкурентоспособности все обозначенные черты стали работать больше в «минус», чем в «плюс». Это было связано, главным образом, с урбанизационными процессами. Превращение казахов как ведущей этнической группы – государствообразующей нации – в высокоурбанизированную стало одним из великих достижений эпохи независимости. Это стало главным критерием адаптации казахского этноса в современных условиях. Это было отмечено Президентом на 12-й сессии Ассамблеи народа Казахстана в октябре 2006 г.: «Мало кто обратил внимание на то, что за 15 лет казахи стали подлинно урбанизированной нацией не только по статистике, но по существу. Мы все помним социальную структуру казахстанских городов, когда кроме маленькой партийной прослойки и гуманитарной интеллигенции, основная масса казахов занималась низкооплачиваемой и непрестижной работой. Сегодня во всех сферах бизнеса, менеджмента, информационно-технологической сфере, в наиболее престижных сферах широко представлено городское казахское население. Этот сдвиг принципиально важен для понимания того, что происходит в обществе. Уровень национального статуса и национальной самооценки казахов стал соответствовать статусу государствообразующей нации» [113, с. 2].

Однако для достижения всего этого возникла необходимость в капитальной реконструкции сознания. Это не могло пройти безболезненно и на это указывают высказывания других авторов.

В первую очередь, урбанизирующаяся нация пересматривает свои вековые социальные практики. Ощущается давление западных моделей. Очень хорошо это показано в одном из «глянцевых» журналов Алматы. «Однако мы живем на Востоке, и для нас крайне важно такое понятие, как уважение. Зачастую мы теряем много времени и сил впустую, чтобы продемонстрировать свое уважение к кому-нибудь... Американцы в этом плане жестче. Один американский бизнесмен имел привычку по пятницам заниматься дома самоорганизацией. Он анализировал все свои действия за прошедшую неделю и составлял план на следующую. И никому не позволял мешать ему» [114, с. 40].

Р. Сабитов отмечает: «...в нашей же ситуации главным содержанием всего социального знания становится как раз анализ кризисного сознания глубокого разлома общественной жизни, который связан не только и не столько с колебаниями массового сознания, сколько с формированием самого института в процессе лавинообразных перемен в образе мышления, социальной переоценки ценностей общества» [115, с. 7].

Другой автор высказывается более твердо. Это – профессор А. Гали. Он отмечал, что в Казахстане встала главная задача – справиться с национальным ренессансом и произвести модернизацию казахосферы. Однако потенциал национал-демократов не был использован в полной мере – из-за высоких политических рисков. Сработал эффект инерции. «...Националисты не были востребованы властью, но они не примкнули по большей части к оппозиции. Они осели в казахских СМИ, вузах и творческой сфере. Отдаление от власти спасло от кризиса, отдаление от оппозиции – разгрома и деградации» [116, с. 16–17].

Исследователь Г. Иренов также констатирует существенные изменения в казахстанском общественном сознании, что

требует адекватного его восприятия. «Анализ современного состояния идеологии и межэтнических отношений свидетельствует: казахстанское общество за гг. независимости претерпело существенные изменения. В процессе реформирования экономической и политической систем, демократизации общества представителям всех этносов создаются условия для возрождения и развития культуры, языка и традиций, самоидентичности и роста собственного самосознания» [117, с. 98].

Автор Г.К. Уразалиева отмечает, что в Казахстане в настоящее время востребованным надэтническим конструктом становится термин «казахстанец», который стал объединяющим для всех многонациональных групп. На региональном уровне остались прежние демаркации, но высокостатусный столичный маркер теперь называется по-другому – «астанинец» – от имени новой столицы РК – Астаны. Но среди регионов происходит своеобразное «перевзвешивание» статусных позиций: на первые места выходят высокоэкономичные нефтедобывающие западные регионы. То, что ранее, в советское время, было глухой периферией, перестает быть таковой» [118, с. 92].

Новое социально-территориальное переструктурирование сказывается на дифференциации населения. Влияет феномен разноскоростной социальной адаптации населения, когда некоторые группы могут не успевать за общими темпами развития территорий своего проживания. Как это происходило, например, в Астане или тех же Атырау. Именно западные регионы, крупные города страдают от проблем поляризации населения. Это проявляется как по объективным экономическим показателям, так и субъективным социально-психологическим.

В этом контексте должен произойти ребрендинг казахосферы. Она должна выйти из узкого националистического

ложа на широкие содержательные просторы, как это свойственно исторически казахскому менталитету, степному духу, коммуникабельному, открытому для всех ветров, но не теряющему самообладания, своих культурных стержней и корней, способному к творчеству, мобильности, подвижности, динамичности.

Весьма показательной и очень полезной является статья проректора Евразийского Национального университета имени Л.Н. Гумилева, профессора Д. Камзабекұлы. Он отмечает, что важно сегодня произвести ревизию того, как мы празднуем «Наурыз» – один из ключевых праздников. Обращается внимание на многие детали, но самая главная мысль, что «Наурыз» должен стать общим праздником для всех казахстанцев. По автору, сегодня этот праздник проводится, как говорится – кто во что горазд. Поэтому Д. Камзабекұлы отмечает: «Біздіңше, Наурыз мерекесін тойлау жөнінде жаңаша көзқарас қалыптастыруымыз керек... Міне, қазіргі Наурыз да жалпыхалықтық болу үшін оны бүгінгі дәстүрмен байыту қажет. Мысалы, алаңдарға әр мекемені жұмылдырып, қатар-қатар киіз үй тігудің тіпті керегі жоқ. Бір шетте көрнекілік үшін бірер киіз үй тігілсе тігілсін, алайда халық иін тірескен, 15 адам ішке енсе, 30 адам сыртта сығалап тұратын жағдай мерекеге әдемі сән береме ме?... Киіз үй – кереметтей этнографиялық мұрамыз, байлығымыз, бірақ біз бүгін киіз үйде тұрмаймыз ғой» [119, с. 4].

Казахский семантический и символический ряд должен развиваться и насыщать, обогащать, наполнять повседневную жизнь общества. Казахская составляющая, наконец, должна задышать полной грудью. В основу ложится идея сопричастности всех казахстанцев без различия от национальности в едином, большом проекте – построения современного государства. Патриотизм предстает как гражданский национализм, т. е. гипертрофированное чувствительное по-

ложительное отношение ко всем компонентам, ассоциирующимся с Казахстаном.

Важным аспектом консолидации общества является психологическая протекция оказываемая казахстанским товарам и брендам по принципу: из товаров с равным качеством и ценой предпочтение отдавать казахстанской марке. Это принесет больше пользы для страны, будет способствовать развитию несырьевого сектора, обрабатывающих предприятий, отечественного бизнеса.

Следующая «программа», чип – это всегда и везде ориентироваться на лучшее, успех, лидерство. Социальный оптимизм является базовым преимуществом Казахстана и казахстанцев, спродуцированный идеей независимости, стабильности и экономического роста. Поэтому такое преимущество надо развивать. Необходимо включение принципа – уменьшение, ослабление, затемнение неудач и раскрутка даже малых успехов по идеологии: «делать из мухи слона».

Третий принцип или ориентир – это очеловечивание, антропологизация информационных потоков, приближение к индивидуальному миру казахстанцев, с их переживаниями, радостями, чувствами. Поэтому необходимо выдвигать таланты из глубинки, из городов, всячески их поощрять. Обеспечивать информационное, долгосрочное сопровождение подвигов и действий людей, граждан, делающих яркие поступки. Здесь можно посмотреть по каждой отрасли – наука, культура, спорт, госслужба, транспорт, регион, образование. Нужно продвигать простых людей, не отягощенных регалиями, достижениями, общественным признанием, известностью, славой.

С учетом всего этого продвижение идеологии социального оптимизма в Казахстане является как никогда своевременным. *У Казахстана есть важное стратегическое преимущество, которого нет сегодня ни в одной постсоветской*

стране – это сильный Национальный лидер, пользующийся абсолютной поддержкой внутри страны и авторитетом за ее пределами. Это – очень сильный политический ресурс, который может с легкостью конвертироваться в общенациональный оптимизм.

При этом понимание социального оптимизма должно быть правильным. Это – не чисто идеологическая и политическая категория. Она очень тесно связана с экономикой, из нее исходит, ее подкрепляет, пронизывает и обволакивает. Чем выше энергетика социального оптимизма, тем сильнее конкурентные свойства нации, ее экономический и общественный тонус, иммунитет к манипуляциям.

Наступательная стратегия власти по укреплению социального оптимизма среди населения преследует вполне прагматичные цели. Оптимизм – это идеология, которая сопровождает разворот государственной политики в сторону развития человеческого капитала. Теперь важно понимание, что именно синергетика, т. е. совместные и встречные движения государства и гражданского общества способны творить чудеса. У рядовых казахстанцев появляются реальные шансы укреплять свои социальные позиции через преобразование проблем в новые возможности.

Важно воодушевить нацию, показать, что каждый имеет возможность проявить себя, осуществить свой индивидуальный социальный прорыв, приложив к этому усилия, внимание, труд, энергию, веру в то, что все будет хорошо, несмотря ни на что! Главный залог успеха – это опора, в первую очередь, на собственные силы, расширение возможностей – через самосовершенствование, образование, работу над собой.

4. ИДЕОЛОГИЯ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ

В Казахстане проводится комплексная реконструкция пространства политики и партий. Сформирован основательный институциональный каркас для функционирования такой политической системы, которая бы учитывала, с одной стороны аспекты национальной безопасности, а, с другой – потребности раскрепощения социальной инициативы граждан. Флуктуация партийной системы показывает тенденцию сжатия. От атомизированной многопартийности Казахстан перешел к системе доминантной партии.

Вместе с тем, простая конкурентная модель партийно-выборных отношений не сработала и происходит дрейф в сторону «субсидиарности», т. е. политико-правовой поддержки альтернативного партийного поля. Политические реформы в большинстве своем имеют отложенный эффект, в особенности, что касается формирования президентской-парламентской политической системы. Поэтому основным их бенефициарием становится молодежь, новое поколение казахстанцев, родившееся в эпоху независимости, модернизации и имеющее врожденное рыночное сознание и прагматичное видение логики жизни.

4.1. Этапы партийно-политической реконструкции

М.С. Машан прогнозировал, что развитие партий в Казахстане будет происходить в рамках постепенного перехода от доминанты национал-патриотической парадигмы, затем – государственно-политической к социально-экономической [120, с. 75–78]. То есть, это – то, что мы сейчас называем парадигмой конкурентоспособности. Соответственно, приход более рациональной, прагматичной рыночной эпохи способ-

ствовал постепенной оптимизации партийного поля, выходу его на более структурированный уровень.

В этой связи главной линией континуума преобразования партийной системы в Казахстане за почти два десятилетия независимости стал переход от атомизированной или неограниченной многопартийности, действующей несколько актраированно от государственной системы и общественных запросов – к системе сначала умеренной многопартийности, а затем – полупартийности или системе доминирующей партии по базовым матрицам ведущих стран Юго-Восточной Азии и некоторых европейских государств. Весь прошедший период партийной трансформации характеризуется как «политический маятник»: сначала – государственно-партийная секуляризация, а затем – новое сближение, сращивание, но в новых условиях по прошествии нескольких витков политических, социальных реформ.

Соответственно, периодизация партогенеза в Казахстане будет укладываться в более существенные временные интервалы, чем это делалось ранее [121, с. 94]. Сама же периодизация нам нужна, чтобы идентифицировать точку нахождения партийной системы сегодня и определения путей ее дальнейшего дрейфа.

Первый этап был достаточно обширен – практически 12 лет, с 1990 по 2002 г. На этом этапе имелась простая, неограниченная многопартийность. Создание политических партий никак через количественные параметры не ограничивалось, был произведен демонтаж монополии КПСС. К концу периода неограниченной многопартийности в стране действовало 19 политических партий, готовились к образованию партий еще около полудесятка организаций.

Второй этап (2002–2006 гг.) был ознаменован переходом к умеренной многопартийности. Данный этап был промежуточным, когда власть и конкретно Президент сделали очень

важный реинжиниринг партийной системы – для того, чтобы она стала более операбельной, технологичной, способной функционировать, как ей подобает, в качестве ядра политической системы.

На этом сыграли поправки в законодательство о партиях, установивших высокую планку их минимальной численности для официальной регистрации (50 тыс. чел.) при не менее 700 членов в каждом регионе. После принятия законодательных поправок перерегистрацию прошли 8 партий. Дополнительно было создано 4 партии. В результате институционально партийное пространство сократилось на треть.

На третьем этапе, начиная с 2006 г., партийная система постепенно приобретает нынешние черты полупартизанности. Это было связано с укрупнением политических партий – прежде всего, «Нұр Отан» и временной консолидацией других партий на парламентских выборах 2007 г. Партия «Нұр Отан» стала эксклюзивной парламентской партией. Остальные партии оказались вне парламентского поля, так и не достигнув минимального избирательного порога в 7%. В целом партийное пространство на данном этапе сократилось до 10 партий.

Подобные процессы происходили не только в Казахстане, но и во многих других странах. Чаще всего упоминаются в этом плане страны Юго-Восточной Азии, Япония. Есть примеры в Латинской Америке [122, с. 204–205].

Сокращение партийных агрегатов сделало более оптимальной, адекватной действующей политической системе ее партийную компоненту. Во-первых, это облегчает обеспечение социального и правового контроля за партийными институтами. То есть, речь идет об императивах противодействия возникновению рисков партийного провоцирования социальной напряженности. Во-вторых, политические партии – это публичные институты. В Казахстане же публичное

поле отличается общеизвестной узостью, ограниченностью. Все решает скрытый дискурс. Культура публичности еще не устоялась. Ревность к публичности и ее уязвимость отпугивают быть на виду. Наконец, третье – следует принимать во внимание весомость консервативных настроений в казахстанском обществе.

Главной сутью партийно-политического транзита и политических реформ стало постепенное укрепление роли партий, преодоление ими автономности и включение в государственную систему, повышение ответственности в защите интересов граждан. «Рассматривая политические партии как один из ведущих институтов гражданского общества и, соответственно, один из ключевых механизмов политического представительства социальных интересов, Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев с первых лет независимости последовательно проводит целенаправленную политику по созданию условий для формирования в политическом пространстве страны сильных дееспособных партий. В этом контексте стратегическим приоритетом является поэтапное инкорпорирование партий в структуру государственной власти» [123, с. 138].

Но все же главный тренд в партийной системе обозначился – это то, что только парламентский статус может стать гарантией того, что партия может сохранить свое влияние и не уйдет в небытие. Это – уже очевидный критерий усиления самой политической системы. Внесистемные партии или организации не могут найти себе поддержку среди населения. Соответственно, подрывается главный довод оппонентов власти первых лет независимости – о том, что политическая система, в т. ч. система власти имеет актраированный, т. е. несвязанный с обществом характер.

Четыре парламентские избирательные кампании (1995, 1999, 2004, 2007 гг.) способствовали выращиванию наиболее сильных и дееспособных партий.

До первых парламентских выборов 1995 г. рейтинги парламентских и оппозиционных партий были практически равны – 36,1 и 34,5%, соответственно. После выборов рейтинг партий, вошедших в Парламент, превзошел оппозиционные более, чем в два раза. Но разница была не столь выразительной – всего 27%. Причем совокупный рейтинг парламентских партий не превышал 50%, а в пользу оппозиции высказывался каждый пятый из опрошенных.

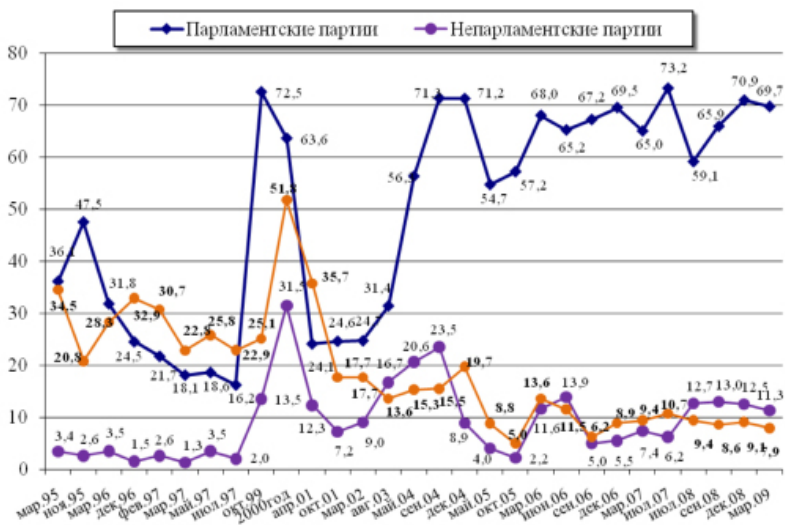
Следует сказать, что был период, когда рейтинги оппозиции превосходили рейтинги парламентских партий. Это было отмечено в период с марта 1996 по июль 1997 г. Такое явление связано с резким ослаблением активности провластных партий в межвыборный период, тогда как оппозиция продолжала действовать агрессивно и напористо. Это было главным просчетом власти в условиях формирования новой партийно-политической системы.

В этой связи, 1999 г. продемонстрировал высокий уровень конкуренции, когда оппозиция пыталась удержаться в Парламенте. Разрыв между парламентскими и оппозиционными партиями достиг трехкратного уровня, но рейтинг оппозиции превышал четверть респондентов. Власть здесь брала фронтальным, массивным наступлением с использованием административных ресурсов.

Вновь в межвыборный период оппозиция попыталась воспользоваться дезактивацией парламентских партий. В 2000 г. разрыв между ними сократился до 8%. В апреле 2001 г. рейтинги оппозиции даже превосходили парламентские – на 11%.

Примерно с осени 2001 г. рейтинги оппозиции неуклонно пошли на убыль. Тенденция снижения продолжалась до августа 2003 г., т. е. выборов в маслихаты. Затем на электоральной волне 2004 г. рейтинги оппозиции поднялись до 19,7%, но не достигли уровня 1995 г.

Диаграмма 16

**Динамика рейтингов основных групп партий
за период с марта 1995 по март 2009 г.**

Рейтинги же парламентских партий в этот период резко возросли с 31,4% в августе 2003 г. до 71,3% в сентябре 2004 г. При этом рейтинги оппозиции впервые стали даже ниже уровня поддержки населением внепарламентских партий. Это наблюдалось в период с августа 2003 по сентябрь 2004 г. и означало рост провластной партийно-политической инфраструктуры, не входящей в Парламент.

На волне президентской избирательной кампании в 2005 г. рейтинг парламентских партий превышал оппозиционные уже в 11 раз, хотя на выборах 2004 г. – лишь в 3 раза. Такие различия были максимальными. Победоносная избирательная кампания Президента, таким образом, обеспечила кардинальный прорыв парламентских партий. Их лидерство стало безусловным. В этом проявляется сущность казахстанской

политической системы, заключающаяся в сильной зависимости позиций ее элементов от того, как действует президент.

Вместе с тем, 2007 год показал еще больший разрыв между парламентскими и внепарламентскими партиями. В июле 2007 г. он составил 62%. Этот показатель стал рекордным, хотя в относительном размере он был меньшим – 7,3 раза. В принципе, на уровне 61–62% разница между парламентскими и оппозиционными партиями продолжает поддерживаться и в настоящее время. При этом заметно, что, начиная с июля 2008 г., внепарламентские партии, в число которых входят не только оппозиционные партии, имеют рейтинг выше оппозиции. Следовательно, имеет место активизация провластной партийной инфраструктуры.

Таким образом, прослеживаются роль и значимость президентского фактора в партийно-политической реконструкции Казахстана. Глава государства заложил основы, чтобы общественно-политическая жизнь регулировалась через парламент, т. е. партии, обладающие поддержкой населения. Произошло упорядочение политического процесса через активное участие Президента в партийном конструировании. Ведущим инструментом упорядоченной политической системы призван был стать Парламент. Соответственно, конституционные реформы 1999 г. и затем – 2007 г. были посвящены, главным образом, ему, и в целом – системе представительных органов. То есть, Казахстан постепенно эволюционирует к президентско-парламентской системе, но без надрыва и нестабильности, как это происходило в ряде соседних стран.

4.2. Партийно-политическая сфера после реформ 2007 г.

Диалог власти и институтов гражданского общества четко вписывается в казахстанскую модель реформ, основной

концептуальной линией которых является приоритетность преобразований в экономике, а не в политической сфере. Да, принципиально выбор был сделан в пользу демократии, но при этом лидер страны Президент Н.А. Назарбаев ориентировался на демократическую эволюцию страны без надрывов и потрясений.

Модель общественного диалога, апробированная в Казахстане, лежала в русле современных, прогрессивных идей делибертативной демократии.

Завершение XX в. и начало нового было связано с появлением новых версий «делибертативной демократии». Она носит компромиссный характер, как к максималистским, так и к минималистским концепциям. Основным апологетом такой концепции является Ю. Хабермас. По его замыслу, «делибертативная демократия должна соединить процесс поиска истины с процессом подготовки политических решений. Центральным звеном подготовки решений в этой системе ...представляется дискурс – свободная дискуссия всех заинтересованных лиц, осуществляемая в условиях широкого, активного, децентрализованного участия и отвечающая требованиям рациональности» [124, с. 24].

Сквозь призму такой стратегии любые политические изменения должны были проводиться, только пройдя фильтр общественного диалога и апробации.

С 2000 г. в стране происходил процесс институционализации политического диалога. Поначалу это была форма «круглых столов».

Экономический и социальный рост, кардинальное переупорядочивание казахстанского общества, появление новых социальных классов, успешное продвижение Казахстана в мировой экономике и политике требовали выработки мер системного порядка по адаптации политической системы к новым реалиям жизни. Именно поэтому с 2002 г. полити-

ческий диалог в стране выходит на качественно новый уровень, воплотившись в ***Постоянно действующее совещание по выработке предложений по дальнейшей демократизации и развитию гражданского общества.***

Важность той роли, которую сыграло ПДС, продемонстрировал выход на систематизированный комплекс политических реформ, который был озвучен Президентом Н.А. Назарбаевым на внеочередном съезде партии «Отан» в июне 2004 г. Именно там Н.А. Назарбаев заявил о необходимости нового шага вперед и озвучил идею ***Национальной комиссии по вопросам демократии и гражданского общества.*** Создание НКВД – это новый институциональный скачок в развитии системы политического диалога в стране, который произошел к концу 2004 г.

В рамках работы Национальной комиссии был рассмотрен весь спектр вопросов, касающихся реформирования политической системы, развития гражданского общества, децентрализации госуправления, формирования местного самоуправления, усиления роли Парламента, совершенствования судебной-правовой системы. НКВД не только простимулировала общественные дискуссии вокруг проекта назревших политических реформ, но и вывела разговоры о либерализации политической системы в практическую плоскость.

Следующим этапом в развитии политического диалога в стране стало создание ***Государственной комиссии по разработке и конкретизации программы политических реформ.*** К активной деятельности Госкомиссия приступила уже в марте 2006 г.

В рамках Госкомиссии было проведено шесть пленарных заседаний, 21 заседание рабочих групп, ряд международных конференций и «круглых столов». Всего же было проведено порядка 35 организационно-практических мероприятий.

Было обеспечено проведение массовых социологических опросов – для выявления доминирующих среди населения оценок относительно политических реформ и работы Госкомиссии. Всего таких исследований насчитывается около десяти. Для их проведения были привлечены различные независимые исследовательские и экспертные структуры, неправительственные организации – всего в количестве семи.

По данным одного из исследований, подавляющее большинство граждан одобрили деятельность Госкомиссии, расценив ее в качестве стимула, а не затягивания реформ. 74% респондентов назвали оправданным подход, по которому политические реформы должны обязательно пройти обсуждение в обществе. При этом, помимо важности реформ, потребности качественного и профессионального рассмотрения таких вопросов больше четверти респондентов мотивировали работу Госкомиссии самостоятельным проявлением демократии, признаком участия граждан в принятии важнейших политических решений, а также возможностью согласования позиций.

Благодаря Госкомиссии, были выявлены не задействованные и не в полной мере реализованные ресурсы действующего Основного закона страны. Всего в течение г. проходило обсуждение порядка двух десятков законов и иных нормативно-правовых актов, связанных с вопросами продвижения демократических реформ.

В 2006 г. страна вышла на новый уровень развития выборной системы. Опираясь на выборный эксперимент 2005 г., когда были переизбраны акимы в четырех районах страны, мы провели выборы в тридцати процентах районов и городов областного подчинения. Об их результативности говорит то, что корпус акимов там, где проходили выборы, обновился на треть.

Также были приняты поправки в Конституционный закон о выборах, которые сняли излишне жесткие нормы относительно запрета митингов в период подсчета голосов.

В рамках Госкомиссии принята Концепция развития гражданского общества, рассчитанная до 2011 г. Для реализации Концепции принят правительственный план. Всего на цели развития гражданского общества и укрепления его институциональных основ из республиканского и местных бюджетов запланировано затратить в ближайшие 5 лет порядка 1,25 млрд. тенге.

Госкомиссия действительно вызвала оживление дискуссий и полемики в экспертной среде, среди ученых, интеллигенции, госслужащих. За период деятельности о Госкомиссии было опубликовано в СМИ около 1,5 тыс. различных информационно-аналитических материалов. При этом треть из них – это сюжеты, интервью, передачи в электронных СМИ. Также было опубликовано порядка 70 фундаментальных теоретических статей по вопросам развития политической системы [125, с. 1].

Большинство предложений Госкомиссии было творчески учтено при окончательном решении по конституционной реформе. «Учитывая, что на протяжении последних лет проведена большая подготовительная работа, которая проходила с участием председателей комитетов Палат и депутатов Парламента, учитывая также, что в предложенном мной законопроекте принято 80% предложений Госкомиссии, считаю, что было бы возможным рассмотреть проект... в течение этой недели» [126, с. 21].

Госкомиссия оказала существенное влияние на характер ожиданий населением дальнейших политических реформ, направив модернизационные ожидания в наиболее конструктивное русло. Граждане стали более четко осознавать не только потребность в дальнейших демократиче-

ских преобразованиях, но и их серьезность, и необратимый характер.

Созревание предпосылок к реформам отмечал автор А.Ж. Шоманов: «На очень важном этапе развития политических процессов сегодня находится Казахстан. В настоящее время, когда Казахстан имеет статус страны с рыночной экономикой и вышел на траекторию устойчивого развития, поставлены новые задачи и ориентиры. Страна вступила в новый этап дальнейших политических преобразований, основными константами которых по-прежнему являются взвешенность и последовательность реформ» [127, с. 19].

По итогам работы Госкомиссии было принято свыше 60 поправок в Конституцию, но основная масса из них носит больше редакционный характер. Среди концептуальных и наиболее важных выделяются 12.

1) фактическая отмена смертной казни, ее сохранение только в исключительных случаях военного времени и террористических актов (ст. 15, п. 2);

2) санкционирование ареста свыше 72 часов только судом (ст. 16, п. 2). Ранее, помимо суда, это могла делать также прокуратура;

3) уменьшение сроков полномочий президента с 7 до 5 лет (ст. 41, п. 1). Но статьей 94–1 оговаривается, что данная норма будет применяться только к президенту, избранному после того, который выбран 4 декабря 2005 г.;

4) исключение для Первого Президента по числу переизбраний (ст. 42, п. 5);

5) исключение нормы, предписывающей президенту на период занятия должности приостанавливать свою деятельность в политической партии (ст. 43);

6) предварительное согласование кандидатуры Премьер-министра с фракциями партий до внесения ее на рассмотрение Мажилиса Парламента (ст. 44, п. 3). Здесь две новации:

согласование с фракциями и рассмотрение кандидатуры главы правительства только в Мажилисе, а не на пленарном заседании всего Парламента, то есть, включая Сенат;

7) увеличение числа сенаторов по президентскому списку с 7 до 15, а числа мажилисменов – с 77 до 107 (ст. 50, пп. 2–3). В результате общее количество парламентариев достигло 154, что соответствует сложившимся нормам для стран с численностью населения, близкой к Казахстану;

8) избрание 98 депутатов Мажилиса по партийным спискам, т. е. по пропорциональной системе, а 9 депутатов – от Ассамблеи народа Казахстана (ст. 51, п. 1);

9) исключение нормы об отсутствии императивного мандата у депутатов Парламента, включение нормы, согласно которой, депутат утрачивает свой мандат в случае выхода, исключения из партии, прекращения ее деятельности (ст. 52);

10) предоставление Палатам возможности принимать обращение к президенту об освобождении членов правительства простым большинством депутатов. В целом процедура постановки вопроса о снятии с должности министров для Парламента значительно облегчена (ст. 57, п. 6);

11) назначение акимов после предварительного согласия местных представительных органов (ст. 87, пп. 4–5);

12) более четкое описание системы местно самоуправления, которое осуществляется как непосредственно, так и через местные маслихаты (ст. 89, пп. 2–3) [128, с. 173–174].

Принятый формат конституционной реформы призван был сохранить сильным и функциональным президентский институт в качестве своеобразного охранительного «чипа». Ведь демократия – это не только свобода, но и порядок. Поэтому в политической системе сохранены механизмы, которые бы работали на ее самосохранение в случае неблагоприятного стечения обстоятельств.

Ведущей парадигмой конституционной реформы стал переход к президентско-парламентской форме правления, при которой позиции ключевых институтов власти уравновешены между собой.

Анализ дореформенного Парламента выявил ряд дисфункций, которые следовало устранить. Во многом все проблемы исходили из слабой институционализации партий в парламенте. Они, скорее, были там, как вспомогательный, декоративный, сопутствующий механизм.

Во-первых, политические партии, по сути, не участвовали в управлении парламентом, так как руководители партийных фракций не были включены в состав бюро палат парламента. Хотя следует отметить, что подавляющее большинство – около 98% депутатов парламента являлись партийными и около 85% из них входили в состав фракций.

Во-вторых, количественное преимущество депутатов-одномандатников создавало основу для преобладания над общенациональными региональных императивов и действий парламентариев.

Как отмечал А. Надаис, для обеспечения стабильности мажоритарная система подходит лучше, а пропорциональная – для лучшего представительства слоев населения [129, с. 70].

Известные исследователи электоральных систем Э. Лейкман и Дж. Ж. Ламберт по поводу мажоритарности отмечают еще жестче: «...этот грубый и примитивный метод учета мнения более многочисленных и более разнородных контингентов избирателей оказывается неприемлемым, когда дело касается определения мнения значительных групп, и обедняет законодательные органы» [130, с. 17].

В-третьих, отсутствовали механизмы, обеспечивающие партийную дисциплину депутатов. В этой связи, даже представляя ту или иную партию, парламентарии действовали

сообразно своим взглядам и убеждениям. Другими словами, партии обладали лишь номинальной властью, становясь зачастую трамплином для выхода на парламентское поле деятелей, которые могут и не разделять те цели и программы, которые выдвигаются партиями.

В этом контексте достаточно показательным было высказывание политолога К.Л. Сыроежкина в 1999 г., на фоне подготовки парламентских выборов. «Любой опрос общественного мнения показывает, что в иерархии органов, оказывающих влияние на принятие значимых политических решений, Парламент занимает одну из последних позиций. Депутаты Парламента не выполняют главную свою функцию – представление и защиту интересов того электората, который их избрал». Т. е., фактически, идет речь об отсутствии императива» [131, с. 11].

В-четвертых, отсутствовали минимальные политические гарантии для партий-аутсайдеров, но обладающих определенной поддержкой населения.

Слабость партийного механизма фактически являлась первопричиной других функциональных сбоев в парламенте, как представительном органе. О них указывалось в Национальном докладе о развитии парламентаризма в Республике Казахстан за 1991–2001 гг., который был подготовлен Программой развития ООН в Казахстане в рамках проекта «Национальные доклады о развитии представительных институтов в государствах Центральной Азии и Азербайджане» [132, с. 4–18, 48, 68–69].

С учетом исследования ПРООН, а также анализа динамики в деятельности парламента до 2007 г. были выделены следующие проблемы.

Во-первых, это – несбалансированное представительство основных социально-демографических групп в парламенте.

Действительно, если сравнивать качественные параметры депутатского корпуса с соотношением основных социально-демографических групп в обществе, то можно выделить очевидную недопредставленность в парламенте:

- **женщин** (при демографической доле в 51,7%, в парламенте женщин представлено 8,6%, в том числе в Мажилисе – 10,3%, Сенате – 5,1%);

- **граждан среднего возраста и молодежи** (демографическая доля населения в возрасте от 25 до 40 лет составляет в сумме 22,6%, тогда как в Парламенте их представленность имеет показатель лишь 4,2%). При этом число депутатов в возрасте от 51 до 60 лет почти в 6 раз превышает их долю в возрастной структуре, от 61 г. и старше – более, чем в два раза. Превышение демографической доли представительства имеет также группа граждан в возрасте от 41 до 50 лет.

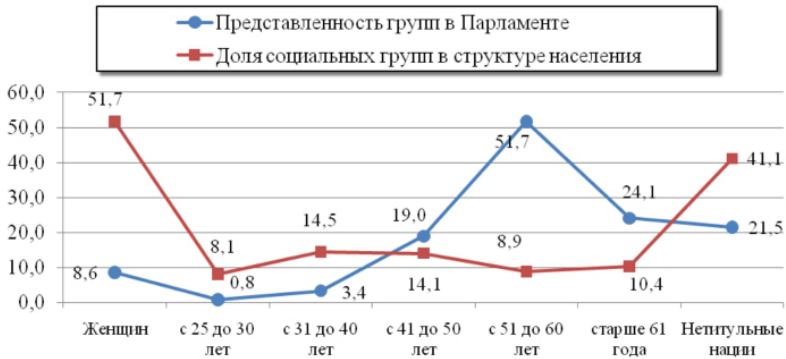
- **представителей нетитульных национальностей** (в структуре общества их доля составляет около 41%, в парламенте – 21%, или почти в два раза меньше).

Во-вторых, консервация парламента.

Сила любого парламента – в наличии профессионального депутатского корпуса и обеспечении преемственности между созывами парламента.

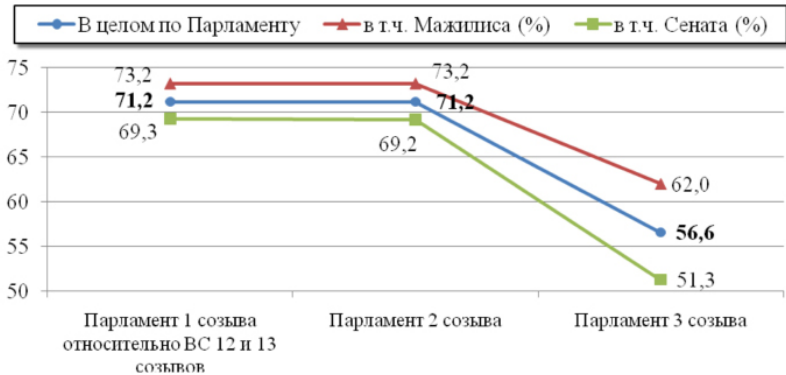
На первоначальных этапах становления нынешнего парламента происходил своеобразный естественный отбор персоналий, которые бы наиболее оптимально могли реализовать функции представительства и публичной политики в рамках парламента. С этим связан высокий показатель обновляемости состава Парламента первого и второго созывов. Например, Парламент образца 1995–1999 гг. был на три четверти новым относительно Верховного совета 12 и 13 созывов. Практически так же обновление прошло в Парламенте второго созыва, когда доля «старых» депутатов здесь насчитывала не более 29% (диаграммы 17, 18).

Диаграмма 17

Сравнение доли основных социально-демографических групп в структуре населения и их представленности в Парламенте 3 созыва

Диаграмма 18

Динамика показателей обновляемости депутатского корпуса Парламента по созывам

Вместе с тем, Парламент третьего созыва обозначил тенденцию к консервации депутатского корпуса. Число депутатов прошлых созывов в нем практически сравнялось с

вновь избранными. Учитывая деформированную структуру представительства населения в парламенте, а также факторы естественного старения депутатского корпуса, можно было ожидать отторжения высшего представительного органа от населения и политической системы.

Слабость парламента постоянно актуализировала перед властью потребность в формировании дополнительных или вспомогательных структур согласования общественных интересов. Это выражается в создании различного рода консультативно-совещательных органов при президенте, число которых достигает 20-ти. Несмотря на все их плюсы, дополнительные возможности для политических маневров власти, данные структуры воспринимаются как откровенное проявление политической слабости и нерепрезентативности парламента.

В-третьих, следует отметить и ослабление качества законодательной работы.

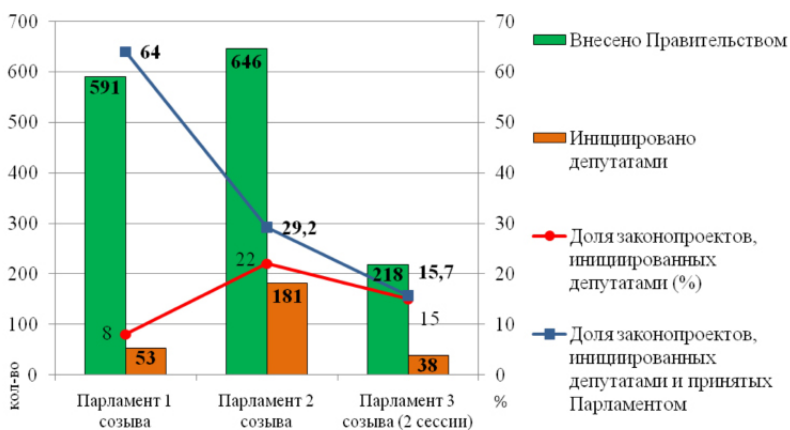
Наблюдалось снижение числа законопроектов, инициируемых депутатами. Если в Парламенте второго созыва доля таких к общему потоку законопроектов составляла 22%, то теперь – лишь 15% (диаграмма 19).

Так, по 17 законам, принятым в свое время Парламентом до реформ и рассмотренных Конституционным советом, восемь или почти половина признаны неконституционными. Среди них Гражданский кодекс (особенная часть), законы: «О языках», «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений», «О СМИ».

По данным исследования, проведенного в декабре 2006 г. во всех областях, гг. Астане и Алматы, среди 1235 респондентов с охватом 48 городских и сельских населенных пунктов страны выявилось следующее. Лишь десятая часть

опрошенных твердо говорит, что Парламент справляется со своими функциями (11%). 42% респондентов в этом не совсем уверены. При этом 27% опрошенных считают, что Парламент в той или иной степени не справляется с возложенными на него задачами.

Диаграмма 19

Соотношение законопроектов, внесенных в Мажилис по инициативе Правительства и депутатов

Следует отметить и качественную сторону. При общем высоком показателе принятия Президентом законов, прошедших Парламент – свыше 98%, значительная часть законов принимается Парламентом с грубыми нарушениями Основного закона.

Основная масса населения склонна связывать основные проблемы Парламента с недостатками работы депутатского корпуса.

В первую очередь, граждане отмечают слабую работу и редкость встреч депутатов с избирателями (47%). Второй болевой точкой является отсутствие должной заботы пар-

ламентариев о нуждах и интересах населения (44%). Около 17% респондентов говорят о пассивности депутатов, их слабом реагировании на события и проблемы в политической жизни страны. По мнению 17% опрошенных в Парламенте недостаточно представлены некоторые социальные группы населения. 10% усматривают недостаток плюрализма в Парламенте, что выражается в отсутствии оппозиции.

С учетом этого стал изучаться вопрос расширения элементов пропорциональности. Преимущественно рассматривался вопрос уравнивания пропорциональной и мажоритарной системы, т. е. перехода к смешанной системе. Предлагалось довести количество депутатов Мажилиса Парламента до 134 – за счет увеличения квоты депутатов, избираемых по системе пропорционального представительства. При этом соотношение депутатов, избираемых по мажоритарной и пропорциональной системам, составляет 50 на 50, или по 67 депутатских мандатов.

Однако изучались и другие подходы. Так, примерами смешанных избирательных систем являются *Испания, Германия*. Число депутатов, избранных здесь по пропорциональной и мажоритарной системам примерно равно. В первом случае – 42 и 58%, во втором – 50 на 50. Данный опыт был адаптирован и в транзитных государствах – например, в *Венгрии*. Здесь **45% депутатов-одномандатников и 55%** – тех, кто избран по партийным спискам. Опыт Венгрии еще интересен тем, что здесь практикуются выборы по региональным партийным спискам. Пример смешанной избирательной системы в условиях президентской формы правления дают *Филиппины*. Здесь соотношение депутатов, избранных по пропорциональной и мажоритарным системам, сложилось в пределах **15 и 85%**, что чуть более сбалансировано, чем в Казахстане (**13 и 87%**). То есть, очевидной заданности не было.

Другой момент – ограничение многопартийности. Избирательные пороги для партий применяются преимущественно в транзитных политических системах – прибалтийских странах, странах Восточной и Центральной Европы и они варьируются *от 4 до 20%*. Используется дифференцированный порог – для отдельных партий, как правило, *не выше 5%, для блоков от 7% и выше* [128, с. 18–26]. Из новейших тенденций можно отметить ужесточение требований к минимальному избирательному порогу для блоков партий, в частности, в Чехии и Словакии. *Минимальный порог здесь имеется для блока из двух партий – от 7 до 10%, для трех и более партий – от 15–20% и выше.*

Третий момент – это учет демографического фактора при увеличении количества депутатов.

Выступая в Парламенте с проектом поправок в Конституцию 16 мая 2007 г., Президент РК отметил, что, увеличивая численность депутатов Парламента до 154 человек, мы достигаем нормальной пропорции, т. е. нормы соотношения численности парламентариев и населения в нашей стране с нашим объемом населения [134, с. 1].

Экспертами также фокусно отмечался количественный момент, т. е. достижение нужных пропорций между объемом населения и численностью парламентариев [135, с. 108].

Действительно, если сравнивать с другими странами, то оказывается, что прошлое соотношение депутатов и населения, которое имелось в Казахстане – 1 депутат на 132 тыс. чел. больше подходит для стран с населением свыше 30-ти млн. человек (табл. 11).

В результате расширения депутатского корпуса до 154 парламентариев Казахстан практически сравнялся с группой стран с подобной численностью населения. В странах от 7 до 16 млн. чел. число депутатов колеблется от 125 до 386, а соотношение парламентариев и населения – от 26

тыс. до 96 тыс. чел. на одного депутата. Кроме того, как отмечено, по расчетам у стран с численностью населения примерно такой же, как в Казахстане, чаще встречаются парламентские или смешанные системы. Президентские режимы здесь встречаются реже, поэтому реформа была, в принципе, просчитана.

Таблица 11

**Среднестатистические показатели количества депутатов парла-
ментов и их соотношения к численности населения
по группам стран**

%

Группы стран по численности населения	Среднее число депутатов	Расхождения в числе депутатов	Среднестатистическое соотношение численности населения и депутатов парламентов (тыс.чел. / 1 деп.)	Расхождения в соотношении	Доля стран с доминированием парламента*
Страны от 100 млн. и выше	993	535-2985	473	169-1307	28
Страны от 50 до 100 млн.	661	290-945	113	41-219	50
Страны от 30 до 50 млн.	456	273-628	95	50-173	28
Страны от 16 до 30 млн.	318	220-595	82	47-122	28
Страны от 7 до 16 млн.	230	125-386	48	26-96	50
Страны ниже 7 млн.	135	60-235	27	7-55	62%
Казахстан	154	-	100	-	-

Продолжение таблицы 11

Группы стран по численности населения	Среднее число депутатов	Расхождения в числе депутатов	Среднестатистическое соотношение численности населения и депутатов парламентов (тыс.чел. / 1 деп.)	Расхождения в соотношении	Доля стран с доминированием парламента*
Казахстан до реформы	116	-	132	-	-

* В качестве базы для анализа рассматривались порядка 50 стран, репрезентирующие страны Европы, Азии, Южной и Северной Америки, а также Австралия.

Вместе с тем, у Казахстана – переходное положение. По предварительным данным Национальной переписи, численность населения в стране превышает 16,3 млн. человек. Соответственно, Казахстан может относиться к более высокой группе стран с численностью населения от 16 до 30 млн. человек. Здесь у нас соотношение парламентариев и населения в рамках континуума расхождений, который составляет от 47 до 122 тыс. чел. на одного депутата. Если в Казахстане проживают 16,3 млн. чел., тогда соотношения меняется и становится 106 тыс. чел. на одного депутата.

Это отдаляет нас от континуума расхождений в соотношении парламентариев и населения в группе стран от 7 до 16 млн. человек. Ранее мы были близки и отступали лишь на 4 тыс. чел. от верхней планки расхождения соотношений. Теперь разница может достигнуть психологической отметки в 10 тыс. человек. Это уже чувствительно. Поэтому предложения Государственной комиссии по разработке и конкретизации

ции программы демократических реформ в свое время были обоснованными.

Как известно, число мажилисменов предлагалось удвоить в сравнении с тем, что устанавливалось в 1995 г., не включая поправок 1998 г. То есть, их было бы 134 депутата. Сенат предлагалось расширить до 47 человек. Таким образом, мы дошли до планки 181-го депутата и, тем самым, приблизились к группе от 16 до 30 млн. чел. населения, где наименьшее число парламентариев составляет 220 чел. Тогда бы у нас сегодня соотношение составляло бы 84,5 тыс. чел. на одного депутата, что почти равнозначно средневзвешенному показателю в данной группе стран (82 тыс. чел. на 1 депутата). При пересчете на новые данные переписи этот показатель составил бы 90 тыс. чел. на одного депутата.

Следует сказать, что Казахстан тяготеет к группе стран с более высоким уровнем населения, т. е. свыше 16 млн. чел. Это выражается в специфике политической системы. В группе стран от 16 до 30 млн. чел. доля тех, где имеются парламентские режимы, уступает почти наполовину предыдущей группе (от 7 до 16 млн. чел). Следовательно, сохранение сильной президентской власти здесь, как говорится, в тренде.

Следовательно, у Казахстана сохраняются резервы для приведения своей политической системы в соответствие с общими стандартами или наработками зарубежных стран. Однако, есть еще социальный критерий.

В декабре 2006 г. в рамках деятельности Госкомиссии по разработке и конкретизации программы политических реформ было проведено специальное социологическое исследование – во всех областях, гг. Астане и Алматы с охватом 48 городских и сельских населенных пунктов страны. Всего было опрошено 1235 человек.

По данным опроса, большинство населения без энтузиазма восприняло предложения об увеличении численности

депутатского корпуса, считая это лишней нагрузкой для бюджета. Число респондентов, считавших возможным сохранить существующее число депутатов в Мажилисе (78%) – больше, чем в Сенате (53%). За сокращение количества мажилисменов выступило всего 1% респондентов, тогда как за уменьшение численности сенаторов – 23% опрошенных. Показатели поддерживающих увеличение палат примерно одинаково: Мажилис – 6%, Сенат – 8%.

Более привлекательным для населения выглядело предложение четко дифференцировать функции Палат, т. е. Сенат сконцентрировать на защите интересов регионов, Мажилис – выработке и продвижении общенациональных интересов, при этом, сделав нижнюю палату на сто процентов партийной, избираемой по пропорциональной системе выборов. Такое предложение поддержали уже 54% респондентов, принципиально против – около 10%, затруднились ответить – 36%.

В принципе, сдерживающий характер общественной инерции возымел действие. Общественному сознанию была сделана уступка. Этому также способствовал собственно финансовый вопрос.

Чем больше объемы экономики страны, тем менее чувствительными являются расходы на содержание парламента. И наоборот. К примеру, в Великобритании, где объемы финансирования парламента в 4 раза превосходят показатель Казахстана, доля расходов на парламентские нужды к ВВП едва достигает одну десятитысячную процента (0,0001). В Казахстане доля затрат на нужды парламента – почти шесть десятитысячных процента от ВВП (0,00056). Следовательно, казахстанская экономика несет гораздо большую нагрузку (в 5,5 раза), связанную с содержанием данного демократического института, чем британская. При этом за последние гг., несмотря на динамичный рост ВВП в нашей стране, доля в нем парламентских расходов даже возросла.

Что же касается выбора однопалатного или двухпалатного парламента, то в парламентских странах чаще применяется первый тип парламента. В президентских же республиках или странах с доминирующей ролью главы государства ставка делается преимущественно на бикамерализм или двухпалатность. При этом *соотношение депутатов верхней и нижней палат в таких странах варьируется, как правило, в пределах от 10/90 на Филиппинах до 35/65 во Франции*. В Казахстане этот показатель до реформ был близок к французскому (34/66).

Если бы численность мажилисменов была доведена до 137, то соотношение изменилось бы и составило примерно 22/78, что уже ближе к американской модели (18/82). В итоге вышло: 31% – Сенат и 69% – Мажилис, т. е. фактическое удержание французского баланса.

Внимание числовой компоненте – важно, так как, действительно, поскольку Парламент является представительным органом, то соотношение депутатов и населения может выступать в качестве критерия адекватности данного института населению, его структуре, демографической емкости.

Метод нормирования избирательной нагрузки депутатского корпуса, исходя из этого, можно считать апробированным на казахстанском публичном поле.

После парламентских выборов 2007 г., прошедших в новом нормативно-правовом поле, удалось сформировать более сбалансированный с точки зрения репрезентативности социально-демографических групп состав Парламента.

Так, представительство женщин возросло до 14%, представителей нетитульных национальностей – до 24% – при 33%-ной доле в структуре населения, возрастных групп до 40 лет – до 5%, 41-50 лет – до 25%. Одновременно число депутатов от 51 г. и старше сократилось в общей сложности почти на 6%. Такие подвижки произошли даже несмотря на

то, что выборы были внеочередными, не затрагивали Сенат, и сохранилась высокая преемственность депутатского корпуса Мажилиса (39 депутатов, или 36,4% предыдущего состава были вновь переизбраны) [136, с. 259].

Особенно следует отметить гендерный аспект. Доля женщин в Мажилисе Парламента достигла 17,5%. При том, что число депутатов Парламента возросло на 25%, количество женщин-парламентариев возросло в два раза – с 10 до 21 чел. Это – весьма солидный шаг в сторону политической и парламентской социализации женщин. Тем более, что зреет добротный женский резерв в рамках партии «Нұр Отан», в состав которой входит порядка 56% представительниц прекрасного пола. Тоже самое можно сказать по некоренным этническим группам. Их число среди парламентариев по результатам реформ возросло с 24 до 37 чел., или более, чем на треть.

Конституционная реформа перевела партийно-политическую систему в режим прямой электоральной конкуренции. Это было напрямую связано со Стратегией вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира, которая была выдвинута Президентом РК в 2006 г. [137].

Однако, пожалуй, никто не предполагал того, какой размах приобретут преобразования, основная часть которых пришлось на середину 2007 г. У основной массы населения и даже политических субъектов имелись некие пассивные ожидания, что власть в период после целой серии ежегодных выборов, начиная с 2002 г., когда прошли нашумевшие довыборные кампании в Мажилис и с 2003 г. – выборов в маслихаты, предпочтет инерционный алгоритм деятельности.

В интервью республиканским СМИ в мае 2007 г., Президент РК говорил, что некоторые приближенные в принципе настаивали на некое «консервативном» сценарии, «почивании на лаврах», что он отверг [138, с. 2].

Когда реформы были тщательнейшим образом обсуждены, получили одобрение как членов Госкомиссии по разработке и конкретизации программы демократических реформ, так и квалифицированного большинства населения [139–141], они были быстро реализованы в законодательном формате. Парламентом страны был одобрен предложенный Президентом РК проект поправок в Основной закон.

С конституционными изменениями, можно сказать, происходит синхронизация развития ключевых общественных систем Казахстана. Очевидно, что такие меры нацелены на повышение в целом эффективности, бесперебойного, гармоничного развития страны, в которой бы все элементы системы работали на обеспечение конкурентоспособности Казахстана в современном мире.

Сквозь призму парадигмы конкурентоспособности принятых конституционных реформ можно считать, что в результате их политические партии преодолевают свое маргинальное состояние и превращаются в стержень политической системы, реально действующий, глубоко интегрированный механизм защиты интересов гражданского общества во власти.

Партии теперь должны стать основным генератором политического процесса. Большинство конституционных поправок посвящено именно им. В их пользу отданы 91% мест в Мажилисе Парламента, снят запрет на госфинансирование общественных объединений, установлена обязательность консультаций Президента РК с партией парламентского большинства по поводу назначения Премьер-министра. Во многом от позиций партий будут зависеть назначение или снятие с должности акимов, поскольку именно партии будут составлять ядро маслихатов [142, с. 79].

Наряду с мерами, высвобождающими политическую инициативу общества, в результате реформ все же сохранен ряд механизмов охранительного и чрезвычайного характера.

Важным охраняющим «чипом» является сохранение сильным и функциональным института президентской власти. В этом плане произошло сближение с французским опытом. Во Франции главным механизмом самосохранения политической системы является президентский институт. В случае кризиса расширяется свобода действий главы государства, который мобилизует нацию против источника угроз.

4.3. Выход «Нұр Отана» на позиции доминантной партии

Формирование новой партийной системы с доминирующей партией также является частью национальной идеологии.

Сильные и крупные партии способны дать мощный толчок к развитию страны, мобилизовав нацию во имя общенациональных целей. Ярким примером этого является опыт успешных стран Юго-Восточной Азии.

Япония – страна, сумевшая возродиться из пепла Второй мировой войны и совершившая первой в регионе модернизационный рывок. Здесь либерал-демократическая партия с 1955 г. – момента своего создания является правящей. Сингапурское «чудо» может быть и не состоялось бы, если не было Партии народного действия Сингапура, бессменно находившейся у власти с 1959 г. Фактором успеха Малайзии во многом стало создание сильной правящей коалиции «Барисан насионал», объединившей в своих рядах 14 партий и организаций. После победы на выборах в 1955 г. эта коалиция бессменно правит страной и ее лидеры из г. в год занимают ключевые государственные посты.

Такие примеры можно продолжать – от Финляндии, занимающей 1 место по конкурентоспособности и до Австралии, входящей в десятку развитых стран мира.

Сила доминирующих здесь партий – в том, что они способны обеспечить в течение относительно длительного времени успешное реформирование страны и поддерживать политическую стабильность. Это – партии, которые базируются на четких и внятных идеологических основах с приоритетами безопасности, государственности, национальных интересов во внешней политике, умеренных рыночных реформ.

Двойные выборы 2007 г. в Парламент и маслихаты – практический инструмент монтажа новой конструкции политической системы, которая в правовом смысле уже сформирована через внесенные в Конституцию и законодательство поправки.

Они отличались повышенным уровнем конкурентности. Функциональное и статусное усиление сделало более привлекательными маслихаты. Общее валовое число граждан, которые пожелали выдвинуться в качестве кандидатов, в этом г. превысило 9,1 тыс. чел., что на 12% больше показателя 4-летней давности. При этом относительно 2003 г. зарегистрировано на 15% больше кандидатов в маслихаты – 8744 человека.

На общенациональном уровне также было весьма жарко. ЦИК зарегистрировала 374 кандидата, в т. ч. от партии «Нұр Отан» – 126 чел. (31,5%), ОСДП – 80, «Ауыл» – 30, Партии патриотов – 11, КНПК – 20, «Ақ жол» – 98, «Руханият» – 9 человек.

Соответственно, парламентские выборы проходили и на более существенном организационном уровне, поскольку партии имеют ряд преимуществ.

Во-первых, они имеют свою историю, соответственно, более известны населению, имеют устоявшиеся связи, практики, традиции публичной работы, наконец, могут отчитаться о том, что они сделали. То есть, это – не «темные лошади» отдельных кандидатов, которые зачастую проводят свою

кампанию «с нуля», тогда как население уже устало раздавать электоральные авансы, свои голоса в долг – ведь за 15 лет пора стать известными.

Во-вторых, у партий многократно сильнее оргресурс, чем у кандидатов в мажоритарных округах. Партии имеют свои филиалы во всех областных центрах и крупных городах, районных центрах, сельских населенных пунктах, наконец, как партия «Нұр Отан», имеют свои первичные ячейки в производственных коллективах.

В-третьих, партии имеют правовые преимущества – выдвигают своих кандидатов, имеют перспективы получать бюджетные субсидии, обязательно участвуют в заседаниях ЦИК, выдвигают и участвуют в работе территориальных, окружных, участковых комиссий. В составе избиркомов доля представителей партий достигает 77,2%.

В-четвертых, пирамидальная структура партий позволяет усиливать работу их лидеров. Они высвобождаются от рутинной, организационно-практической работы и могут сконцентрироваться на стратегии и публичной деятельности партии.

О высоком уровне конкуренции на выборах 2007 г. указывало следующее:

1. Ряд политических партий ради участия в выборах пожертвовали своими брендами и присоединились к более дееспособным и проходным партиям.

На такой шаг решилась оппозиция. К ОСДП присоединился «Нағыз Ақ жол», который был более известным, чем партия, его принявшая.

Через свои амбиции ради более долгосрочных целей переступила и партия «Әділет», которая присоединилась перед выборами к партии «Ақ жол». При этом она даже пошла на то, чтобы перейти из лагеря лояльных партий в лагерь конструктивной оппозиции.

Коммунистическая партия Казахстана, ввиду высокой конкуренции, не рискнула принять участие в выборной кампании, хотя все эксперты в один голос говорил, что у нее всегда есть гарантированная база поддержки среди старшего поколения, которое отличается наибольшей электоральной дисциплиной и принципиальностью в своих «коммунистических» взглядах.

Наконец, «Асар», ГПК и АПК присоединились к единой партии власти еще на дальних подступах. Тем самым они многократно усилили партию «Нұр Отан», укрепив ее конкурентоспособность.

2. О высоком уровне конкуренции на прошедших выборах говорит то, что избирательный процесс далеко не всегда проходил в рамках честной и цивилизованной борьбы.

К сожалению, вбросы компроматов, негативных материалов, передергивание фактов, опускание до критики персон, рытья в грязном белье отнюдь были не единичны. Некоторые партии не гнушались даже тем, чтобы вовлечь в предвыборную борьбу мертвых, использовать их имена и материалы для дискредитации своих конкурентов.

«Сюрпризы» неоднократно преподносила КНПК, которую все называли наиболее безобидной, «белой и пушистой» партией. Чего стоит обвинение Е. Абылкасымова в адрес ОСДП о подготовке массовых беспорядков или «компра» в отношении некоторых членов партии власти. Те же самые видеоролики ОСДП, которые попирали под собой все святое ради банальной предвыборной агитации.

3. Политические партии на выборах попытались выйти с конкурентными, внятными и обоснованными предвыборными платформами. В силу этого идейная компонента, конкуренция содержательных сторон политических партий значительно усилилась.

Данную особенность следует охарактеризовать как один из положительных моментов прошедших выборов. Партии поняли, что не только пиаром, не только призывами, не только оргмероприятиями, но и содержательной стороной надо доказывать и показывать свои преимущества и нужность обществу.

Лишь единицы партий подошли к своим платформам, так скажем, спустя рукава. Большинство же постарались выдвинуть как можно более привлекательные и аргументированные предвыборные документы. При этом у трех политических партий – «Нұр Отан», «Ақ жола» и ОСДП – они оказались настолько близкими по духу и технологиям, что эксперты никак не могли выделить особых различий между ними. В силу же того, что партия власти первой «двинула» в народ свою платформу, в экспертном сообществе стали говорить о калькировании подходов, если уже не содержания платформы партии «Нұр Отан» ее основными конкурентами.

4. Многократно возросла активность политических партий в регионах. Возросло их внимание к избирателям. Партии постарались расширить свой инструментарий взаимодействия с группами населения.

Партии не скупилась на расходы, чтобы завоевать симпатии избирателей, из-за чего прошедшие выборы, по сути, превратились в войну капиталов. Только по официальным данным, партии потратили на свои кампании до полумиллиарда тенге. Однако, если учесть «скрытые» расходы, использование связей, преимуществ, работы волонтеров, добровольцев, то сумма затрат партий на кампанию может возрасти в несколько раз.

Даже по скучным подсчетам, количество агитмероприятий партий за какие-то 25 дней составило в пределах 4–5 тыс. Некоторым партиям даже удавалось дотянуться до районного и сельского уровней и, тем самым, принести праздник, «горячие» новости из столицы, из первых рук, для неизбалован-

ванного вниманием сельского жителя или жителя провинциального городка.

5. Политические партии попытались максимально задействовать опросные инструменты для закрепления своих электоральных позиций, что сказалось на крайнем обострении борьбы за социологическую повестку дня. При этом радикальная оппозиция в лице ОСДП спровоцировала так называемую «войну рейтингов».

Крайне ожесточенной оказалась на этот раз и борьба за социологическую повестку дня. При этом ОСДП через свою афилированную структуру выдвинула настолько неправдоподобные и деформированные рейтинги, что в них усомнились даже те, кто не силен особо в вопросах и профессиональных тонкостях социологии.

Однако в политико-технологическом плане ОСДП попыталась из своих скандальных рейтингов выжать по максимуму – ввести в заблуждение международных наблюдателей, спровоцировать лидирующую партию «Нұр Отан» на бесполезную и невыгодную ей полемику с радикальной оппозицией вокруг цифр, которые отнюдь не заслуживают внимания партии, которую возглавляет Лидер нации.

6. Политические партии очень пристально следили за деятельностью ЦИК и государственных органов по обеспечению управления избирательным процессом в соответствии с принципами прозрачности, честности и конкурентности выборов.

Из конкретных фактов в качестве иллюстрации здесь можно привести заявление А. Байменова – после того, как Генпрокуратура объявила о приостановке текущих проверок хозяйствующих субъектов, или выход ОСДП из Совета по информационным спорам при ЦИК после вынесения им отрицательного заключения по поводу скандальных видеороликов партии. В этом же ряду лежит серия обвинений со

стороны радикальной оппозиции в недопредставленности в избиркомах, нарушениях в работе избирательных комиссий, фактах препятствия местных властей в проведении ею агиткампании, которые, к слову сказать, в основной массе не находили подтверждения.

Всего же госорганами и избирательными комиссиями принято свыше 31 тыс. обращений и жалоб. В органы прокуратуры поступили 3142 жалобы, суды – 1215 заявлений, в избиркомы – 26 861 жалоба, Центризбирком – 260, возбуждено административных производств – 4855, привлечено к ответственности – 263 лица.

7. Партии постарались максимально воспользоваться всеми предоставляемыми и имеющимися информационными площадками для доведения до сведения избирателей своих целей и положения предвыборных платформ.

Все партии, принявшие участие в выборах, воспользовались газетными площадями в официальной прессе, разместили свои материалы на сайте электронного правительства, ответили на вопросы избирателей в рамках Интернет-конференции. Особое внимание партий привлекли теледебаты. Все они как в формате «Один на один» на «31 канале», «2x2» и «вся семерка» на телеканалах «Хабар» и «Казахстан», были весьма горячими и напряженными, но все же позволили партиям выпустить свой предвыборный пар.

В ходе развертывания выборной кампании был проведен специальный социологический опрос. Исследование показало, что избирательная кампания проходила в «штатном режиме». Население в большинстве своем, если и не равнодушно к политике, то, по крайней мере, предпочитает не углубляться в перипетии политической жизни. В этой связи вся реальная политическая борьба, острые конкурентные схлесты участников выборной кампании проходят мимо основной массы населения.

Положительное отношение большинства населения к внеочередным парламентским выборам спродуцировано хорошим пониманием с его стороны значения политических реформ. Несмотря на «прохладное» отношение к политике, население весьма хорошо осведомлено об изменениях Конституции. При этом объявление досрочных парламентских выборов население склонно рассматривать сквозь призму обыденной прагматики – чтобы скорее заработало то, к чему так долго стремились, и что уже прописано в главном юридическом документе страны. Остальные причины, в том числе, имеющие политический подтекст, не стоят в числе приоритетных.

Население в большинстве своем одобрило переход к президентско-парламентской системе. Количество тех, кто положительно воспринимает ту или иную реформу, значительно перевешивает число респондентов с отрицательным мнением. При этом наделение Первого Президента РК исключительной привилегией баллотироваться на пост Главы государства без ограничения по количеству раз получило одобрение максимального количества опрошенных. Среди особенностей также то, что население в наименьшей мере положительно восприняло увеличение количества депутатов, хотя, одновременно, одобрило введение пропорциональной системы и квоты для представителей АНК. Относительно фактической отмены смертной казни число одобряющих такое нововведение впервые превысило неодобряющих.

Маслихаты в представлениях граждан еще пока не уравновешивают исполнительную власть на местах и, судя по характеру ответов респондентов, это происходит из-за того, что они недостаточно работают с населением. На это указывают большой процент затруднившихся ответить по поводу оценки работы маслихатов и расхождения в уровне удовлет-

воренности респондентами работой депутатов в маслихатах и готовностью гражданами вновь проголосовать за кандидатуры действующих депутатов.

Главным итогом выборов стала эксклюзивная победа партии «Нұр Отан». На выборы она пришла с целым рядом политических преимуществ.

Главным преимуществом НДП «Нұр Отан» стало прямое председательство в ней Н.А. Назарбаева. Оценочно решение Президента РК стать партийным дало приращение рейтингам «Нұр Отана» в пределах 20–25%, что составило примерно треть от базового показателя.

В качестве иллюстрации приведем данные социологических опросов, начиная марта 2007 г., когда Президент РК еще не был председателем партии. В марте 2007 г. число респондентов, которые были готовы голосовать за «Нұр Отан», составляло 60,3%. По данным опроса, проведенного в первой половине июля, сразу после внеочередного съезда партии, на котором Президент РК был избран председателем «Нұр Отана», за партию уже готовы были проголосовать 66,3% опрошенных. Во второй же половине августа этот рейтинг поднялся до 72,4% [143, с. 3].

По мере приближения дня выборов рейтинг партии «Нұр Отан» неуклонно возрастал. Максимальный предвыборный социологический прогноз рейтинга партии составлял 77–80% [144, с. 4].

Но, безусловно, не только фактор Президента сыграл в пользу партии. Имел значение мощный политический капитал.

1. Партия «Нұр Отан» – самая многочисленная партия в Казахстане. На выборах количество ее членов достигало 692,7 тыс. человек. При этом численность членов партии была сбалансирована по регионам. Соотношение членов

партии к численности населения колебалось по регионам от максимума в 4,8% до минимума в 2,2%.

По соотношению численности членов правящей партии к населению «Нұр Отан» оказался в лидерах на мировом пространстве. В Казахстане этот показатель 40 чел. на 1000 населения, в России – 10,3, Японии – 2,4. Выше показатель в Малайзии – 112 членов партии «Борисан насионал» на 1000 чел.

2. Партия обладала очень мощной и разветвленной структурой, глубоко проникающей в общественные группы. «Нұр Отан» состоит из 16 филиалов, 220 представительств, 9809 первичных партийных организаций практически во всех районах и крупных населенных пунктах.

3. Партия «Нұр Отан» опиралась на поддержку квалифицированного большинства избирателей. В 2004 г. в жесткой конкурентной борьбе партия собрала 60,6% голосов. В предвыборных опросах ей прогнозировали не менее 70% поддержки электората.

Партия «Нұр Отан» лидирует по результатам прошлых выборов. По итогам парламентских выборов 2004 г. партия получила 60,6% голосов. Разрыв от ближайшего преследователя составил 50,4%, а совокупный результат конкурентов – 39,3%. Такой расклад близок к показателю партии Народного действия Сингапура – 66,6/50,3/33,3, а также Национального фронта Малайзии – 63,9/39,8/34. У ЛДПЯ, Индийского национального конгресса, «Единой России» конкуренция существенно сильнее.

По результатам парламентских выборов 2007 г. партия «Нұр Отан», улучшив свой электоральный результат почти наполовину, опередила по динамике прироста правящую в Турции Партию справедливости и развития. Последняя в рамках парламентских выборов в своей стране, прошедших буквально за месяц до выборов в Казахстане, превысила

ожидания экспертов и свой предыдущий результат более чем на четверть.

4. «Нұр Отан» имеет каналы «обратной связи» с населением – общественные приемные.

5. Партия после завершения предыдущих выборов в 2005 г. не останавливала свою политическую работу, т. е. не успела «остыть». В поствыборный 2006 год и довыборный период 2007 г. под эгидой партии ежемесячно проводилось в среднем 1–2 тыс. мероприятий. Этот показатель практически равен количеству мероприятий, которые проводились партией в ходе кампании 2005 г. Всего же за первое полугодие 2007 г. партией проведено 7,1 тыс. мероприятий, в которых суммарно приняли участие 2,7 млн. человек.

Собственно в рамках парламентской избирательной кампании партией «Нұр Отан» было проведено около 4 тыс. мероприятий, что составило порядка 81% от всего количества мероприятий, проведенных всеми политическими партиями в ходе 25 дней агиткампании [145, с. 2].

6. Партия разрабатывала внешний ресурс. В частности, партия установила связи с Либерально-демократической партией Японии, Компартией КНР, партией «Единая Россия», Социал-демократической партией Швеции, партией Народного действия Сингапура и др.

7. Партия «Нұр Отан» стремится выстраивать внутрипартийную жизнь на демократической основе. Для отбора кандидатов в депутаты маслихатов партией было проведено 3322 праймериза. На собраниях первичных партийных организаций, проводимых в рамках праймериза в мае, приняли участие 543 тыс. членов партии, что, практически, на уровне фактического числа членов партии [146].

Партийно-политическая реконструкция и усиление позиций партии «Нұр Отан» сказались на повышении в целом политической зрелости территориальных общностей Казах-

стана. Статистически, географически и экономически уже доказана сложность территориального обустройства Казахстана. В рамках казахстанской социологии проблема территориальности стала одной из первых, которая подверглась еще в 1993 г. фундаментальному научному анализу профессором, доктором социологических наук М.М. Тажиным. По его концепции, территориальность – это нечто больше, чем следствие локализации социальных общностей, но и фактор, определяющий, детерминирующий особенности их поведения, внутреннего структурирования, взаимодействия внутри себя и между собой [147, с. 12]. Как производное этого, очень разительные и очевидные различия – в политических настроениях, мотивациях, наконец, в выборе каждой локальной – областной или городской – общности.

По итогам восходящего электорального цикла 2003–2005 гг. и внеочередных парламентских выборов 2007 г., на наш взгляд, произошло некоторое закрепление определенных устойчивых политических практик населения в зависимости от их территориальной локализации.

Наиболее ярким примером проявления территориального фактора является Алматы, к которому – всегда непропорциональное общественное внимание. По формальным, поверхностным признакам Алматы считается регионом с минимальной поддержкой партии власти и максимальной – оппозиции. Однако здесь как общественное, так и экспертное сознание обычно остаются заложниками статистических ловушек. По итогам парламентских выборов 2007 г. Алматы вошел в пятерку лидирующих регионов по показателю прироста поддержки партии «Нур Отан». По сравнению с 2004 годом уровень поддержки партии «Нур Отан» по г. Алматы возрос в 1,55 раза, что оказалось выше среднереспубликанского значения [148–150] (табл. 12).

Таблица 12

Показатели прироста поддержки партии «Нур Отан»
при сравнении трех парламентских кампаний (1999–2007 гг.)

Регион	1999–2004 гг.	2004–2007 гг.
Кызылординская	1,42 (15)	2,51 (1)
Мангистауская	1,51 (14)	2,06 (2)
Карагандинская	2,21 (6)	1,59 (3)
Костанайская	3,29 (2)	1,57 (4)
Алматы	1,57 (11)	1,55 (5)
Астана	1,52 (13)	1,52 (6)
Актюбинская	1,75 (9)	1,46 (7)
ЗКО	1,94 (7)	1,46 (8)
Алматинская	1,6 (10)	1,45 (9)
Павлодарская	2,68 (4)	1,43 (10)
ВКО	2,54 (5)	1,42 (11)
Акмолинская	1,54 (12)	1,39 (12)
Атырауская	2,73 (3)	1,34 (13)
ЮКО	1,40 (16)	1,34 (14)
Жамбылская	1,87 (8)	1,28 (15)
СКО	5,18 (1)	1,12 (16)
По Республике	1,96	1,46

Характерно также и то, что показатель прироста поддержки партии в 2007 г. сохранился стабильным, таким же, каким он был в 2004 г. относительно 1999 г. Но в то время Алматы заняла лишь 11-е место по приросту, который к тому же был ниже среднереспубликанского значения. Такие изменения произошли из-за больших колебаний в рейтингах партии в ряде регионов. В особенности, в 2004 г. здесь выделялись Северо-Казахстанская, Костанайская, Атырауская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская области.

По ситуации 2007 г. вперед вырвался ряд других регионов, но отмеченный у них рост в основном носил компенсаторный характер, т. е. он возмещал излишнюю инерционность или спады предыдущих кампаний. Например, занявшая первое место по приросту рейтинга партии «Нур Отан» в 2007 г. Кызылординская область, имела в 2004 г. здесь самый худший показатель. Ненамного лучше он был в Мангыстауской области, занявшей теперь второе место по приросту поддержки населением партии власти. Эффективный электоральный ход 2007 г. позволил этим регионам преодолеть «провисание» в рейтингах.

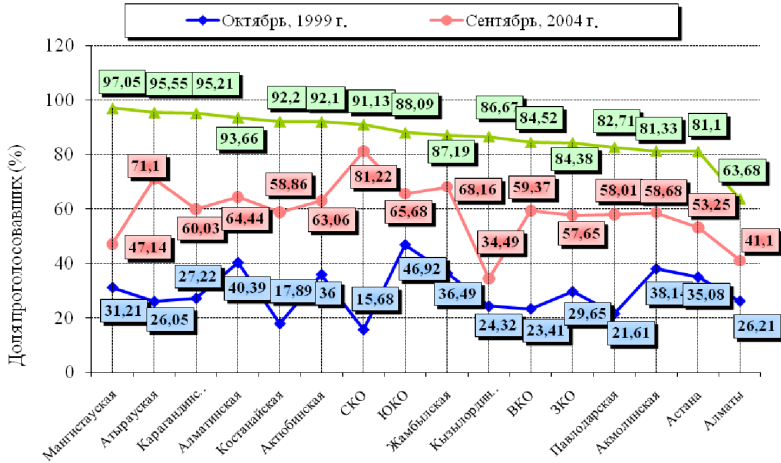
Что касается Карагандинской и Костанайской областей, на доли процентов, но все же опередивших Алматы по приросту рейтинга партии «Нур Отан» в 2007 г., то первая компенсировала «бледные» показатели двух предыдущих кампаний, а вторая продолжила компенсировать низкий показатель 8-летней давности.

На таком фоне Алматы продолжил траекторию стабильного роста поддержки партии «Нур Отан» без заметных колебаний. По схожей же матрице происходило изменение рейтингов партии «Нур Отан» в Астане. Столица, по-прежнему, опережает по рейтингам партии власти Алматы, но этот разрыв по итогам вот уже двух подряд избирательных кампаний сокращается. В абсолютном выражении он, конечно же, увеличился с 8,87% до 17,42%, *однако, если в 1999 г. показатель поддержки партии «Нур Отан» в Алматы составлял 74,7% от астанинского показателя, то в 2007 г. он уже достиг 78,5%. Это – изменение достаточно ощутимо и отражает роль и значимость президентского фактора в развитии этих двух казахстанских городов* (диаграмма 20).

Такие примеры позволяют находить верный путь выхода из лабиринтов статистики. Обыденное сознание, как правило, очень падко на прямые показатели, которые далеко не

всегда отражают всю картину, а без глубинного анализа могут создавать условия для обманчивых суждений.

Диаграмма 20

Показатели электоральной поддержки партии «Нур Отан» по итогам парламентских выборов 1999, 2004 и 2007 гг. в региональном разрезе

Алматы уже давно стал особой социально-территориальной единицей. Здесь более быстрое оформляется социальная структура рыночного общества, имеющего, преимущественно, либеральное сознание. В городе, своя особая аура, ритмика. Это – наиболее успешно модернизирующийся и меняющийся по современным требованиям город. Соответственно, это предопределяет особенности политического поведения. Высокий жизненный уровень в Алматы, естественно, сказывается и на высоких показателях абсентеизма и в целом критического сознания.

Одним из примеров алматинского, модернизационно, либерально ориентированного сознания может быть высказы-

вание эксперта А. Тойганбаева. В своей книге автор обращается к проблеме 99% – это показатель, к которому тяготеют итоги выборов. При этом подразумевается преимущественно Центральная Азия, хотя эта проблема свойственна и другим постсоветским странам, за исключением, пожалуй, Украины. Он отмечает: «Идеальный счет легитимного победителя – где-то 54:46. Он исторически соответствует политической классике и одновременно показывает заинтересованность избирателя в процессе и понимание избирателем сути вопроса. Ведь результат, близкий к 100, не только порочит политическую систему, но и показывает отсутствие в ней реального идейного выбора. Любое голосование в «политике 99» мотивировано всегда одним обывательским страхом: «Как бы чего не стало» [151, с. 174].

По поводу Алматы экспертами также выделялся и ряд других факторов. В первую очередь, информационная свобода в городе, определяющаяся широким спектром средств массовой информации, включая оппозиционные. Конечно же, играет свою роль и преимущественная концентрация в Алматы центральных офисов оппозиционных партий. Конкретно же в августовских выборах 2007 г. имели место также конкретные сезонные факторы, способствовавшие «непропорциональной представленности некоторых социально-стративных групп в массиве пришедших на голосование избирателей» [152].

Все эти высказывания очень хорошо характеризуют доминирующий общественный настрой respectable Алматы. Автор, безусловно, прав – как выразитель понимания сути проблемы среди класса выше среднего. Это нельзя признать научным подходом, скорее, публицистическим, когда высказывается собственное мнение, обрамленное некоторыми элементами научности. Это – очень полезный труд, который может подсказывать истинное развитие общественного

мнения. Алматинское сознание более критично, но оно не протестно. У него есть способы выхода не через девиацию. Такой способ, например, писательство, публичность.

Таким образом, по итогам политической реконструкции нишу доминантной партии занял «Нур Отан». Он сконцентрировал существенные ресурсы для электоральной мобилизации и выступает как единственная в Казахстане массовая партия. Фактически, партия приближается к тому периоду, когда может отделиться от административного ресурса и сыграть роль в качестве самостоятельного политического фактора.

4.4. Новые шаги в партийно-политической реконструкции

Выборы ускорили политические реформы, прописанные в рамках Основного закона страны. Но именно «общественная посадка» реформ является важным аспектом их эффективности.

Как отметил профессор С.Т. Сейдуманов на «круглом столе» в КИСИ при Президенте РК в мае 2007 г.: «Направления политической реформы, озвученные Президентом Н.А. Назарбаевым и активно поддержанные всеми парламентариями, органично вписываются в программу системной модернизации Казахстана. Достижение тех высоких целей, которые мы перед собой поставили, потребует дополнительной мобилизации усилий и во многом нового, неординарного отношения и подходов к делу со стороны всех органов и институтов власти, делового, научного и экспертного сообщества» [153, с. 28].

Нельзя сказать, что население приняло результаты выборов без тени смущения. Самостоятельный электоральный рейтинг партии в рамках поствыборной «осадки» составля-

ет в пределах 52,5%. Именно столько респондентов назвали итог выборов оправданным. Однако неоправданным его считают лишь 23%, остальные относятся к затруднившимся или неосведомленным.

Что касается разницы между выборным результатом и поствыборным, то она лежит в двух плоскостях.

Первая лежит в русле того, что львиная доля победы партии – это заслуга Президента Рк, его ресурса доверия со стороны населения. Бывший в то время спикером Мажилиса Парламента РК А.Е. Мусин сказал об этом так: «У нас образовался практически однопартийный Парламент. 88 процентов голосов, отданных избирателями в поддержку Народно-демократической партии «Нұр Отан», – это показатель единства казахстанского народа. Ресурс доверия власти и, прежде всего, Главе нашего государства» [154, с. 5].

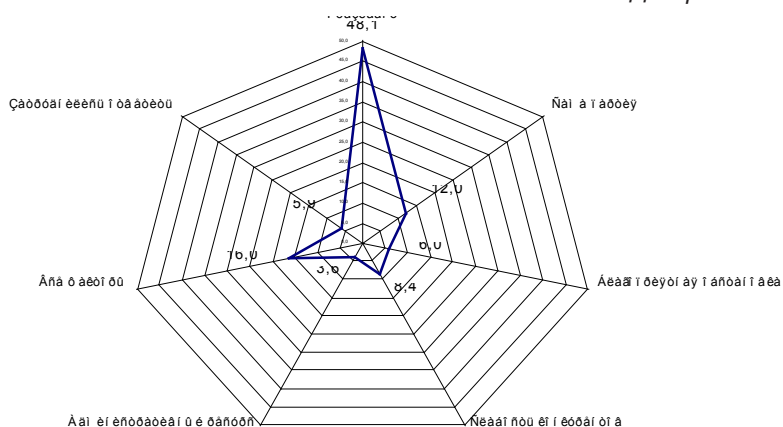
И казахстанцы сами это отмечают в ходе опроса. В частности, отвечая на вопрос анкеты: **«Что, с Вашей точки зрения, сказалось в наибольшей мере на том, что партия «Нұр Отан» одержала победу на выборах, получив более 88% голосов избирателей и став единственной партией, прошедшей в Парламент?»**, – исключительно фактор президента в победе «Нұр Отана» выделили 48,1% респондентов (диаграмма 21).

К этому числу можно добавить также и тех, кто высказывался за то, что все факторы сыграли свою роль в электоральном результате «Нұр Отана» и тогда получается, что суммарный показатель президентского влияния, по оценке респондентов, достигает 64%. При такой же процедуре подсчета значимость самостоятельной силы «Нұр Отана» составляет величину в пределах 28%.

Вторая связана с тем, что большинство населения все же придерживается той точки зрения, что победа партии «Нұр Отан», несмотря на ее 8-летний стаж работы, все же имеет

авансовый характер. Население поверило ее предвыборной платформе и сегодня ожидает ее выполнения. Партия «Нур Отан» ответственна перед президентом и перед населением. Партия обязана быть в эпицентре событий, оперативно реагировать, участвовать в общественно-политическом процессе, задействовать имеющиеся парламентские рычаги, чтобы отражать интересы и чаяния, поверившего ей электората.

Диаграмма 21

Факторы победы НДП «Нур Отан» на парламентских выборах 2007 г.

После выборов процесс политических реформ в Казахстане вошел в новую фазу, когда происходит свыкание с ними населения. Это, пожалуй, самый трудный этап. Каждый член политического сообщества может только сам индивидуально его преодолеть. Без трений, естественно, на этом этапе обойтись невозможно. Выражением того, что реформы еще не до конца освоены обществом, является то, что протестный электорат слабо институционализирован в партийном плане, а оппозиционные партии никак не могут вписаться в

набирающий обороты эшелон модернизации. Однако, здесь надо, понимать, что даже наиболее конкурентоспособной партии – «Нұр Отан» – отнюдь нелегко даются новая миссия и новые контексты. Перед ней еще стоят задачи накопления внутренних, содержательных ресурсов, более близкой, тесной и живой работы с общественными группами.

И в этом контексте стали возникать замечания по функционированию обновленной политической системы. Они лежали в русле критики как партийной системы, так и качества самого парламента.

Так, экс-депутат Мажилиса Парламента А. Айталы отмечает, что поддерживающих партию «Нұр Отан» Н.А. Назарбаева – множество, а вот говорящих, что поддерживают ее программу мало [155, с. 25].

Лидер партии «Әділет» М.С. Нарикбаев осенью 2007 г. на конференции по парламентаризму критически заметил: «Хотя по Конституции наша система многопартийная, по результатам выборов мы получили однопартийный Парламент... Многопартийность в обществе обязательно кристаллизуется в многопартийном парламенте. «Во многих странах эти понятия ... взаимосвязаны между собой. То есть, если даже партия не представлена в Парламенте, то существуют механизмы, посредством которых эта партия принимает активное участие в политической жизни страны» [156, с. 221–222].

Ранее с критически-скептическими оценками, в особенности, относительно возможности консервации парламента, высказался известный элитолог Д. Ашимбаев. Отчасти он признал, что новый парламент более сбалансирован по гендерному и по национальному признакам. Т. е., он стал более представительным. Он также отмечал, что «не следует переоценивать готовность парламента принимать на ура любые инновации исполнительной власти. Большинство высокопоставленных в прошлом депутатов – сложившиеся политики

и управленцы со своим видением тех или иных проблем и заведомо критичным отношением к наспех приготовленным реформам» [157, с. 7].

Однако, помимо политизированных замечаний, имелись высказывания с критикой в адрес качества законодательной работы парламента. Фактически, они указывают на то, что вместе с реформой не удалось в полной мере снять ту проблему, о которой мы сказали ранее – об экспертном сопровождении парламентской деятельности, укреплении квалификации представителей законодательной ветви власти.

Корифей казахстанской юридической науки С.З. Зиманов выделил целый ряд проблем, от которых парламенту необходимо было избавиться в постреформенный период:

1. Предоставление в парламент законопроектов без концепции.

2. Закономания. Речь идет о заметном стремлении регулировать в законах всякое необходимое, нужное отношение, которое с успехом может быть урегулировано в подзаконных актах.

3. Чрезмерное увлечение внесением изменений и дополнений. Часто – мелких, создающих нагромождения, не объясняющихся, тем самым наносится ущерб принципу стабильности, нарушается ясность и доступность законов для населения. Пример – Законы «О пенсионном обеспечении» или «О выборах». По последнему: «Я посчитал, 194 поправки, большие и малые, нужные и ненужные, это – восьмые по счету поправки, а закон-то принят в 1995 г., 12 лет тому назад» [158, с. 20-21].

Следует сказать, что замечания С.З. Зиманова были услышаны на самом верхнем уровне. Встречаясь с министром юстиции З.Я. Балиевой в начале 2008 г., Президент поручил проработать меры по повышению качества законотворческой работы.

Однако это была только часть проблемы. В целом необходимо было произвести определенные коррекционные действия на уровне системы. В пользу этого стал работать и внешний фактор, поскольку Казахстану как раз в ноябре 2007 г. удалось прорваться на пост председателя ОБСЕ, хотя и с более поздним сроком – в 2010 г.

Таким вот образом вызревали основания для новых трансформаций партийной системы.

Обычно для классификации партий используется количественный критерий по континууму: многопартийность-однопартийность. По Дж. Сартори, имеется 7 типов партийных систем, главным критерием дифференциации которых выступает числовой признак – от однопартийной до атомизированной. Но есть также другая концепция по Дж. Ла Полломба и М. Вейнеру, когда имеются либо конкурентные, либо неконкурентные системы партий [159, с. 179–180].

В Казахстане с выборами 2007 г. была предпринята попытка взять за основу модель «простой конкуренции», т. е. без дополнительных страховок и гарантий со стороны государства для партийных меньшинств. На это ориентировалась политическая система еще в рамках периода принятия Конституции в 1995 г. Политолог Е.Ж. Бабакумаров отмечал: «Перспектива видится в том, чтобы между партиями возникла «гетерогенная» конкурентность, при которой каждая партия имеет «свой» электорат и будет выступать с программой, отражающей в максимальной степени интересы своей социальной группы, слоя, класса» [160, с. 190].

Однако конкурентная модель в условиях транзитного социума не сработала. Обозначился тренд перехода к полупартийной системе. Ключевое отличие полупартийной системы от однопартийной: «господствующая партия поддерживает и удерживает гегемонистское положение благодаря многочисленности и распыленности своих противни-

ков» [161, с. 15]. То есть, для власти важно было добиться не партийной эксклюзии, а доминанты, что не обязательно исключает из парламента остальные партии.

В итоге все-таки был взят курс на формирование системы с более выраженным свойством двухпартийности.

Так, политолог А. Лейпхарт пришел к выводу, что системы с ограниченным числом партий или, как у М. Дюверже, с «ограниченным плюрализмом», чаще всего, двухпартийные, лучше справляются с функциями консолидации и сохранения политической стабильности в обществе, чем неограниченно многопартийные. Причем «ограниченный плюрализм» особенно необходим многосоставным обществам [162, с. 220–221].

Эту ситуацию в принципе предвидели одновременно два политолога, еще в 1999 г. Профессор С.А. Дьяченко отмечал: «...Будет происходить постепенный «самоотбор» партий, и их количество может сократиться через несколько лет. В тандеме с процессом укрупнения это приведет к тому, что в Казахстане, в конце концов, сложится двухпартийная система, либо многопартийность с доминирующей ролью двух-трех партий» [163, с. 31].

Профессор Е.К. Ертусбаев приводил высказывания А. Линкольна: «Ну а что касается проблем, связанных с оптимальным количеством партий в обществе, то уместно вспомнить высказывания американского президента А. Линкольна... видный американский политик всегда отвечал таким образом: 2/1/2 партии. Одна – у власти, другая – в оппозиции и третья – нарождающаяся» [67, с. 38].

Следует сказать, что прецедент перехода от полупартийности к двухпартийности также имеется. Индия на этапе модернизационного скачка также была многопартийной с доминирующей партией, но затем совершила переход к двухпартийности [164, с. 65].

Та партийная структура, которую мы имеем сейчас, при всех ее плюсах или минусах – это отнюдь не результат политических технологий, вернее не только их, но в целом той социальной почвы, на которой взращиваются все политические преобразования.

При этом могут происходить, на первый взгляд, даже парадоксальные вещи, которые трудно объяснить без понимания структуры политического сознания казахстанцев. Такой пример. На фоне оптимизации партийного пространства с 16 до 10 партий, доля партийного населения, наоборот, возрастает: с 0,25 млн. чел. (3% от числа избирателей) – до 1,3 млн. чел. (15% от численности избирателей в стране).

Теперь естественным образом встает вопрос, как партийно-политическое развитие Казахстана пойдет дальше? Для этого необходимо привлечение экспертных оценок включения базовых инструментов конструирования партийного процесса, а также результатов массовых опросов.

Существует конкретная формула (правило Гиббса), по которой вычисляется оптимальность существующей партийной системы: $N=2+n-g$. Здесь: n – общее число наиболее значительных политических групп в общественной системе; g – число основных, наиболее крупных социальных слоев или классов. В стабильных и управляемых обществах сумма показателей должна быть равна 2, когда один показатель свободно меняющегося параметра общественного состояния уравнивается влиянием стабильности и порядка государства. Например, в обществе существует три класса (богатые, средние и бедные). Для такой системы нужны две партии плюс неприсоединившиеся. Тогда будет найден искомый баланс. В СССР при двух основных классах (рабочие и крестьяне) существовала одна партия, однако есть учесть неформальные движения, искомый баланс был [165, с. 24].

Таким образом, для трехсоставных обществ подходит двухпартийная или двухблоковая система, как в Германии. Однопартийная система подходит для двухсоставных обществ. Если говорить о Казахстане, то здесь имеется сложность в поляризации между богатыми и бедными, слабости среднего класса. Соответственно, основных экономических групп всего две. Однако политическое сознание расщеплено по пяти основным группам: социал-демократическое, либерально-демократическое, национал-патриотическое, право-авторитарное и консервативное. Получается в итоге одна политическая партия, обеспечивающая принудительный консенсус, богатых с бедными, мягче сказать, со средними слоями, но которая очень инертна – из-за слабого спроса на политическую активность со стороны доминирующего консервативного ядра. Чтобы оправдать свое существование, партии достаточно придерживаться имитационной модели.

Однако теперь встает вопрос о парламентской демократии. Согласно опросу за июнь 2011 г., лишь 7,2% опрошенных поддержали однопартийную и полуторпартийную системы. Также на уровне до 24% находит поддержку двухпартийность и иные ее вариации.

Единственным вариантом остается многопартийность по модели ограниченного плюрализма. Полную многопартийность поддерживают всего 5,5% респондентов. 45,8% опрошенных или фактически каждый второй – за то, чтобы в стране была умеренная многопартийность, при которой несколько партий могли бы на равных конкурировать за места в парламенте (табл. 13).

В этой связи, умеренные политические реформы, проведенные властью для обеспечения гарантий входа в парламент второй партии, поддержаны большинством респондентов – 66%. 33,4% опрошенных полностью одобрили принятые законодательные гарантии, чтобы после выборов в парламент

могли пройти не менее 2-х партий, 32,6% – скорее поддержали, чем не поддержали (табл. 14).

Таблица 13

Какая партийная система, с Вашей точки зрения, наиболее приемлема для Казахстана на сегодняшнем этапе развития?

%

Система умеренной многопартийности (несколько партий (5-7), способных конкурировать за места в парламенте)	45,8
Система неограниченного плюрализма (множество различных партий по принципу: чем больше партий, тем больше плюрализма)	5,5
Двухпартийная (правящая и оппозиционная партии)	10,0
Система «две с половиной» (две равнозначные партии и одна более слабая, но от союзничества с которой зависит перевес одной из первых двух)	14,4
Полупартийная система (одна доминирующая партия и несколько средних партий, заключающих временные или постоянные союзы с основной партией)	3,6
Однопартийная система	3,6
Затруднились ответить	17,1

Таблица 14

Одобряете ли Вы то, что в Казахстане приняты законодательные гарантии, что после выборов в Парламент может пройти не менее двух партий?

%

Одобряю	33,4
Скорее, одобряю	32,6
Скорее, не одобряю	7,9
Не одобряю	6,6
Затрудняюсь ответить	19,5

Против нововведений выступили 16,5% опрошенных, в том числе, резко против – 6,6%. Каждый пятый респондент воздержался от ответа.

Поскольку в парламенте сегодня действует фактически только одна партия – «Нур Отан», респондентам был задан вопрос, кого бы они еще хотели видеть в законодательном органе страны. Как оказалось, действующие партии мало привлекают респондентов. Относительно большими шансами наделен только ДПК «Ак жол», в пользу которого высказались 20,2% респондентов. По этому показателю «Ак жол» примерно вдвое превосходит партию Патриотов и партию «Ауыл», в 3 раза – радикалов из ОСДП «Азат», в 6 раз – партии «Адилет» и «Руханият».

Вместе с тем, до 40% респондентов высказались в пользу того, чтобы возникла новая партия со свежими идеями и целями. Действующие партии не отвечают ожиданиям респондентов и потому они не способны в полной мере решить проблему аккумуляции и канализации протестного потенциала.

Каждый пятый респондент не стал отмечать партии, причем каждый десятый сказал, что лучше однопартийного парламента ничего не существует.

Таблица 15

**Какую партию Вы бы хотели видеть
в Парламенте, помимо НДП «Нур Отан»?**

%

Новую партию, которая бы принесла свежие идеи, альтернативны	39,3
Партию «Ак жол» А. Байменова	20,2
Партию патриотов Г. Касымова	9,9
Партию зеленых М. Елеусизова	7,6
Партию «Әділет» или юристов от М. Нарикбаева	3,9
Партию «Руханият»	3,8
Партию «Ауыл» Г. Калиева	10,0
Партию ОСДП от Ж. Туякбая и Б. Абилова	7,5

Продолжение таблицы 15

Считаю, что Парламент должен быть однопартийным	10,6
Ни одну из этих партий, они ничего не решают	1,2
Затрудняюсь ответить	19,8
Только «Нур Отан»	0,2
Коммунистическая партия Казахстана	0,1
Алга	0,2
Другое	0,2

С целью выявления электоральных настроений респондентам был задан прямой вопрос: «За кого они могли бы проголосовать, если парламентские выборы состоялись уже в ближайшее воскресенье?»

При первом выборе первое место заняла НДП «Нур Отан» – 64,3%. Конкуренцию ей никто оказать не сможет. Партия «Ак жол» может получить только 4,7% голосов. На 1,4% от нее отстает ОСДП «Азат» – 3,3%.

Вообще в этих условиях любая из казахстанских партий может сыграть роль второй, поскольку разрыв между ними – незначительный (табл. 16).

Таблица 16

**Если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье,
за какую из партий Вы бы проголосовали?
В случае, если та партия, которую Вы указали,
не примет участия в выборах, какую из нижеперечисленных
Вы предпочтете избрать?**

%

	1 выбор	2 выбор
Демократическая партия «Әділет»	1,1	3,0
Партия Патриотов Казахстана	2,5	4,2
ОСДП «Азат»	3,3	2,8
Народно-демократическая партия «Нур Отан»	64,3	10,8

Продолжение таблицы 16

	1 выбор	2 выбор
Коммунистическая народная партия Казахстана	0,8	2,9
Коммунистическая партия Казахстана	0,3	2,2
Демократическая партия Казахстана «Ақ жол»	4,7	12,9
Казахстанская социал-демократическая партия «Ауыл»	1,8	4,1
Партия «Руханият»	0,6	1,2
Ни за одну из перечисленных, против всех	9,0	29,4
Затрудняюсь ответить	11,6	26,5

Таким образом, будущее политической системы находится исключительно в руках Президента РК. Население очень консервативно. Однако партийный механизм и диверсификация партийного поля по тем лекалам, которые задумываются Главой государства, очень нужны для дальнейшего политического прогресса в Казахстане. Это тем более актуально в условиях неоднозначных процессов в экономике.

Партии – очень хороший механизм снятия социальной напряженности. Но, чтобы они стали таковыми, необходимы хорошие инструменты удержания их в системном поле, подчинение единой стратегии развития страны. Такого рода гарантий относительно большинства существующих партий, кроме «Нур Отана», наверное, сделать очень трудно. Поэтому период созревания предпосылок новой конкурентной модели, когда в парламенте будут сосуществовать, по крайней мере, две партии, откладывается до следующих парламентских выборов. Однако предпосылки для раскрепощения партийно-политической системы начались до этого периода.

Глава государства выступая на 17-й ежегодной сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ 29 июня 2008 г., напрямую затронул тематику политических партий. Фактически они составили ядро внутривнутриполитических установок Президента РК в контексте продвижения Казахстана к стандартам ОБСЕ. Речь идет о формировании механизмов представительства в парламенте не менее двух политических партий и упрощения процедур их государственной регистрации [166, с. 2].

Президент подтвердил все сказанное на форуме ОБСЕ в практическом ключе на открытии второй сессии парламента 4-го созыва 2 сентября 2008 г. Было четко сформулировано, что эксклюзивное положение партии «Нұр Отан» в парламенте является следствием волеизъявления народа. Мнение казахстанцев необходимо уважать, как и важно придерживаться правовых норм. Внеочередных, досрочных выборов в Парламент не будет. Они пройдут, как положено, в 2012 г. Вместе с тем, парламентариям было предложено предусмотреть создание механизма, при котором в парламенте в обязательном порядке должно быть не менее двух политических партий. Также была высказана потребность в создании благоприятного климата для госрегистрации партий, а также их участия в выборах [167, с. 2].

Таким образом, все основные точки следования магистрали дальнейшего развития партийной системы промаркированы. Казахстанская полупартийность продолжает закрепляться, перерастая в новое состояние. В ситуации выборов 2007 г. все политические партии были выпущены в поле «элементарной конкуренции», т. е. без предоставления каких-либо гарантий или политико-правовых субсидий для аутсайдеров. Это коррелировало с доминирующей тогда идеей конкурентоспособности, которая достаточно ясно была изложена в Послании 2006 г.

Это – та идея, которая хорошо прозвучала, но не была до конца понята в политическом секторе, среди политических партий. Разворот 2008 г. обозначил качественно новые мотивы, когда государство обратилось к тематике человеческого капитала. Соответственно, это требует больше либерализма, большей мягкости, большего государственно-регулирующего момента в политическом процессе.

Тем не менее, партийная структура в Казахстане устоялась. Возврата к атомизированной партийности ранних лет не произойдет. Таким образом, Казахстан твердо встал на новый этап политического развития, который берет начало с конституционной реформы 2007 г. которая была обращена, в первую очередь, на партии и подняла их на качественно новый уровень развития, когда они становятся более зависимыми от выборов, но имеют больше представительских возможностей. Сам по себе механизм Государственной комиссии по разработке и конкретизации демократических реформ, которая и готовила эту реформу, способствовал укреплению партийного института [168, с. 41–42].

В конце 2008 г. в партийно-политическом строительстве был предпринят новый шаг.

В 2007 г. страна переступила важный порог конституционной реформы. Во многом содержащиеся в ней изменения имеют отложенный эффект, т. е. ориентированы на молодое поколение. Молодежь выступает как главный бенефициарий, правопреемник новой политической системы.

Теперь сделан новый шаг на пути реконструкции политической системы – приняты поправки в Законы «О политических партиях», «О выборах», «О СМИ».

Принятые поправки – это качественно новый шаг в реализации конституционных достижений 2007 г. Именно преодоление такого важного рубежного этапа, как принятие стратегических поправок в Конституцию, потребовало тогда

проведения внеочередных выборов. Они стали своеобразным замещением референдума, который может проводиться, а может, и нет, согласно Конституции.

В рамках первого раунда, т. е. приблизительно летом-зимой 2007 г., в целом была приведена в соответствие с обновленной Конституцией существующая нормативно-правовая база. Однако по Законам «О выборах», «О партиях», «О СМИ», в силу их особой общественной чувствительности, был взят тайм-аут для обсуждений. Принятие решений по ним осуществляется теперь – в новом раунде реформ. Это характерно для Казахстана, где перед принятием важных конституционных или политических решений всегда организуется масштабный общественный диалог. Так это было в рамках ПДС, НКВД, наконец, Госкомиссии по разработке и конкретизации программы демократических реформ.

Казахстан последовательно разрабатывает собственную лоцию политического развития. В реформах он не идет на поводу опыта зарубежных стран. Например, в своем первом Послании к Федеральному собранию в ноябре 2010 г. президент РФ Д. Медведев заявил о необходимости увеличения сроков полномочий главы государства с 4 до 6 лет. Это лежит в русле укрепления управляемости страны, вертикали управления, на вершине которой – президент. В нашей же стране в 2007 г. мы сделали наоборот – уменьшили срок правления с 7 до 5 лет, но сохранили эксклюзивию Первого Президента, выступающего ведущим страновым преимуществом Казахстана. Казахстан здесь более последователен, так как движется в направлении либерализации.

Состояние политических партий является важнейшим индикатором демократического процесса. В 2007 г. конкурентная модель партийных отношений не сработала. Оппозиционные и конструктивные партии не выдержали прямого электорального столкновения с доминантной партией, что

оказало деформирующее воздействие на политическую систему, сам парламент. В результате были включены новые страховочные механизмы, своеобразный «субсидиарный режим», когда государство гарантирует партии номер два участие в распределении парламентских мест, даже, если она не сумеет преодолеть 7%-ный барьер.

Статья 97-1 Закона «О выборах» дополнена пунктом 1-1, согласно которому, к распределению депутатских мандатов допускается не только партия, которая набрала 7 и более процентов, но и та, которая следует сразу же за нею. Методика расчетов проста – она исходит из первого избирательного частного [169, с. 153–224].

Если брать пример прошедших парламентских выборов 2007 г., тогда этими партиями могли стать НДП «Нұр Отан», набравшая 88,05% голосов и ОСДП – 4,62%. Учитывая сумму голосов избирателей, отданных за них на выборах (5445,5 тыс. чел.), – первое избирательное частное или квота будет составлять 55 тыс. человек. Это – «цена» одного места в мажоритисе парламента. Тогда получается, что «Нұр Отану» должно отойти 94 места, а ОСДП – 5.

На такое изменение «розы астанинских ветров» некоторые партии отреагировали сразу. В первую очередь, это сделала партия «Әділет», которая привлекла в свои ряды известного общественного деятеля С. Абдрахманова. По данным соцопросов, порядка 18% респондентов заявляют, что знают партию «Әділет». По данному показателю она – на пятом месте, но все же опережает ОСДП, имеющую формальный статус «второй партии», исходя из результатов парламентской электоральной кампании прошлого г. (14%).

Если же говорить о прямых электоральных рейтингах, выявляемых по результатам массовых опросов, то на роль «второй партии» в Казахстане может претендовать партия «Ақ жол», за которую готовы проголосовать около 5% и которую

знают более 50% опрошенных. В свою очередь, по уровню известности, например, партия «Ауыл» – свыше 28% – опережает как ОСДП, так и «Әділет».

Новыми поправками в партийное законодательство снижаются барьеры для официальной регистрации политических партий. По большому счету, информационное пространство и эксперты в этом отношении стали заложниками цифры «50 тыс.». Именно столько подписей необходимо было собрать партиям, чтобы получить официальную регистрацию.

В реальном же измерении особой проблемы планка, поставленная в 2002 г., для партийной структуры Казахстана не создала. На фоне оптимизации партийного пространства с 16 до 10 партий, доля партийного населения возрастает с 0,25 млн. чел. (3% от числа избирателей) до 1,3 млн. чел. (15% от численности избирателей в стране).

Кроме того, по данным опросов, население с присущим ему консерватизмом крайне сдержанно относится к новациям в политической системе. Например, по возможности сокращения требования «50 тыс.» почти 68% экспертов и 77% населения высказались неодобрительно. При этом в пользу такого решения высказалось в общей сложности 28% экспертов и 8,5% населения.

Если говорить конкретно о Законе «О политических партиях», то в нем принимается свыше 25 поправок, которые затрагивают шесть наиболее существенных сфер деятельности казахстанских партий.

1. Упрощается процедура регистрации политических партий.

Помимо сокращения на 10% числа необходимых подписей для регистрации партий, также на 15% уменьшено минимальное требование по численности членов в регионах. Теперь здесь параметры: 40 тыс. и 600 человек.

2. На законодательном уровне теперь четко определены возможности отказа в регистрации партии на основании нарушений в списках ее членов.

Ранее даже формальные ошибки могли стать поводом для возвращения документов и блокирования официальной регистрации партий. Теперь, если общее количество достоверных подписей, поданных за партию достигает минимального установленного порога в 40 тыс., партия будет зарегистрирована.

3. Новое законодательство четче регламентирует вопросы создания политических партий, что упрощает данную процедуру, исключает возможность различного толкования норм закона.

В частности, значительный блок дополнений касается деятельности организационного комитета по созданию партий. Этот орган должен стать главным в обеспечении связей с государственными регистрационными инстанциями в период создания партии.

Причем, детализирована норма, касающаяся обязательства регистрирующего госоргана принять решение о регистрации, или, соответственно, об отказе, если основания для прерывания госрегистрации партии были устранены.

4. Новая версия закона строже защищает наименования и символику общественных организаций.

Теперь политические партии не имеют права использовать названия или символику не только госорганов, действующих и ликвидированных партий, но также и общественных объединений.

5. Более четко определен регламент процесса партийных преобразований.

В законе прописано, как должны происходить реорганизация, объединение, разделение, т. е. преобразование политических партий.

6. В новом законе введены нормы, направленные на более эффективную защиту общественной и национальной безопасности.

Четко прописано, что партии не должны получать пожертвования от граждан или организаций, получающих гранты и иные средства от международных или иностранных НПО. К сожалению, имеются примеры, в том числе в ряде стран СНГ, когда активное влияние на развитие политических процессов оказывают какие-то зарубежные центры. Фактически, это приводит к утрате суверенитета страны. Это – уже вопрос национальной безопасности.

Помимо этого, в выборном законодательстве был принят ряд изменений, которые затрагивают гарантии интересов участников избирательных кампаний.

Так, п. 7 ст. 27 новой версии Закона «О выборах» обязывает СМИ распространять информацию о мероприятиях по выдвижению всех кандидатов и партийных списков, их регистрации избирательными комиссиями в равных объемах печатной площади и эфирного времени.

Упрощается процедура формирования предвыборных команд или избирательных штабов кандидатов. Так, согласно подпункту 8) статьи 12, функция регистрации доверенных лиц кандидатов в президенты, согласно вносимым поправкам, передается территориальным избирательным комиссиям.

Также теперь кандидаты могут не проходить сложную процедуру внесения и возврата своих избирательных взносов через Центральную избирательную комиссию. Согласно новой редакции части второй пункта 1 статьи 104, это можно будет сделать через местный исполнительный орган.

В обязанности ЦИК теперь вменяется организация разъяснения законодательства о выборах, проведение семинаров по вопросам организации и проведению выборов – как

с представителями партий, так и другими участниками избирательного процесса. Введение такого подпункта в ст. 12 Закона «О выборах» логично.

Выборное законодательство серьезно изменилось не только в отдельных нормах, но и по нормативно-правовому духу. Вместе с тем, инерция сознания оставляет преимущественно «старую» законодательную «картинку», что сдерживает как практическое применение законодательства, так и развитие политического имиджа избирательной системы.

Помимо этого, ЦИК получил практическую функцию – обеспечивать более четкий контроль за механизмом открепительных талонов. Население в Казахстане очень подвижно, и потому данное направление вскрывает очень большой пласт организационных работ.

Таким образом, процесс реконструкции партийно-политической системы в Казахстане – продолжается. В этом деле власть проявляет последовательность и не допускает отката назад, равно как и не приостанавливает реформы. Все движется своим чередом.

В стране сохраняются основы для многопартийности. Учитывая результаты парламентских выборов 2007 г., государство предприняло определенные меры для протекции партий второго эшелона. Теперь они получили гарантии участия в деятельности Парламента, получения депутатских мандатов, если сумеют занять хотя бы второе место на выборах.

В Казахстане укрепляется избирательная инфраструктура, вводятся новые гарантии прав – как для членов избирательных комиссий, так и для участников избирательного процесса, включая кандидатов и наблюдателей. В партийной системе выборное законодательство фактически мотивирует бипартийную эволюцию Казахстана. На этом фоне эффективность и легитимность избирательной системы в стране

должны повиситься. На этой главной функции и должен теперь сконцентрироваться ЦИК, сняв с себя некоторые непрофильные функции.

В целом принятые поправки в законодательство умеренно раскрепощают политическую сферу. За государством остается достаточно рычагов недопущения радикализации партий, возникновения новых партий, ориентированных на дестабилизацию общества. Другими словами, закон в отношении партий стал более сбалансированным. В нем учтены как вопросы политической безопасности, так и потребности дальнейшей либерализации партийно-политических отношений в нашей стране.

Подытоживая данный раздел, следует привести высказывание Президента РК на открытии 5-й сессии Парламента 4 созыва 1 сентября 2011 г. «Пятая сессия Парламента – заключительная для первого в нашей истории партийного состава Мажилиса. Хочу поблагодарить депутатов фракции партии «Нур Отан» – политического ядра Парламента четвертого созыва. Своей работой партия создала высокую планку парламентской деятельности. Это – пример огромной ответственности перед избирателями для всех партий Казахстана. После следующих выборов, в соответствии с законом, Мажилис будет, как минимум, двухпартийным. Начнется новый этап в развитии нашей молодой демократии».

Политическая модернизация не завершена. Реформы будут продолжены.

5. КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ

У казахстанской идеологии имеется четыре фундаментальных основы: сильный Лидер нации, настроенное на успех общественное сознание, социальная политика и партийно-политическая инфраструктура. Все это способствовало выработке идеологии. Чаще об этом говорят как о выборе собственной модели развития.

5.1. Роль президентских Посланий в формировании идеологии

Идеология формировалась через ежегодные Послания и иные выступления Президента РК.

В принципе, практика обращений Президента с Посланием берет свое начало с момента, как был учрежден этот пост. Первое Послание датируется еще маем 1990 г. [170], но до 1995 г. оно адресовалось Верховному совету [171]. Напрямую к народу Президент обращался только по экстренному случаю, в связи с ГКЧП в августе 1991 г. и затем уже после обретения независимости в январе 1992 г.

Сквозная практика ежегодных Посланий Президента к народу вводится с 1995 г., когда новой Конституцией это было вменено в обязанность Главы государства.

Первое такое Послание Президента относится к октябрю 1996 г. оно имело традиционное название «О положении страны и основных направлениях внутренней и внешней политики на 1997 год» [172].

Однако наиболее запоминающимся стало второе по счету Послание Президента «Стратегия развития Казахстана до 2030 г.», озвученное в октябре 1997 г. [173]. С него обычно берется отсчет Посланий вообще, так как оно даже несколько затмило значение первого Послания.

В 2001 г. Послание впервые читалось весной, а не осенью, что существенно повысило его влияние на бюджетный процесс. В этом же г. был принят 10-летний план реализации Стратегии «Казахстан-2030». С 2004 г. практикуется принятие общенационального плана, в котором отражаются поручения Президента, высказанные в Послании текущего г. и предыдущих. С 2002 г. прекращается практика объявления каждый год определенной тематики политического курса. Было объявлено «Трехлетие аулов».

Каждое послание, начиная со Стратегии «Казахстан-2030», помимо фундаментальной, макрополитической части, обязательно содержит практический блок. В нем отражаются предельно конкретные поручения для госорганов. Наиболее выразительно это видно в Послании 2006 г. В нем практические меры отдельно выделялись в качестве блока после каждого раздела.

Всего на 2011 г. насчитывалось 16 президентских Посланий. Послания за 1996 и 1997 гг. были зачитаны в Алматы. Начиная с 1998 г., с переносом столицы, они читаются в Астане.

Послания в большинстве своем зачитывались в полном объеме Президентом РК в Парламенте. В 1998 г. в дополнение к Посланию раздавался доклад о реализации Стратегии «Казахстан-2030», в 2007 г. имелись две части Послания, первая из которых зачитывалась, а вторая была только в письменном виде.

Послания транслируются в прямом эфире по шести телеканалам и на Казахском радио. Повтор Посланий обычно дается в вечернее время на республиканских телеканалах после блока новостей – преимущественно в 21.00–22.00 час.

Текст Послания публикуется в печати на следующий день. Русскоязычная версия – в газете «Казахстанская правда», казахскоязычная – в «Егемен Қазақстан». Послание ти-

ражируется в областных и районных официальных газетах. Отдельной брошюрой Послание издается Администрацией Президента. В течение месяца по Посланию готовятся соответствующие методические рекомендации, а с 2004 г. – отдельный общенациональный План, который находится на контроле у Администрации Президента. В План включаются как поручения Президента в рамках текущего Послания, так и неисполненные из прошлых Посланий.

В мультимедийном формате Послания Президента размещаются на сайте «Акорда», с момента его оформления в 2005 г. С 2005 г. Послания Президента можно просмотреть в формате видеозаписи, с 2002 г. – аудиозаписи.

С 2006 г. перед Посланием играет новый гимн – «Менің елім», когда все присутствующие встают и прикладывают правую руку к левой стороне, в области сердца, демонстрируя свое почтение к государственному гимну и патриотические чувства.

Вплоть до начала и первой третьей части Послания в зале преобладает торжественная, отчасти напряженная обстановка. Вместе с тем, с середины Послания и при его окончовке напряжение в зале спадает. Президент может позволить себе отступления от текста, вставление своих высказываний или мыслей.

Обстановка окончательно смягчается после того, как Президент, закончив речь, спускается по традиции в зал и здоровается с парламентариями, выслушивает их поздравления или высказывания.

Следует сказать, что традиция спускаться в зал к депутатам у Главы государства существует с 1991 г. Он фактически неотступно ее придерживается. Вот как ее описывает доктор политических наук Е.К. Ертъсбаев, написавший специальный труд по личности Н.А. Назарбаева. «У него была такая метода: он из президиума быстро спускался в зал и, собирая

толпы депутатов, беседовал на самые различные темы. Назарбаев намеренно заострял те или иные злободневные проблемы, пытливо всматриваясь в лица депутатов и терпеливо выслушивая их жалобы, советы, рекомендации, переваривая не всегда приятную информацию» [174, с. 9].

В принципе, уже начиная с Послания 1997 г., Президент старается использовать неологизмы, яркие красочные слова, которые сделали бы текст Послания запоминающимся, броским. То есть, само по себе Послание проходит технологическую обработку как имиджевый документ.

Стратегия «Казахстан-2030» являлась очень важным пробным шагом отечественной имиджмейкерской школы. В наибольшей степени она отличалась множеством использованных пословиц, поговорок, крылатых выражений. Использовались также красивые слова и обороты. В частности, такие, как бесценный капитал, «золотой ключик», трансформировать массовое сознание, «хирургическими» методами, миссия Казахстана, Центральноазиатский Барс, не снята угроза раскола мира на блоки и союзы, «демографический крест», «белые и синие воротнички, окончательная «доводка», мультимодульные терминалы, человеческий капитал. По сути, Послание 1997 г. задало тон в привлечении аппарата современного политического словаря.

С 2004 г. несущее смысловое слово Послания было вынесено в его название. Конкурентоспособность стала сквозным понятием, пронизывающим практически все дальнейшие обращения Президента к нации. В 2006 г. была выдвинута Стратегия вхождения Казахстана в число наиболее конкурентоспособных стран. Причем выдвижение на уровень общенационального Послания рейтинговой позиции государства означало приход качественно нового подхода в оценке эффективности развития страны. Чтобы видеть себя в современном мире, мы должны сравниваться с другими странами.

В подготовке Послания участвует Правительство и все ключевые министерства и ведомства. Правительство преимущественно готовит социально-экономический блок, Администрация Президента отвечает за внутривластическую и внешнеполитическую части, идеологию, наконец, «доводку» Послания «под ключ».

Среди лучших фраз Президента в Посланиях можно назвать:

1997 г.: «Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев – вот ключевые слова, которыми следует охарактеризовать Казахстан, который мы все хотим построить».

1998 г.: «В этот исторический день я предлагаю вам программу демократизации и политических реформ, которая станет новой точкой отсчета в нашей национальной истории».

1999 г.: «Блуждающий характер» ближайшей истории заставляет нас с особым вниманием отнестись к проблемам собственной безопасности».

2000 г.: «Порой приходится повторять очевидное, но истина состоит в том, что Казахстан был, есть и будет самым стабильным и безопасным государством в регионе, и мы твердо держим руку на пульсе».

2001 г.: «Построение Казахстана, базирующегося на прочном фундаменте политической и социальной справедливости, экономической свободы, страны, в которой будет господствовать сила Закона».

2002 г.: «Единство, межнациональное согласие и политическая стабильность – это главное, чего хочет наш народ. Я это знаю».

2003 г.: «Мне выпала честь объявить о крупнейших в нашей новейшей истории повышениях социальных расходов, которые мы начнем уже скоро и которые затронут каждого казахстанца и каждую семью».

2004 г.: «Мы уже доказали, что Казахстан готов к великим свершениям, а казахстанцы способны их осуществить».

2005 г.: «Мы всегда помнили, что демократия – это наша цель, а не начало пути. Мы знали, что демократию невозможно внедрить декретом, ее надо выстрадать».

2006 г.: «Одна из причин наших заблуждений – в том, что либерализм власти воспринимается упрощенно, как ее слабость и неспособность наложить вето на те или иные «шалости» и «капризы» своевольных честолюбцев. Нам надо избавляться от иллюзий и заблуждений».

2007 г.: «Всё это создаёт фундамент нового общеказахстанского патриотизма, обоснованной гордости и уверенности в том, что у нашего Отечества, у всего нашего многонационального и многоконфессионального общества, у наших детей – прекрасные перспективы».

2008 г.: «Постоянное улучшение социального самочувствия казахстанцев, всех слоев и социальных групп казахстанского общества, является и будет оставаться на первом плане государственной политики».

2009 г.: «Сегодняшние проблемы и то, как мы с ними справляемся, – это экзамен на зрелость и устойчивость нашего общества и государства. Думаю, что мы этот экзамен выдержим. Нам предстоит войти в новый этап своего развития и преумножить наши достижения. Уверен, что мы справимся».

2010 г.: «Мы вместе смогли сделать Казахстан преуспевающим и вместе мы сможем сделать его процветающим».

2011 г.: «20 лет мира и созидания».

Каждое Послание Президента несет в себе один ведущий, магистральный месседж. Обычно информация в обращениях Главы государства подается обильная. По ней можно определить общую картину того, чем живет страна в социально-экономическом и политическом отношении. Но, чтобы понять Послание, нужно ухватить его главную идею.

Антикризисное Послание Президента за 2009 г. стало главным сигналом для общества о важности перестройки, реконструкции своей жизни с учетом глобальных трендов. Теперь необходима коренная перестройка не только сознания, но и жизненных практик. Казахстанцы должны принять активный код социального поведения и выстраивать многоярусную, многоэшелонную систему собственной социальной обороны и иммунитета. Что это означает в практическом плане? Президент об этом ясно говорит в своем новом Послании. Нашему населению надо учиться, в мире люди учатся всю жизнь. Сегодняшние проблемы и как мы с ними справляемся, являются экзаменом на зрелость. Необходимо взяться за осуществление антикризисных мер, проявить трудолюбие и напористость, быть бережливыми и заботиться о тех, кто нуждается в помощи.

Другими словами, каждый казахстанец должен перестроить свою жизнь, как говорят социологи, скорректировать габитус в антикризисном режиме. Необходимо браться за любую работу, чтобы она несла пользу семье и Казахстану в целом. Если надо, то придется «затянуть пояса». Может, придется ограничить свой бюджет свободного времени, чтобы взять дополнительную работу, предпринять усилия, чтобы сделать свой индивидуальный прорыв из кризиса.

У казахов есть удивительная поговорка: «Жыламайтың балаға – ірімшік жоқ». Она означает, что нужно не ждать улучшений извне, что кто-то решит наши проблемы за нас. Необходимо самим активно реконструировать социальную реальность.

Многое зависит от того, насколько общество сумеет отозваться на такие месседжи Президента и стать основной частью его антикризисной команды. Социологические данные показывают, что население проявляет уникальное свойство – терпеливо переносить невзгг., искать различные, в том

числе, асимметричные пути выхода из сложных ситуаций. Поэтому-то Казахстан всегда и отличался стабильностью в политике, межэтническим и межконфессиональным согласием. Это – базовые преимущества Казахстана, которые, как никогда, пригодятся сегодня. В этом и заключается, на наш взгляд, основной смысл нового Послания Главы государства.

Послание Президента *от 29 января 2010 г. «Новое десятилетие – новый экономический подъем – новые возможности Казахстана»* представляет собой качественно новую модель обращения лидера нации к народу. Президент неоднократно отходил от заранее подготовленного текста, что говорит о его высоком ораторском мастерстве и накопленном профессиональном ресурсе. По всему видно, что он душой болеет за Казахстан и выкладывается на всю мощь в рамках обращения к народу.

Чувствуется, что Послание адаптировано к общественным запросам. Это – естественно, хотя бы по двум причинам. В 2009 г. Послание выступало как «дорожная карта» для антикризисной программы Правительства. Ключевым месседжем тогда стала мобилизация и «затягивание поясов». Теперь система вознаграждает за усилия, упорство и терпение. Долгожданное повышение зарплат бюджетников, вокруг которого было сломано множество копий, произойдет раньше, чем ожидалось.

Вторая причина, по которой Послание было пропитано социальными мотивами – это то, что оно подготовлено на волне работы проведенной госорганами по итогам «Прямой линии» Президента от 13 ноября 2009 г. Фактически, та прямая линия стала своеобразным срезом как общественного мнения, так актуальных социальных и правовых вопросов. Поэтому в Послании Президент особо акцентировал внимание на вопросах реформирования правоохранительной си-

стемы, поскольку граждане чаще всего жаловались именно на проблемы в данной сфере.

Послание предлагает некую идеологическую трансформацию или разворот социально-политической системы. От поддерживающего характера, она переходит в мотивирующую. По каким признакам это видится?

1. Президент выступил за проведение правовой реформы, в том числе, за гуманизацию правовой сферы. Выдвигаются четкие критерии эффективности судебно-правовой системы – это рост доверия граждан, юридических лиц и иностранных инвесторов.

2. В Послании на дискурсивном уровне продвигается понятие возможностей. Причем граждане, молодые люди могут увидеть их в 10-летней перспективе. Для уверенности, что такие возможности действительно откроются, в Послании приводится комплекс показателей динамики развития за прошедшие 10 лет.

3. В Послании, помимо традиционного блока, касающегося повышения доходов населения, в качестве особого направления выделяется жилищно-коммунальный сектор. Жилье в последние гг. стало, по сути, главной национальной идеей и фактором комплексной социальной и экономической модернизации.

4. В качестве ключевых установок выступает укрепление инвестиционного и бизнес-климата.

Самое главное, что Президент РК предлагает мощную экономическую программу с акцентом на укрепление национального единства казахстанцев. Мотивирующий момент здесь в том, что мы всего этого добиваемся – провели саммит ОБСЕ, которого не было уже 10 лет, реализуем программу форсированного индустриально-инновационного развития.

Послание 2010 г. стало промежуточным отчетом и обновлением платформы партии «Нур Отан». То, что Казахстану

удалось пройти новые кризисные испытания, еще раз указало на эффективность государственного менеджмента Президента РК Н.А. Назарбаева. Это говорит о том, что и в 90-х гг. успешное преодоление кризиса не было случайностью или благоприятным стечением обстоятельств. За прошедший период сменилось немало правительственных команд, однако система продолжает эффективно развиваться. Все эти испытания, в первую очередь, ложатся на Президента страны, и от того, как он сумеет с ними справиться, зависит – труднее или легче будет экономике, политической системе, каждой семье и всем гражданам страны.

Послание Президента «Построим будущее вместе!» от 18 января 2011 г. не просто ориентировано на социальную модернизацию, а направлено на формирование целостной карты развития казахстанцев. Это – навигация социального пути каждого казахстанца. Рождение, детство – обеспечение дошкольным обучением. За ними – школа, вуз, взрослая жизнь и предельно комфортный пожилой возраст. При этом главное – это достижение социальной гармонии, в том числе, межпоколенческой, межвозрастной, гендерной, в каждой социальной группе, особенно в семье [175].

Новое Послание Президента полностью соответствует принятой в Казахстане Стратегии гендерного равенства на 2006–2016 гг. В разделе 9 этого документа «Ожидаемые результаты от реализации стратегии» в блоке «Достижение гендерного равенства в экономике» содержится пункт 4 – «... в обозначенные стратегией сроки будет увеличено количество государственных и частных детских дошкольных учебных заведений для повышения трудовой активности родителей». Данный пункт означает нацеленность государства на широкое вовлечение женского человеческого ресурса в экономическое развитие.

Общепринято, что женщина преимущественно занимается детьми. А в условиях резкого демографического роста

и одновременно нехватки дошкольных учреждений женщины были обречены заниматься воспитанием детей, исходя из своих возможностей и способностей. Сложно оценить, сколько ценного наши дети недополучили в результате того, что они в нужное время не проходили этапы социализации со своими сверстниками.

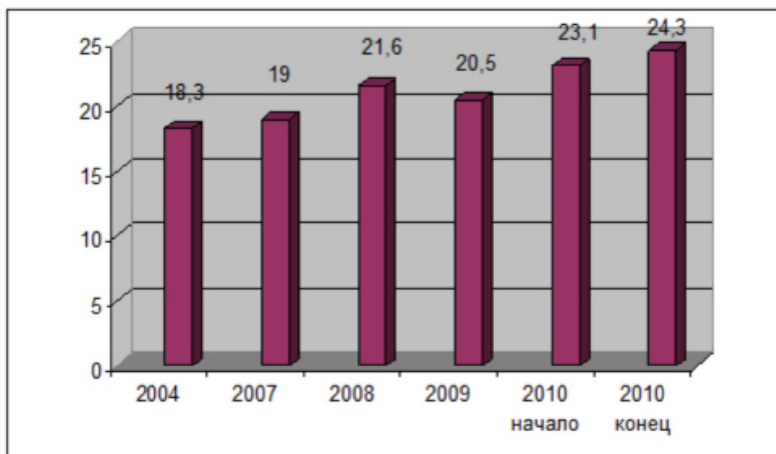
С 2000 г. в нашей стране начался демографический рост. Коэффициент рождаемости на 1000 чел. возрос с 13,6 до 22,6 в 2010 г. Ежегодно в Казахстане рождалось от 222 тыс. человек (минимум в 2000 г.) до максимального показателя— 357,5 тыс. человек в 2009 г. В 2000 г. численность детского населения достигала 1082,9 тыс. человек. Из них были не охвачены дошкольным образованием 87,7%. То есть, получается, что в тот период времени около миллиона детей не получали квалифицированного воспитания в детских садах. Соответственно, более полумиллиона казахстанцев, преимущественно женщин, были исключены из процесса экономического развития. Получается, что в 2000-х гг. экономика страны недополучала с учетом ВВП на душу населения 1–1,5 млрд. долл. ежегодно.

Начиная с принятия Стратегического плана развития страны до 2020 г. и включая нынешнее Послание, Президент фактически ставит задачу о полном вовлечении всех имеющихся трудовых, человеческих ресурсов в подъем экономики. Сегодня охват детским дошкольным образованием достиг 55%. Казахстан нацелен на обеспечение полного охвата детского населения дошкольными образовательными учреждениями. Это – весьма амбициозная задача. Только до 2015 г. по программе «Балапан» количество мест в детских садах и мини-центрах придется практически удвоить.

Постоянные социологические исследования показывают, что проблема обеспечения детскими дошкольными заведениями остается в числе наиболее актуальных. Социологические

опросы в 2004 г. показывали актуальность проблемы нехватки детских садов (в пределах 18%). В опросах 2010 г. ее актуальность выросла до 24%. То есть, о проблеме детских садов говорит каждый четвертый опрошенный (диаграмма 22).

Диаграмма 22

**По данным социологических исследований НИА ОО «Институт демократии»*

**Динамика актуальности проблемы нехватки
детских садов с 2004 по конец 2010 гг.**

Здесь срабатывает информационный эффект. Когда социальная проблема начинает решаться, тогда о ней говорят больше и респонденты отмечают ее чаще. Это – обычная закономерность соцопросов. Следовательно, где-то в промежутке 2008–2009 гг. решение проблемы детских садов начало сдвигаться с мертвой точки. Причем характерно, что актуальность данной проблемы больше всего выросла среди мужского населения. Доля мужчин, отмечающих нехватку детсадов, выросла с 18% в 2004 г. до 26% в 2010 г.

Среди женщин эти показатели составили, соответственно, 18 и 24%.

Мужчины начали осознавать важность того, чтобы дети были не только с мамами, но и в детских садах. Это – один из важнейших сдвигов в гендерном развитии. Сегодня, по данным исследований, только 17% респондентов ограничивают роль женщин лишь семейными рамками, в то время как почти 70% казахстанцев считают, что женщины должны вовлекаться во все сферы жизни общества.

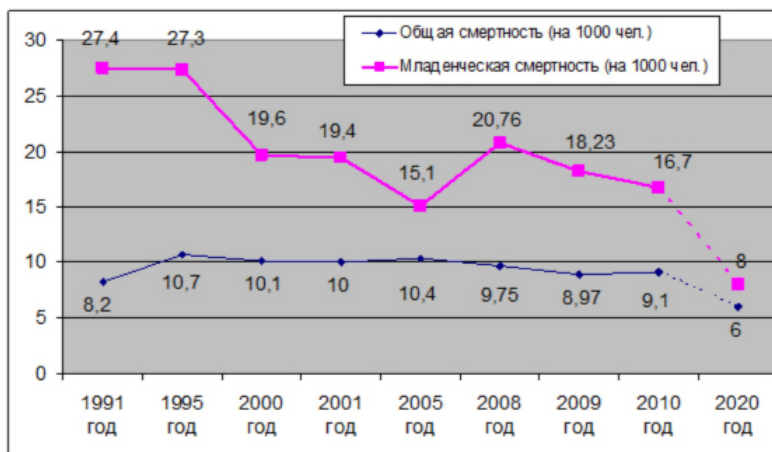
В Послании Президента сделан акцент на важном аспекте жизни каждого человека – его здоровье. В Послании отмечается необходимость внедрения отдельного программного блока по работе с целевыми группами, среди которых особо выделены дети, подростки, женщины репродуктивного возраста. Для Казахстана сегодня важно наладить механизм социально-демографического воспроизводства. В кризисные 90-е гг. этот механизм был серьезно нарушен. Так называемый фактор «культурной травмы» был чувствителен. Снизилась рождаемость, наблюдались высокие показатели смертности. Теперь, из г. в год, мы восстанавливаем свои позиции и по многим параметрам уже вышли на новый уровень, преодолели компенсаторный рубеж, когда было необходимо достичь хотя бы стартового периода начала 90-х гг.

Например, по младенческой смертности сегодня ситуация лучше, чем это было в 1991–1995 гг. Тогда она достигала 27,4 чел. на 1000 родившихся. В 2010 г. этот показатель снизился до 16,7 чел. на 1000. И это – при том, что в 2005 г. Казахстан перешел на международную методику расчета младенческой смертности, предполагающую учет смертности детей от 500 грамм, тогда как ранее учитывались младенцы весом не менее 1 кг. Новое Послание Президента ставит задачу – до 2020 г. младенческая смертность должна быть снижена вдвое (диаграмма 23).

Казахстан намеревается уменьшить смертность населения в целом. В 2009–2010 гг. данный показатель практически сравнялся с тем, который фиксировался в начале 90-х гг. В предстоящие 10 лет мы попытаемся снизить показатель общей смертности на треть, или примерно до 6 человек на одну тысячу.

С учетом этой задачи в Казахстане сегодня идет проработка вопросов о социальном развитии пожилого поколения. На протяжении 20 лет независимости главная ставка делалась на молодежь. Это было оправдано тем, что реформам придавалась нужная энергетика. Однако общество не может быть устойчивым без межпоколенческого баланса. Если молодой человек не чувствует уверенности, что в пожилом возрасте у него будут удовлетворительные условия жизни, то он не будет особо заинтересован в том, чтобы интенсивно трудиться сегодня.

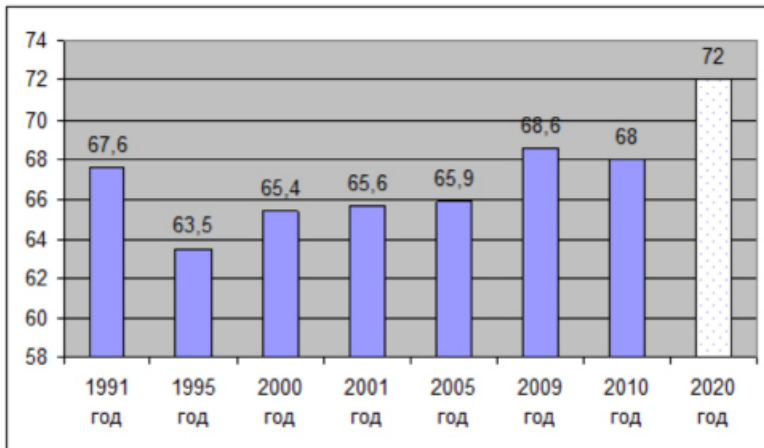
Диаграмма 23

**Показатели общей и младенческой смертности на 1000 чел.
за период с 1991 по 2020 (прогноз) гг.**

В этой связи в рамках работы Национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте был принят Национальный план действий по улучшению положения пожилых людей на 2011–2020 гг. Тем самым подкреплена главная цель – увеличение продолжительности жизни населения в Казахстане. На сегодня этот показатель достиг 68 лет, что чуть выше уровня 1991 г. В предстоящие 10 лет нам нужно достичь планки продолжительности жизни – 72 г. (диаграмма 24).

Диаграмма 24

Динамика средней ожидаемой продолжительности жизни в Казахстане за период с 1991 по 2020 (прогноз) г.

В этой связи доля старшего поколения в структуре казахстанского общества будет возрастать. По прогнозам, доля населения старше 65 лет в Казахстане к 2050 г. возрастет с сегодняшних 7% до 25%.

Говоря о социальной модернизации, Президент говорит в Послании о модернизации системы школьного образования.

В стране за период с 2000 по 2010 г. построена 741 школа. Президент говорит, что в ближайшие 5 лет у нас будет построено еще около 400 школ. Тогда дети перестанут учиться в третью смену, будет сокращена и вторая смена. При этом до 50% организаций образования будут использовать электронное обучение, а к 2020 г. их численность возрастет до 90%.

Другим звеном модернизации образовательной системы является высшее образование. Здесь также предприняты новые шаги, чтобы Казахстан не импортировал знания высшего уровня, а создавал их у себя. В этом плане большая роль отводится Назарбаев Университету. Он должен стать точкой научно-образовательного прорыва Казахстана. Президент уже поручил составить полную карту дальнейшей жизнедеятельности выпускников этого университета.

В плане развития высшего образования в будущем нам можно будет аккумулировать ресурсы, поскольку у нас появятся ВУЗы, которые будут отмечены в рейтинге лучших мировых университетов. При этом до 30% отечественных университетов пройдут независимую национальную аккредитацию по международным стандартам. Таковы главные социальные меседжи нового Послания Президента.

Казахстан входит в качественно новый период своего развития. Перед нами стоят заманчивые перспективы десятилетия. Мы сильно изменились за гг. независимости. Стали жить лучше. Но мы можем жить еще лучше. Для этого нужно предельно рационально использовать все имеющиеся ресурсы. Мы совершили рывок, но теперь нужны гг., чтобы достичь высокого качества жизни. Этапы социального развития должны быть просчитаны. Мы стремимся быть обществом успеха. Соответственно, вся социальная система должна быть настроена на это.

Однако стоит помнить, что новое десятилетие таит в себе не только перспективы, но и угрозы. Они, главным образом,

связаны с тем, как мы будем обходиться с возможностями, шансами улучшения своей жизни. От нас самих зависит, какое будущее мы построим.

5.2. Отношение граждан к государственной идеологии

Казахстан выработал собственную модель развития. Почти 37,9% опрошенных или относительное большинство высказались об этом прямо – что наша страна, хотя и учитывала опыт зарубежных государств, формировала свой особый путь развития.

Выделились еще две основательные группы. Одна из них, более крупная, придерживается мнения, что Казахстан в основном двигался на основе опыта России и СНГ – 23,5%. Другая группа, объемом до 22% – утверждает, что Казахстан двигался, больше ориентируясь на опыт западных стран.

Наличие этих двух оппонирующих групп подтверждает, что в Казахстане выкристаллизовывался свой особый путь развития. Он не входил в конфронтацию с мировыми трендами и учитывал успешный опыт зарубежных стран.

Тем не менее, массовое сознание желало бы больше политической оригинальности, т. е. больше собственных национальных черт в векторе развития страны. При этом мнение, что Казахстан двигался своим путем, высказали 37,9%. Вместе с тем, о том, что так надо двигаться, а дальше высказалось уже 50,1% респондентов (табл. 17).

Из данных опроса следует, что, в принципе, население частично поддерживает привлечение опыта развития западных стран. За западный вектор развития – 21,8%, против – 22,2%. Однако по остальным векторам требуется некоторая корректировка.

Часть населения желает больше привлекать опыт мусульманских стран – 3% против 0,9%.

Таблица 17

**Как Вы считаете, каким путем все эти гг.
Казахстан двигался в своем развитии?
Но, на Ваш взгляд, как следовало
бы развиваться Казахстану?**

%

	Развивался	Надо развиваться
Больше ориентируясь на опыт западных стран	22,2	21,8
Главным образом на основе успешного опыта азиатских стран	3,2	2,8
На основе опыта мусульманских стран	0,9	3,0
На основе опыта России и СНГ	23,5	16,2
На основе опыта стран Центральной Азии	1,8	1,5
Учитывая в разной мере опыт зарубежных стран, формировал свой особый национальный путь	37,9	50,1
Плыл по течению без особой стратегии, т. е. как получиться	5,1	-
Без учета интересов основной массы населения	0,1	-
Затрудняюсь ответить	5,3	4,0

Респонденты меньше бы хотели, чтобы Казахстан развивался по модели стран России и СНГ – 16,2% против 23,5%. Это связано с тем, что большинство моделей развития постсоветских странах нельзя назвать удачными.

Западный вектор развития чаще поддерживают средний возраст (24,5%) и молодежь (23,2%). В пользу особого пути высказываются средний (52%) и средний старший возраст (53,3%). Мусульманскую модель чаще отстаивает молодежь (5,4%). Постсоветскую модель больше одобряет старшее поколение – 22,6% (табл. 18).

Таблица 18

**Ориентации как должен развиваться Казахстан
по социальным группам**

%

	Запад- ники	Особый путь	Мусуль- манская модель	Россия и СНГ (постсо- ветская модель)
Национальность				
Казахи	24,0	51,0	4,3	10,0
Русские	20,7	45,5	0,4	28,9
Другие	14,7	54,0	2,0	20,7
Тип собственности				
Государственная	24,8	44,1	4,1	15,9
Смешанная	21,7	53,3	1,7	16,7
Частная	24,9	53,8	2,1	12,2
ИП, самозанятые	16,0	53,2	3,2	19,1
НПО	33,3	50,0	0,0	16,7
Образование				
Высшее, со степенью (магистр, кандидат или доктор наук)	14,8	55,6	7,4	18,5
Высшее (бакалавр, специалист)	20,2	56,0	3,5	14,0
Незаконченное высшее	26,2	45,9	8,2	11,5
Среднее специальное, профессиональное образование	21,6	46,7	1,9	20,4
Общее среднее	25,7	49,7	2,6	11,0
Неполное среднее	15,0	52,5	2,5	15,0
Доход				
Менее 15 000 тенге	27,1	46,2	1,6	14,6
От 15 001 до 37 000	19,7	51,9	2,2	17,3
От 37001 до 75 000	20,3	52,0	4,1	15,5

Продолжение таблицы 18

	Запад- ники	Особый путь	Мусуль- манская модель	Россия и СНГ (постсо- ветская модель)
От 75 001 до 100 000 тенге	20,0	50,0	3,3	23,3
100 001 до 150 000 тенге	5,9	64,7	17,6	11,8
От 150 001 и более	28,6	42,9	0,0	28,6
Возраст				
18-29 лет	23,2	45,9	5,4	15,9
30-45 лет	24,5	52,0	1,8	11,8
46-60 лет	20,4	53,3	1,3	19,6
61 +	13,0	49,6	3,5	22,6
Сфера занятости				
Госслужба, органы ГУ	32,3	32,3	3,2	25,8
Структуры МВД, КНБ, вооруженные силы	30,4	47,8	0,0	13,0
Промышленное производство	29,1	47,3	0,0	20,0
Медицина, образование, наука, культура	28,2	43,7	3,9	16,5
Торговля	14,7	62,8	2,3	8,5
Транспорт, связь	19,2	65,4	1,9	9,6
Сфера услуг	19,5	43,4	5,3	17,7
Строительство	25,0	60,0	1,7	11,7
Добывающая отрасль	40,0	30,0	0,0	20,0
Энергетическая отрасль	18,2	45,5	0,0	36,4
Финансовая сфера	35,7	50,0	7,1	7,1
Сельское хозяйство	25,0	58,3	0,0	8,3

Западников больше в добывающей отрасли – 40%, среди финансистов – 35,7%, госслужащих – 32,3% и силовиков – 30,4%.

Особого пути желают придерживаться, чаще остальных, сфера торговли (62,8%), транспорт и связь (65,4%), строительство (60%), сельское хозяйство (58,3%). Это – отрасли, требующие поддержки государства.

Мусульманскую модель чаще готовы принимать финансисты (7,1%), что связано с расширением механизмов исламского финансирования в Казахстане. Также здесь выражена сфера услуг – 5,3%.

Постсоветскую модель поддерживают больше в энергетической отрасли (36,4%), поскольку она сильно связана с региональным развитием. Также здесь хорошие показатели у госслужащих – 25,8%, добывающей отрасли – 20%.

Сторонников западноцентризма больше среди респондентов с незаконченным высшим образованием (26,2%), общим средним образованием (25,7%). Особый путь отстаивают чаще респонденты с высшим образованием (56%), а также с высшим образованием и степенью (55,6%).

Мусульманская модель чаще привлекает людей с незаконченным высшим образованием (8,2%), постсоветская – средне-специальным (20,4%) и неполным средним (15%).

По доходам западники чаще встречаются среди высокодоходных (28,6%) и низкодоходных (27,1%) групп населения. Особый путь чаще поддерживают среднедоходные группы, например, от 100 до 150 тыс. тенге (64,7%). Мусульманская модель привлекательна для групп с доходом выше среднего (17,6% от 100 до 150 тыс. тенге). Постсоветская модель приемлема для высокодоходных (28,6%) и среднедоходных (23,3%).

Среди казахов чаще встречаются приверженцы западного пути (24%), мусульманской модели (4,3%). Выше среднего у

них сторонников особого пути – 51%. Меньше всего казахи поддерживают постсоветскую модель – 10%. Группа другой национальности выделилась поддержкой особого пути – 54%, русские – постсоветской модели – 28,9%.

Сторонники западного пути чаще встречаются в секторе НПО – 33,3%, где, к слову сказать, самая большая доля западных грантов и инвестиций. В особом пути выделились сразу 3 группы – смешанная, частная, ИП (около 53%). Мусульманская модель чаще поддерживается в госсекторе – 4,1%, постсоветская – среди ИП (19,1%).

Если население требует больше национальных черт в развитии – следовательно, имеется запрос на укрепление идеологической сферы. Именно здесь происходят конструирование различий, построение мифов, диалектика разных процессов.

Здесь мы подходим к ответу на вопрос о том, должно ли государство заниматься идеологией?

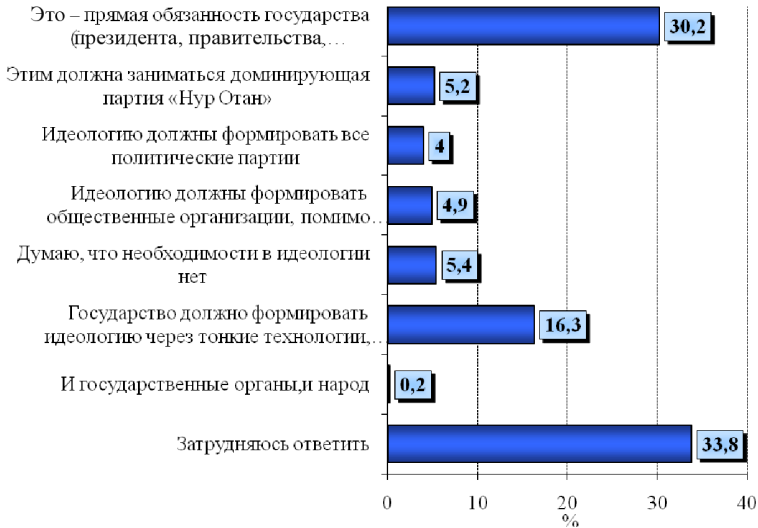
В целом, массовое сознание склоняется к тому, что идеология нужна и этим обязано заниматься государство. 30,2% респондентов прямо сказали, что заниматься формированием идеологии в стране – это прямая обязанность государства. К ним можно прибавить 16,3% опрошенных, которые поддерживают мнение, чтобы государство занималось идеологией, но считают, чтобы делалось это более тонко, ненавязчиво, на основе наработанного в современном мире аппарата политических технологий. Лишь 5,4% опрошенных – против какой-либо идеологии (диаграмма 25).

Каждый третий респондент затруднился ответить по поводу того, кто должен заниматься идеологией. Это – солидная группа, которая может как раз и находиться вне охвата идеологии.

Примерно 14% опрошенных высказались, чтобы идеологией занималась доминирующая партия – либо на эксклю-

живной основе, либо совместно с другими партиями, либо с более широким спектром общественных организаций.

Диаграмма 25

Как вы считаете, государство должно или не должно заниматься формированием идеологии в стране?

Центральным элементом идеологии в Казахстане является наличие надежной президентской власти. Однако за период с 2007 г. население стало больше доверять новому формату политической системы, при которой парламент наделен более существенными полномочиями.

Оптимальной формой правления 45,1% респондентов считают президентско-парламентскую, почти столько же – президентскую (43,4%). Иные варианты политического устройства поддерживает меньшинство респондентов. Например, только 6,4% респондентов готовы поддержать изменение баланса в системе в пользу сильного парламента.

1,5% опрошенных вообще одобряют только парламентскую систему. Реликтовые системы поддерживает не более полу-процента респондентов, например, халифат – только 0,3% (табл. 19).

Таблица 19

Какая форма правления, с Вашей точки зрения для Казахстана является наиболее оптимальной, приемлемой?

	%
Президентская (сильный президент, возвышающийся над другими ветвями власти)	43,4
Президентско-парламентская (практически равное положение президента и парламента с некоторыми преимуществами первого)	45,1
Парламентско-президентская (практически равное положение президента и парламента с некоторыми преимуществами последнего)	6,4
Парламентская (сильный парламент при слабом президенте)	1,5
Ханская (наследственная высшая власть)	0,2
Халифат (религиозная политическая система, основанная на шариате)	0,3
Любая, главное, чтобы была справедливость	0,2
Затрудняюсь ответить	2,9

В этой связи, в условиях Казахстана мы можем говорить только о двух вариантах государственного устройства – президентской и президентско-парламентской формах правления.

Здесь сложилась интересная ситуация. Более молодое поколение чаще выступает за исключительно президентскую систему, тогда как старшее – за власть президента, сбалансированную парламентом.

Чисто президентская система чаще привлекает госслужащих (71%) – они к ней привыкли, в ней легче действовать.

Второй группой поддержки президентской формы правления являются сельчане – 62,5%.

Таблица 20

**Структура предпочтений двух ключевых форм правления
по социальным группам**

%

	Президентская	Президентско-парламентская
Национальность		
Казахи	43,4	44,2
Русские	44,2	46,7
Другие	42,0	46,0
Тип собственности		
Государственная	41,4	42,1
Смешанная	50,0	36,7
Частная	44,4	43,5
ИП, самозанятые	43,6	44,7
НПО	0,0	66,7
Образование		
Высшее, со степенью (магистр, кандидат или доктор наук)	48,1	37,0
Высшее (бакалавр, специалист)	41,6	44,7
Незаконченное высшее	36,1	44,3
Среднее специальное, профессиональное образование	44,3	45,5
Общее среднее	42,9	48,2
Неполное среднее	52,5	37,5
Доход		
Менее 15 000 тенге	48,2	43,7
От 15 001 до 37 000	41,7	47,3
От 37001 до 75 000	42,6	38,5

Продолжение таблицы 20

	Президентская	Президентско-парламентская
От 75 001 до 100 000 тенге	36,7	50,0
100 001 до 150 000 тенге	47,1	29,4
От 150 001 и более	57,1	42,9
Возраст		
18-29 лет	47,1	43,3
30-45 лет	42,0	44,7
46-60 лет	42,9	43,8
61 +	38,3	53,9
Сфера занятости		
Госслужба, органы ГУ	71,0	25,8
Структуры МВД, КНБ, вооруженные силы	34,8	47,8
Промышленное производство	47,3	43,6
Медицина, образование, наука, культура	37,9	42,7
Торговля	41,9	44,2
Транспорт, связь	34,6	50,0
Сфера услуг	44,2	42,5
Строительство	50,0	41,7
Добывающая отрасль	50,0	50,0
Энергетическая отрасль	36,4	45,5
Финансовая сфера	35,7	50,0
Сельское хозяйство	62,5	25,0

Президентско-парламентская система больше поддерживается работниками, занятыми в финансовой, транспортной, добывающей отраслях (50%).

По критерию образования президентская система привлекательна чаще для респондентов с неполным средним образованием – 52,5%. Однако выражена и доля опрошенных с

высшим образованием и степенью – 48,1%. Это указывает на наличие широкой базы президентского правления в Казахстане среди интеллигенции.

Президентско-парламентская система поддерживается чаще респондентами с общим средним образованием (48,2%) и вообще населением со средней квалификацией.

В поддержку президентской системы чаще высказываются высокодоходные слои (57,1%), а также низкодоходные (48,2%), и, в наименьшей степени, группа среднего дохода (36,7%).

В этом плане президентско-парламентская система поддерживается каждым вторым из опрошенных с доходом от 75 до 100 тыс. тенге на человека в семье – 50%. Такая система привлекательна для среднего класса.

В целом, по всем национальностям преобладают оценки в пользу президентско-парламентской системы, в том числе, и у казахов (44,2%).

Президентская система больше привлекательна для смешанных предприятий – 50%. Для них важно сильное государство. Президентско-парламентская система чаще привлекает работников неправительственного сектора – 60%.

В этой связи, для условий Казахстана президентско-парламентская система является наиболее оптимальной. В условиях кризиса может возрасти роль исполнительной власти, в мирные периоды – парламента и общества.

Президент в казахстанской модели выступает как главный центр социальных ожиданий и гарант уверенности граждан в завтрашнем дне. Так, по данным специального исследования, большинство респондентов – 47,4% отмечают, что своими успехами Казахстан, в первую очередь, обязан усилиям президента.

Второе место занимает мнение, согласно которому, успехи были достигнуты как благодаря усилиям президента, так

и объективному ходу развития страны – 31,8%. В меньшинстве оказались те, кто считает, что все происходило только в силу объективных обстоятельств – 11,6%. Характерно, что в аналогичных опросах, проводимых 3–4 г.ми ранее, прева-лировало мнение, что все происходило через слияние уси-лий президента и объективных факторов, в том числе удачи, благоприятной конъюнктуры. Теперь казахстанцы больше склонны видеть именно заслуги Президента. Кризис 2007-2009 г. продемонстрировал верность выбранного полити-ко-экономического курса. Здесь сыграли свою роль и Наци-ональный фонд, и планомерный рост социальных расходов, зарплат бюджетников, и борьба с коррупцией, и меры по ста-билизации финансово-банковской системы (табл. 21).

Таблица 21

С кем или с чем Вы в большей степени связываете улучшения,
которые произошли в Казахстане за период
с обретения независимости?

Вариант ответа	%
С усилиями Президента в большей степени	47,4
С усилиями Президента и объективным ходом развития страны	31,8
В большей степени с объективным ходом развития страны	11,6
Никаких улучшений не наблюдаю	2,2
Другое	,2
Затрудняюсь ответить	6,7

Президент в условиях нашей страны выступает в каче-стве фактора политической социализации общества. Пре-зидент выступает как главный ориентир для общества со слабо структурированными политическими взглядами. Как показало исследование, большинство респондентов, а это –

примерно две трети опрошенных, не имеют твердых политических убеждений. То есть, фактически они двигаются на основе импульсов, чем стратегий. Лишь 4,4% респондентов отметили, что имеют глубоко продуманные и сформированные политические взгляды. Каждый четвертый из респондентов признался, что имеет свои политические убеждения, но они сформированы подчас без анализа специальной литературы (табл. 22).

Таблица 22

Можете ли Вы сказать о себе, что имеете свои твердые политические убеждения?

	%
Да, мои политические убеждения хорошо продуманы, в том числе на основе изучения специальной литературы	4,4
Да, я имею твердые политические убеждения, хотя я специально не изучал научную и политическую литературу	26,2
Я равнодушен к политике, мне достаточно своих собственных проблем	43,8
Не знаю, не задумывался об этом	25,5
Затруднились ответить	0,1

То есть, мы имеем довольно эклектичное и слабо структурированное в политическом плане общество. Оно раздроблено на множество политических течений.

Судя по данным опроса среди респондентов преобладают те, кто поддерживает консервативных взглядов. 14,4% респондентов выступают за умеренность в реформах, поступательное развитие без ущерба для имеющихся достижений, сочетание различных идей без крайностей и радикализма.

Вторая ступень – за демократами и социал-демократами; 12,8% опрошенных являются сторонниками дальнейшей демократизации политической системы; 12,7% высказываются в поддержку идеи социальной справедливости и преобладание государственной формы собственности.

Третья ступень за умеренными национал-патриотами; 9,2% респондентов придерживаются взглядов, что Казахстану нужно следовать по своему особому пути развития.

Четвертая структура взглядов – это экологи (8,2% опрошенных).

На пятом месте идут приверженцы более твердых национальных взглядов, за обеспечение преимуществ казахского языка и казахского народа – 6,5% (табл. 23).

Таблица 23
Сторонником кого бы Вы себя назвали?

Тех, кто выступает за дальнейшую демократизацию и политические реформы в нашей стране	12,8
Тех, кто за умеренность в реформах, поступательное развитие без ущерба для уже имеющихся достижений, сочетание различных идей и стремится избегать крайностей	14,4
Тех, кто за развитие свободных рыночных отношений при минимальном вмешательстве государства в экономику	3,5
Тех, кто за самостоятельный путь развития нашего общества	9,2
Тех, кто за социальную справедливость и государственную собственность в экономике	12,7
Тех, кто стоит за железный порядок и дисциплину в нашей стране в интересах защиты частной собственности	5,6
Тех, кто выступает в защиту казахского языка и интересов казахского народа	6,5
Тех, кто выступает за охрану окружающей среды и экологию	8,2
Ни к каким из перечисленных	19,3
Затрудняюсь ответить, не могу определиться со своими политическими взглядами	7,8

Наименьшие доли в политической структуре имеют сторонники правоавторитарных взглядов, т. е. выступающие за жесткую охрану существующего статус-кво – 5,6%. Либералы занимают последнее место, с долей всего в 3,5%.

Примерно каждый четвертый из опрошенных не идентифицирует себя ни с одним из идеологических течений.

Одним из важнейших преимуществ Казахстана являлось то, что политика власти здесь носит упреждающий характер. В 2008–2009 гг. на волнах кризиса власть пошла на важную идеологическую трансформацию. Устоявшиеся в качестве политической традиции межэтническое и межконфессиональное согласие начали преобразовываться в национальное единство. Взят курс на интеграцию социальных групп в консолидированную политическую нацию. И это оказалось своевременным. Кыргызстан, например, не выдержал испытание кризисом, и накопившаяся там энтропия вылилась в затяжной конфликт. В Казахстане же была принята Доктрина национального единства. Большинство населения согласилось с главными догматами обновленной национальной идеологии. В первую очередь, с тем, что межэтнические отношения должны находить публичное обсуждение – 62%. Вторым объединяющим фактором является государственный язык – около 61%.

Опять же большинство соглашается с особым статусом государствообразующего этноса – казахов. 55,2% считают, что вокруг них должна объединяться казахстанская общность. При этом каждый второй респондент согласился, что Казахстан является частью исламского мира и эта религия – важный компонент национальной культуры народа нашей страны.

Единственное, в чем пока не видится консенсуса – это формирование казахстанской нации. Согласно с таким наименованием казахстанского общества лишь относительное

большинство – 39,5%. Тех, кто против всего на 5% меньше (табл. 24).

Таблица 24
С какими из предложений, которые обсуждались в рамках дискуссий по доктрине, вы бы согласились?

%

	В целом согласны	В целом не согласны	Затруднились ответить
Обязательное знание казахского языка всеми гражданами	60,9	25,3	13,8
В стране должна эволюционным путем сформироваться казахстанская нация	39,5	34	26,5
Закреплять права и статус казахов не нужно, они и так признаны государствообразующим этносом вокруг которого консолидируется казахстанский народ	55,2	20	24,8
Республику Казахстан надо переименовать в Казахскую Республику	18,9	54,9	26,2
Казахстан является частью исламского мира	50,1	22,2	27,7
Проблемы межэтнических отношений должны обсуждаться публично, чтобы не допускать конфликтов	62,1	12,2	25,7

Однозначно против большинство населения по переименованию Республики Казахстан в Казахскую Республику. Такое предложение выдвигалось в ходе обсуждения Доктрины национального единства, но оно не было принято и это соответствует взглядам большинства населения. Около 55%

опрошенных – против реконструкции названия нашей страны. Лишь 18,9% выступают в поддержку такой меры.

Теперь логично встает вопрос о роли Ассамблеи народа Казахстана в новых условиях, когда принята Доктрина национального единства, которая по своему тексту не сильно отличается от прошлых документов, но имеет гораздо более существенный скрытый смысл. Его раскрытию служит то, что в рамках внедрения новой системы госпланирования, приведшей к сокращению бесчисленных госпрограмм госорганов и сохранению только 5 программ (Программы сформированного индустриально-инновационного развития, госпрограммы образования, здравоохранения), сохранилась госпрограмма развития языков. Следовательно, этнокультурная сфера переживает переломный момент. В этой связи сохраняется важность роли Ассамблеи народа Казахстана.

АНК призвана способствовать сохранению этнического многообразия в стране, при этом, зачастую, ее деятельность ориентирована на поддержку диаспор. На этом фоне национал-патриотические, казахские компоненты остаются без должного внимания. Проявлением этого стал сбой при принятии Доктрины национального единства в декабре 2009 г.

Посудите сами: за период с 3 квартала 2009 г. по июнь 2010 г. доля респондентов, считающих, что в Казахстане необходимо создать партию в интересах казахского населения, выросла на треть – с 14 до 21%. Число тех, кто против этого, уменьшилось с 73,5 до 63% (табл. 25).

При этом необходимо учитывать, что среди респондентов казахской национальности доля поддерживающих идею казахской партии возросла с 19 до 25,5%. То есть, каждый четвертый представитель этнического большинства в Казахстане – за создание своей партии (табл. 26).

Таблица 25

Распределение ответов респондентов на вопрос: Как Вы считаете, нужно ли создать политическую партию, которая будет отстаивать интересы только коренного казахского населения?

	3-й квартал 2009 г.	4-й квартал 2009 г.	1-й квартал 2010 г.	2-й квартал 2010 г.
Да, такая партия нужна	14,3	17,1	20,4	21,0
Нет, партию по национальному признаку создавать нельзя	73,5	64,7	67,5	63,1
Затрудняюсь ответить	12,2	18,2	12,1	15,9

Таблица 26

Распределение ответов респондентов на вопрос: Как Вы считаете, нужно ли создать политическую партию, которая будет отстаивать интересы только коренного казахского населения?

(%)

	Казахи		Русские		Другие	
	3-й квартал 2009 г.	2-й квартал 2010 г.	3-й квартал 2009 г.	2-й квартал 2010 г.	3-й квартал 2009 г.	2-й квартал 2010 г.
Да, такая партия нужна	19,6	25,5	8,4	13,9	8,0	20,0
Нет, партию по национальному признаку создавать нельзя	66,8	56,6	81,4	72,1	75,6	68,8
Затрудняюсь ответить	13,6	17,9	10,2	14,1	9,69	11,2

На этом фоне каждый пятый представитель этнического меньшинства готов поддержать казахскую партию. Возрос-

ло понимание такой потребности и среди русских – почти до 14%.

Таким образом, мы имеем дело со скачком национал-патриотических настроений. Главный институт национальной политики должен к этому адаптироваться. Четкого видения, как это сделать, пока не прослеживается. Почти четверть респондентов не усматривают возможности АНК ни представлять интересы этнических меньшинств, ни консолидировать весь народ вместе с казахами.

Менее половины респондентов все же склонны считать, что роль АНК должна распространяться на весь казахстанский народ. 27,7% полагают, что АНК необходимо ограничить функциями представительства интересов этнических меньшинств (табл. 27).

Таблица 27

**Скажите, пожалуйста, какую роль должна играть
Ассамблея народа Казахстана?**

	По массиву	Казахи	Русские	Другие
Представлять интересы этнических меньшинств	27,7	28,9	25,5	28,2
Объединять весь народ Казахстана и служить механизмом народной дипломатии	49,0	47,2	50,8	52,9
Затрудняюсь ответить	23,3	23,9	23,7	18,8

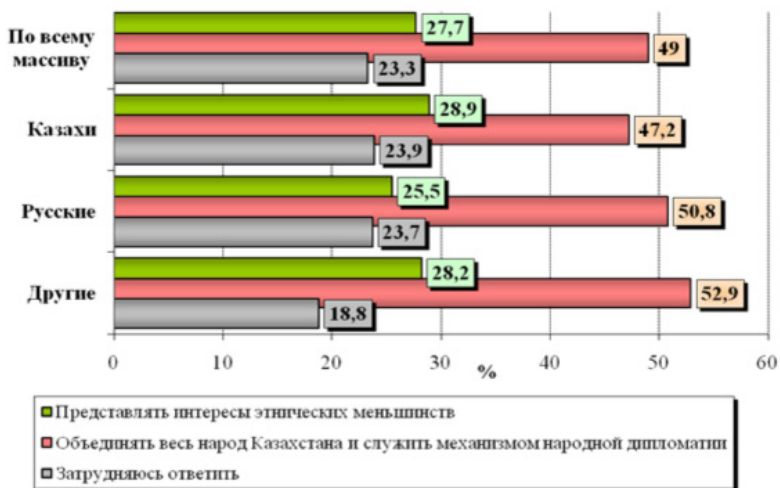
Среди казахов больше тех, кто склонен считать АНК органом, защищающим права этнических меньшинств – почти 29%. Близки к этому и этнические меньшинства – 28,2%. Это – сигнал, что малые народы все же слабо охвачены работой Ассамблеи.

Более выраженный консенсус – по тому, чтобы АНК служила продвижению интересов казахского населения. В поль-

зу этого высказались 47% респондентов. Это, в том числе: 47,9% казахов, 45% русских и 48,8% – других национальностей. Расхождение между этническими группами составило лишь 2,9% .

Почти каждый второй респондент склонен считать, что роль АНК должна распространяться на весь казахстанский народ. Только 27,7% полагают, что АНК необходимо ограничить функциями представительства интересов этнических меньшинств (диаграмма 26).

Диаграмма 26

**Скажите, пожалуйста, какую роль должна играть
Ассамблея народа Казахстана?**

Сдерживает консенсус по «казахизации» АНК наличие существенного объема затруднившихся ответить – от 32 до 36,9%. Это обусловлено тем, что население пока не представляет, как такое можно сделать, т.е. имидж АНК требует модернизации.

На наличие проблемы указывает то, что поддержка квоты АНК в парламенте носит относительный характер. При том, что 40% респондентов считают положительной практикой назначение депутатов Мажилиса Парламента от АНК, 44,5% затрудняются ответить и 15% – в открытую против такой практики. Среди казахов разлет еще больше: 39,6% представителей коренной национальности – за, 45,9% – затрудняются и 14,5% – против (табл. 28).

Таблица 28

Какое мнение ближе вам относительно того, что в Мажилисе Парламента, помимо депутатов от партий, отдельно выбираются 9 депутатов по квоте Ассамблеи народа Казахстана?

	По массиву	Казахи	Русские	Другие
Это – положительная практика, способствующая лучшему учету мнений и интересов различных этнических групп	40,4	39,6	40,0	45,9
Введение квоты может только подчеркивать ущербность этнических меньшинств, все нужно решать в рамках обычных процедур через партийные списки	15,1	14,5	15,5	17,1
Затрудняюсь ответить	44,5	45,9	44,6	37,1

Нельзя назвать восторженными оценки среди русских по практике назначения депутатов Мажилиса от этнических меньшинств. Поддержка здесь тоже чуть ниже среднего – 40%; 44,6% затруднились ответить и 15,5% – против. Более существенный объем поддерживающих такую практику среди собственно этнических меньшинств. Почти 46% респон-

дентов другой национальности поддерживают эту идею, 37% – воздерживаются. Однако здесь выше и процент несогласных – 17,1%.

5.3. Поддержка населением основных идеологем

Если же говорить в целом, то на макрополитическом уровне основными компонентами казахстанской идеологии стали следующие концепты.

Первое. В тройке главных ценностей значатся межэтническое и межконфессиональное согласие – 73,5% полной поддержки и 91,7% суммарной – вместе со скорее, поддерживающими. Сюда же относится ценность политической стабильности – 65,7 и 91,6%, соответственно. Но характерно, что на втором месте, оттеснив ценность политической стабильности на 3-ю позицию, идет экономия ресурсов. 69,1% – твердые сторонники ценности, 91,3% – сумма поддерживающих.

Таким образом, мы наблюдаем, что среди населения, помимо традиционных ценностей согласия и стабильности, выделилась ценность сбережения в широком смысле, не только ресурсов. Это – сбережение времени, людей, недр. Такая ценность нуждается во всемерном поощрении, поскольку воспроизводится сознанием, чувствующим соучастие, вовлеченность в великое дело построения общего государства. Нужно относиться ко всему по хозяйски, как будто это происходит в своем доме (табл. 29).

Второе. В пятерке ценностей – конкурентоспособность – 61,8 и 89,4%. Она близка к абсолютной ценности. Это – национальная мощь, сила, авторитет, благоприятные условия жизни. Накопительство занимает пятую позицию и закрепляет ценность сбережения. В пользу этого высказываются 60,5% твердых сторонников и 87% – в сумме.

Таблица 29

**Уровень поддержки казахстанцев ключевых
идеологических концептов**

%

	Группа твердых сторон- ников	Сумма поддержи- вающих
Межэтническое и межконфессиональное согласие	73,5	91,7
Бережно относится к использованию электроэнергии, воды и иных природных ресурсов	69,1	91,3
Политическая стабильность	65,7	91,6
Казахстан должен войти в число 50-ти самых конкурентоспособных стран мира	61,8	89,4
Накопление как в любой семье, Национальный фонд	60,5	87
Постоянное улучшение социального самочувствия казахстанцев является и будет оставаться на первом плане государственной политики	59,9	84,8
Лидерство в регионе	55,1	83,9
Освоение трех языков: казахского, русского и английского	53,6	83,9
Астана должна быть реальным политическим, экономическим, финансовым, культурным центром Казахстана	53	83,9
Интеграция в международное пространство	49,3	82,1
Политическая система по образцу развитых западных стран	49	79,2
Земля без хозяина (т. е. без частной собственности) – сирота	48,2	72,9
Центральная роль в интеграции на евразийском пространстве	47,8	78,5

Продолжение таблицы 29

	Группа твердых сторон- ников	Сумма поддержи- вающих
Демократия – это наша цель, а не начало пути	47,7	76,4
Сначала экономика – затем политика	46,6	73
Интеллектуальная нация	43,6	72,7
Многопартийная система с сильной доминирующей партией в лице «Нур Отана»	43,2	71,7
Казахстанская нация	32,9	56,1
Новая наднациональная валюта как альтернатива доллару	28,5	48,4
Казахстан не будет пересматривать ранее заключенные нефтяные контракты	26	49,8

Казахстанцев не устраивает, если их страна будет статистом или останется на задворках мирового развития. Они заинтересованы в том, чтобы Казахстан котировался в мире, чтобы его признавали, чтобы экономика имела достаточный ресурс прочности, а казахстанский продукт был востребован.

Накопительство, думается, после прохождения горнила кризиса 2008–2009 гг. упрочило свои позиции. Мы должны не просто беречь, но собирать, накапливать, разумно распоряжаться, увеличивать, наращивать свой капитал. Причем этот капитал должен быть не только материальный. Нематериальный капитал в современном мире обретает большую ценность. Например, это бренд, за который платят. Поэтому накопительство – это защита капитала, каким бы он ни был.

Третье. Ценность социально ориентированной государственной политики. Известное выражение Президента из Послания 2009 г., что постоянное улучшение социального

самочувствия является и будет оставаться на первом плане госполитики, полностью поддерживается 59,9% респондентов. В сумме это – 84,8% одобрения.

Здесь мы видим не просто лозунг. За ним кроется глубокий пласт народного сознания. В национальном менталитете значится мечта о «жеруйык». То есть, в сознании есть ориентир, что мы строим государство всеобщего благоденствия. Сценарий компрадорской буржуазии, африканские модели создания благоприятных условий только для определенных групп – неприемлем. Казахская нация едина. Чрезмерная дифференциация по доходам способна разрушать это единство и дробить общество.

Поэтому в условиях Казахстана нужно разделить между собой иждивенческие настроения и здоровый патернализм. Иждивенчество – это непроизводительный труд и расчет, что работу сделает кто-то другой. Здоровый патернализм – это расчет на сильное государство, на легальные механизмы совместной жизнедеятельности.

Четвертое. В числе важных ценностей – региональное лидерство. Это – глубокая ценность, полностью поддерживаемая 55,1% опрошенных и в сумме 83,9%. Что означает «региональное лидерство» на самом деле? Это значит, что Казахстан не должен обособляться и отсиживаться в стороне от международных и региональных процессов. Нужно иметь активный, можно сказать, номадический – подвижный стиль жизни.

Региональное лидерство – это амбиции, которые имеют разумные пределы. Мы осознаем свое место и возможности. Проект «ню-васюки» из известной книги Ильфа и Петрова «12 стульев» для нас неприемлем. Мы хотим внести вклад в улучшение мира, где можем повести за собой, сыграть роль ответственного международного партнера. Лидерство – не самоцель, а инструмент, чтобы Казахстан и регион нашего

обитания не рассматривались как зона для экспериментов, как геополитическая дыра, территория пассива. Регион должен включиться в современную геополитическую структуру, сыграть роль связующего ядра между Востоком и Западом.

Пятое. Трехязычие и вообще расширение знаний языков стало важной ценностью для казахстанцев. 53,6% полностью поддерживают эту ценность, 83,9% – в сумме вместе со скорее, поддерживающими. Знание языков является нематериальным активом, однако воспроизводит и конвертируется в материальное.

Здесь казахский язык играет центральную роль, поскольку он обеспечивает национальную идентификацию нашей страны, формирует ее как субъекта международных отношений. Русский язык – это важное региональное преимущество Казахстана, обеспечивающее высокий уровень коммуникации и торгово-экономических отношений со странами ближайшего геополитического окружения.

Английский язык – это то, к чему надо стремиться. Доля знающих этот язык в стране расширяется, что является залогом прямой связи Казахстана с внешним миром. Мы напрямую осваиваем мир, без посредников.

Шестое. Астана замыкает блок ценностей, твердыми столонниками которых является большая часть респондентов – 53% при 83,9% суммарно поддерживающих. Астана, помимо символического значения как акт воли независимого государства, имеет вполне материальные, экономические смыслы. Новая столица дала импульс развитию депрессивным, аграрным регионам внутреннего Казахстана и его севера. Произошла определенная разгрузка Алматы, которая и без столичного статуса продолжает ощущать мощное давление миграционных потоков. Таким образом, в стране вместо одного престижного города возникло два, а вместе с новой столицей стала расти и значимость городов, областных центров.

Поэтому сегодня День столицы – это общегосударственный праздник.

Седьмое. 11 идейных концептов имеют твердых сторонников меньше половины респондентов. Самыми спорными можно назвать два лозунга. Первый – это то, что касается нефтяных контрактов. Казахстан как ответственный партнер не собирается их пересматривать. В принципе почти половина опрошенных с пониманием относятся к данному концепту, но твердыми сторонниками являются лишь 26%. Это обстоятельство говорит о сильных национал-патриотических настроениях. Все же свободное владение и распоряжение своими ресурсами является одним из главных признаков независимости.

Вторым таким тезисом, вызывающим неоднозначную реакцию респондентов – является создание новой мировой валюты. 28,5% твердо поддерживают и 48,4% – в сумме скорее, поддерживающими. То, что Президент Н.А. Назарбаев изложил в статье «Ключи от кризиса», является стратегическим, долгосрочным видением мирового развития. Новая валюта возникнет. Это – вопрос времени. Но пока среди населения нет четкого понимания данной идеи.

Восьмое. На границе между идеями с осязательной поддержкой и спорными идеями балансирует идеологема казахстанской нации. Твердо ее поддерживают 32,9% опрошенных, т. е. треть. Сумма поддерживающих чуть больше половины – 56%. По поводу казахстанской нации идут большие споры, связанные с неопределенностью понятий. Как и в случае с идеологемой новой наднациональной валюты, идея казахстанской нации показывает кризис сложившейся научной методологии, а также восприятия социальной реальности. Жизнь меняется, мир вступает в новую фазу своего развития. Уже начался второй десяток нового, XXI в. Вместе с тем, наше научное сознание продолжает жить по понятиям, по-

рожденным в прошлом веке, в условиях территориального передела мира. Нация сегодня обретает новые смыслы и значения, отличающиеся от тех, которые были в эпоху Первой и Второй мировых войн, т. е. более глобальное значение. В Казахстане же со стороны национал-патриотов идет сопротивление идеологеме «казахстанская нация». Предлагается альтернативная формула: «казахская нация плюс...».

Девятое. Есть вопросы по идеологемам, касающимся продвижения демократии. Все же среди казахстанцев преобладает поддержка модели дозированной политической модернизации, однако это не означает отсутствия ожидаемых политических и демократических изменений. Вообще казахстанское сознание в силу своих номадических корней живет изменениями. Изменения – это очень важный элемент развития. С идеологемой, что сначала – экономика, а затем – политика соглашаются 73% опрошенных, но полностью поддерживают 46,6% опрошенных. Больше согласных с тем, что демократия для Казахстана – это цель, а не начало пути (47,7% – полной поддержки и 76,4% – суммарной).

71,7% респондентов согласны, что в Казахстане должна быть многопартийность, хотя и с сильной доминирующей партией. Доля полностью поддерживающих здесь – 43,2%. Из этих цифр следует, что доминантная партия должна быть, но это не означает однопартийности.

Больше всего согласных в блоке демократических концептов с идеологемой о построении политической системы по образцу развитых западных стран. Полностью поддерживают – 49%, 79,2% – в сумме. Вообще казахстанцы в основе своей хотят жить по общим правилам, по которым живет мир. Казахстанское сознание мотивировано к тому, чтобы привлечь западные образцы и практики в нашу жизнь. Вплоть до тех, которые касаются жизни Голливуда. Для нас престижно, что мы живем так, как живет мир.

Десятое. Меньше половины твердых сторонников – у идеологемы по поводу частной собственности на землю – земля без хозяина – сирота. 48,2% одобряют ее бесспорно, 72,9% – в сумме со скорее, одобряющими. В национальном сознании с учетом его традиционных тенгрианских пластов сильны представления, которые выражаются одним словом «жер-ана». Поэтому считается предосудительным продавать землю. Такие представления и настроения очень сильны, что проявилось, в частности, в ситуации в связи с созданием СП в аграрном секторе с КНР на востоке страны. Национал-патриоты говорили чуть ли не о продаже казахстанской земли китайцам.

Одиннадцатое. Наконец, есть вопросы по идеологеме о центральной роли Казахстана в интеграционных процессах на евразийском пространстве. 78,5% опрошенных ее поддерживают. Противники идеологемы представляют лагерь национал-патриотов, национальное сознание которых призывает быть осторожными с интеграцией и не допустить утраты самостоятельности.

Важными компонентами идеологии развития страны являются индустриально-инновационное развитие и создание интеллектуальной нации.

Несмотря на то, что большинство населения лишь поверхностно знает о приоритетах индустриально-инновационного развития, оно поддерживает данное направление в государственной политике. Об этом твердо высказались 56,8%. О том, что скорее, поддерживают ГПФИИР – высказались 35,3% респондентов. В сумме в поддержку государственной политики индустриально-инновационного развития высказываются 92,1% опрошенных (табл. 30).

Отрицательно относится к индустриально-инновационному курсу государства 3,5% опрошенных, 4,4% – затруднились ответить.

Таблица 30

Поддерживаете ли Вы курс на индустриально-инновационное развитие Республики Казахстан?

%

Да	56,8
Скорее, да	35,3
Скорее, нет	2,0
Нет	1,5
Затрудняюсь ответить	4,4

Отрицательно относится к индустриально-инновационному курсу государства 3,5% опрошенных, 4,4% – затруднились ответить.

Из конкретных направлений реализации ГПФИИР большинство, в принципе, пользуется поддержкой, но далеко не все. Наибольший отклик нашла мера по усилению защиты интеллектуальной собственности – 82,8%. На втором месте – сокращение административных барьеров для бизнеса – 79,6%. Третья позиция – за отечественным производством автомобилей – 78%. 4-е место – приоритетность промышленной науки – 77,2%. Наконец, пятерку замыкает реализация масштабного проекта дорожного строительства «Западная Европа – Западный Китай» – 75%.

Таблица 31

Поддержка отдельных мер государственной поддержки индустриально-инновационной деятельности

%

	В целом согласен	В целом не согласен
1. Увеличение финансирования науки с 33 до 280 млрд. тенге в год, или до 1% к ВВП в 2014 г.	70,1	14,0
2. Акцент делать на развитие промышленной науки	77,2	15,1

Продолжение таблицы 31

	В целом согласен	В целом не согласен
3. Диверсификация экономики, т. е. перераспределение средств от продажи ресурсов в пользу обрабатывающей промышленности, производств с высокой добавленной стоимостью	73,3	9,5
4. Снижение налогов для бизнеса, который тратит деньги на науку и внедрение ее результатов на практику	73,1	16,9
5. Развитие атомного производства, создание новых предприятий ядерно-топливного цикла	25,2	68,7
6. Производство автомобилей на отечественных предприятиях	78,0	16,8
7. Максимальное замещение зарубежных лекарств отечественными препаратами	54,7	39,0
8. Создание зон свободных от налогов для развития отечественного туризма, расходы на Шымбулак и Бурабай	70,0	21,6
9. Введение обязательной нормы для спутниковых и кабельных ТВ, чтобы не менее 50% было казахстанские каналы	36,7	58,7
10. Реализация масштабного строительства автомобильной магистрали «Западная Европа-Западный Китай» через Казахстан	75,0	18,2
11. Введение оплаты за проезд по дороге «Астана-Бурабай»	26,2	61,1
12. Сокращение административных барьеров для ведения бизнеса	79,6	11,9
13. Усиление мер по защите интеллектуальной собственности	82,8	8,0

Между тем, отрицательные оценки преобладают по таким направлениям, как развитие атомного производства («за – всего 25,2%), введение оплаты за проезд по дороге

«Астана – Бурабай» (26,2%), введение обязательной нормы для спутниковых и кабельных ТВ, чтобы не менее 50% занимали казахстанские каналы (36,7%). Относительно слабая поддержка – по приоритету замещения зарубежных лекарств отечественными (54,7%).

То есть, наибольшую тревогу среди населения вызывает развития атомной промышленности. Эти настроения усилились за счет известных событий в Японии.

Интеллектуальная нация является основой для инновационного развития. Прошло 3 г. с момента объявления президентом данной идеи. Среди населения преобладает мнение, что интеллектуальная нация – это в первую очередь, культура (70,1%). На втором месте идет представление, что это, прежде всего, здоровая нация – 65,5%, на третьем – сильная и конкурентоспособная система образования – 62,4%, четвертом – нация, оберегающая свои традиции и национальные ценности – 61,2%.

Таблица 32

В 2008 г. Глава государства выдвинул идею создания в Казахстане «интеллектуальной нации». Что из перечисленного Вы считаете наиболее главным, а что менее в контексте «интеллектуальной нации?»

%

	Самый главный признак	Важный, но не самый главный	Наименее значимый признак	3/0
1. Интеллектуальная нация – это креативное, думающее население, стремящееся к образованию и повышению своей квалификации	56,2	37,2	3,6	3,0
2. Интеллектуальная нация – это сильная и конкурентоспособная система образования	62,4	30,9	4,2	2,5

Продолжение таблицы 32

	Самый главный признак	Важный, но не самый главный	Наименее значимый признак	3/0
3. Интеллектуальная нация – это самодостаточная и обеспеченная среда учителей и врачей	58,1	34,0	4,8	3,1
4. Интеллектуальная нация – это прежде всего здоровая нация, когда большинство населения ведет здоровый образ жизни	65,5	28,5	2,9	3,1
5. Интеллектуальная нация – это, главным образом, высокая культура	70,1	24,8	2,6	2,5
6. Интеллектуальная нация – это массовое освоение населением современных информационных технологий	53,1	36,2	7,3	3,4
7. Интеллектуальная нация – это люди, которые учатся и совершенствуются всю жизнь	52,4	36,0	8,2	3,4
8. Интеллектуальная нация – это общество, которое бережет свои традиции и национальные ценности	61,2	31,2	4,9	2,7
9. Интеллектуальная нация – это возможность для каждого повышать свою квалификацию и для людей старшего возраста, и для женщин, и для этнических меньшинств, и людей с ограниченными возможностями	59,7	30,3	6,8	3,2

В принципе, все представленные критерии подпадают под понятие «интеллектуальной нации», но относительно меньше респонденты рассматривают вопросы информационных технологий – 53,1% и принцип «учиться всю жизнь» – 52,4%.

При всей сложности понятия «интеллектуальная нация» большинство респондентов (88%) считают, что она может быть построена в Казахстане. 31% респондентов в этом совершенно уверены, 56,9% – скорее уверены, говоря об определенных обстоятельствах. Порядка 12% относительно построения интеллектуальной нации в Казахстане настроены скептически (табл. 33).

Таблица 33

**Считаете ли Вы возможным построение
в Казахстане «интеллектуальной нации?»**

%

	Всего	Казахи	Русские	Другие
Однозначно да	31,1	39,3	19,0	17,3
При определенных условиях да	56,9	52,0	62,4	68,0
Скорее, всего нет	9,4	6,7	14,0	12,7
Да, но не одно поколение должно сменится	2,6	2,0	4,5	2,0

Наиболее оптимистичны в плане возможностей построения интеллектуальной нации в Казахстане представители коренной национальности – 40%. Представители другой национальности чаще остальных говорят о необходимости создания условий или принятия специальных мер, способствующих созданию интеллектуальной нации – 68%. Однако, данной точки зрения придерживаются и большинство казахов – 52% и русских – 62,4%. Русских, больше, чем остальных, отличают скептические настроения – 14% сказали, что, скорее всего, построить интеллектуальную нацию не удастся.

В целом, по республике превалирует мнение, что у казахстанцев какой-либо особой одаренности от природы не имеется, а если даже она есть, то требует развития – 52%. Противоположной позиции придерживаются 45,6%, что, фактически, может говорить о разделенности мнений (табл. 34).

Таблица 34

**С каким из перечисленных высказываний
Вы бы согласились?**

%

	Всего	Казахи	Русские	Другие
У нас, т. е. у казахстанцев, есть особые природные данные	45,6	52,6	37,2	30,7
Особого дара у нашего народа нет, просто нужно учиться и постоянно работать над собой	52,0	46,1	59,1	64,7
Другое	1,1	0,5	1,7	2,7
Затрудняюсь ответить	1,3	0,8	2,1	2,0

В числе главных приоритетов для построения интеллектуальной нации респонденты выделили воспитание молодежи – 58,3%. В тройке идут качество образования и уменьшение коррупции – 50,4–50,5% (табл. 35).

Таблица 35

**По Вашему мнению, что более приоритетно для построения
«интеллектуальной нации» в Казахстане?**

%

Обратить внимание на повышение статуса и материального положения учителей, врачей, работников интеллектуального труда	40,3
Надо больше воспитывать молодежь, ее нравственные качества, патриотизм	58,3
Надо больше строить школ, больниц, вкладывать в инфраструктуру	31,6
Надо больше внимания уделять качеству образования	50,5
Надо сделать обучение населения массовым и непрерывным	11,7
Нужно просто уменьшить коррупцию, чтобы деньги на науку и образование не утекали в частный карман	50,4
Затрудняюсь ответить	1,1

Относительно реже респонденты выделяли вопросы непрерывности и массовости обучения – 11,7%, необходимости дальнейшего строительства школ, больниц – 31,6%.

В этом плане характерно мнение о поддержке проекта «Назарбаев Университета». Каждый второй из опрошенных одобряет реализацию этого проекта. Тех, кто не поддерживает, в 10 раз меньше. Между тем, каждый четвертый из опрошенных придерживается осторожной позиции, говоря о необходимости посмотреть на результаты университета. Только 17% опрошенных на момент опроса ничего не знали и не смогли ответить по «Назарбаев Университету» (табл. 36).

Таблица 36

Поддерживаете ли Вы создание в Астане Нового университета, который получил название Назарбаев Университет, выступающий альтернативой зарубежному образованию в нашей стране?

%

	Всего	18-29 лет	30-45 лет	46-60 лет	61 +
Поддерживаю	49,3	48,4	48,3	51,7	49,6
Не поддерживаю	9,2	11,1	8,5	7,5	9,6
Еще рано говорить, поскольку Университет только открылся	24,7	21,3	26,6	26,7	24,3
Не могу сказать об этом ничего, так как до момента опроса об этом ничего не знали	16,8	19,1	16,6	14,2	16,5

Характерно, что создание «Назарбаев Университета» чаще поддерживает старшее поколение – респонденты в возрасте от 46 до 60 лет (51,7%). Молодежь – относительно реже – 48,4%. Доля неподдерживающих среди респондентов в возрасте до 29 лет составляет 11,1%. Это означает, что молодежь еще не прониклась в полной мере новым проектом.

При прямой оценке значимости проекта «Назарбаев Университет» почти две третьих респондентов назвали его важным шагом на пути к прорыву отечественного образования – 63,1%. Скептического мнения придерживаются 25,8% опрошенных (табл. 37).

Таблица 37

С каким из высказываний по поводу создания Назарбаев Университета Вы бы согласились?

%

	Всего	Менее 15 тыс. тенге	От 15 до 37 тыс. тенге	От 37 до 75 тыс. тенге	От 75 до 100 тыс. тенге	От 100 до 150 тыс. тенге	От 150 тыс.
Это – действительно важный шаг, который может способствовать прорыву отечественного образования	63,1	66,8	63,0	62,2	60,0	58,8	85,7
Университет – это не нужная трата денег, лучше было потратить на поддержку имеющихся в стране вузов	25,8	25,9	24,3	27,0	30,0	35,3	14,3
Другое	1,1	0,4	1,2	2,0	3,3	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	10,0	6,9	11,5	8,8	6,7	5,9	0,0

Чаще всего положительно проект «Назарбаев Университет» оценивают высокодоходные группы от 150 тыс. тенге и выше – 85,7%. Скептическое же мнение чаще высказывают средние слои.

Большинство опрошенных – почти 60% – поддерживают главную идею создания «Назарбаев Университета» – создание альтернативы отправке наших студентов за рубеж (табл. 38).

Таблица 38

**А для Вас или для Ваших детей,
что было бы лучше....**

%

Если бы они учились в своей стране, в Назарбаев Университете	59,4
Лучше учиться за рубежом в известных вузах, поскольку это считается престижным	25,2
Другое	3,1
Затрудняюсь ответить	8,4
В своей стране, но подешевле	0,8
Можно учиться в хорошем другом вузе Казахстана	1,6
Для моих детей нереально ни то, ни другое	1,5

Вместе с тем, каждый четвертый опрошенный продолжает считать, что лучше учиться за рубежом, т. е. ехать самим и получать диплом иностранного вуза.

Если смотреть шире, то модернизация отечественной системы образования по западным стандартам поддерживается большинством респондентов – почти 75%. (40,9% однозначно поддерживают, 34% – скорее поддерживают). Против выступают 19,2% респондентов (табл. 39).

Больше всего ратуют за модернизацию системы образования представители коренной национальности. 46,4% казахов полностью одобряют, 31,7% – скорее, одобряют реформы образования по международным моделям. Среди русских и других национальностей доля полностью одобряющих примерно на треть меньше, чем среди казахов.

Таблица 39

На Ваш взгляд, следует или не следует продолжать модернизацию отечественной системы образования в соответствии с западными стандартами?

%

	Всего	казахи	русские	другие
Да	40,9	46,4	32,6	32,0
Скорее да	34,0	31,7	38,0	36,7
Скорее нет	11,9	10,2	12,8	17,3
Нет	7,3	5,6	10,7	8,7
Затрудняюсь ответить	5,9	6,1	5,8	5,3

Порядка 60% респондентов понимают выгоды создания у себя в стране университета мирового класса и считают, что это – лучше для их потомства. На позиции, что лучше – учиться за рубежом, остаются 25,2% опрошенных.

«Назарбаев Университет» является важным шагом в модернизации отечественной системы образования. Это – новая модель, при которой мы адаптируем у себя лучшие мировые образцы образования, но с учетом нашей специфики. Сквозь эту призму дальнейшую модернизацию отечественной системы образования по западным стандартам поддерживают почти 75% респондентов. То есть, распространение опыта «Назарбаев Университета» будет оптимальным для Казахстана, поскольку среди респондентов нет ясности по конкретным механизмам дальнейшей модернизации системы образования. Например, прекращение защит диссертаций по старой системе поддерживают только 22% опрошенных, введения национальных научных советов – 18%, публикации на английском языке в мировых журналах – 11%.

В целом же, в пользу проекта «Назарбаев Университет» служит имя его основателя – Президента РК.

78,7% опрошенных заявили, что идеи президента отвечают их жизненным интересам и чаяниям. При этом 91,2%

опрошенных сказали, что президент способен доводить свои идеи до стадии практической реализации. Это можно расценивать как однозначный сигнал одобрения действий президента по модернизации как системы образования, так и научно-инновационной сферы в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенных исследований следует сказать, что Президент РК играет ключевую роль в формировании национальной идеологии. В модели Нурсултана Назарбаева сосредоточились передовые и наиболее оптимальные формулы достижения успеха с учетом национальных традиций и историко-культурного наследия нашей страны. Это является основой для обеспечения экономического прорыва и успешной адаптации Казахстана в современном мире.

Преимуществом Н.А. Назарбаева является то, что он не утрачивает внутренней, ментальной связи с группами населения, которые принято считать «простым народом», а в социологии – называть социальным большинством. При этом Глава государства является лидером элиты или, в терминах социологии, политического меньшинства. Наличие взаимосвязи с социальными массами позволяет Президенту тонко чувствовать движения социальной материи и специфику общественного мнения. Идеология развития, по формуле Назарбаева, заключается в укреплении мобилизационного потенциала нации, преодолении слабостей общества, унаследованных от прошлых исторических периодов или приобретенных в новое время. Главная забота Президента – заставить нацию производительно работать и творить собственное будущее. Все это – не так легко!

Одним из ключевых социальных вызовов, на который Президент РК должен был ответить – это преодоление геополитической, а вместе с ней – и социо-культурной замкнутости Казахстана. С этой целью Н.А. Назарбаев сформировал глобальное видение реконструкции международных отношений. Его составляющими являются концепты СВМДА, ШОС, антиядерное движение, реформирование ОБСЕ, гармонизация межцивилизационных отношений, в первую оче-

редь, между исламским и западным миром. Начиная с 2003 г. идеи Президента РК Н. Назарбаева вышли за рамки отраслевых направлений безопасности и экономики на новый, формационный уровень.

Вместе с тем, для реализации целей такого порядка Казахстану необходимо обеспечить внутреннюю материальную основу. Идеология без сильной экономики действовать не может, она будет несостоятельна. С учетом этого, вторым вызовом для Н.А. Назарбаева является модернизация экономики и выход ее на инновационный уровень развития.

На сегодня данная задача стала ведущей, для чего реализуется Государственная программа форсированного индустриально-инновационного развития Казахстана на 2010–2014 гг. Данная программа дала мощный импульс к индустриализации и росту инвестиций в технологические инновации. Однако на сегодня страна подошла к тому этапу, когда только мер государства – недостаточно. Необходимо увеличение творческой и инновационной отдачи со стороны общества. Для этого была сформулирована идея «интеллектуальной нации», которая в формате практических мер внедрена в деятельности Высшей научно-технической комиссии при правительстве, а также приоритетах научной деятельности Национальных научных советов Республики Казахстан. В рамках Государственной программы форсированного индустриально-инновационного развития наращиваются меры стимулирования инновационной активности производственной сферы. Таким образом, формируется мотивация творческой активности казахстанцев.

На пути социальной адаптации казахстанского общества необходимо решить и новую задачу – перестройку доминантных консервативных настроений в русло саморазвития. Менталитет казахстанцев отличается достаточной пластичностью и склонностью к подвижности, мобильности. Од-

нако ускоренная модернизация, неизбежная для сохранения независимости страны в условиях глобализации, создала значительные стрессы для общественного сознания. Данные стрессы возникли в силу перехода в сжатые по историческим меркам сроки из геополитической и геоэкономической периферии на магистральные маршруты мирового развития. Определенная часть населения оказалась не готовой к переходу, что сказалось на возникновении мер «социального иммунитета», при котором усиливаются защитные механизмы, «блоки» и отпор новым тенденциям.

В ответ на модернизационные сигналы возникли контрмодернизационные действия. Это проявляется в росте национал-патриотизма и религиозности в патриархальном русле. Часть населения желает возврата к прошлому и традиционности. На первых этапах независимости это была попытка определить собственное место в исторической системе координат. Однако сегодня это становится механизмом прямого противодействия модернизации. Проявлением этого является возникновение инцидентов с религиозно-экстремистским оттенком.

На настроения людей наслаиваются различные информационные потоки и политические воздействия. Казахстан стал открытой страной, и влияние различных геополитических направлений – вполне нормальное явление. Однако в идеологическом отношении Казахстану теперь предстоит ответить еще на один вызов. Он заключается в том, чтобы, стремясь к сохранению независимости в условиях практически полной открытости для всех стран мира, не дать возможности победить национальному радикализму.

В настоящее время в Казахстане возникли два конкурирующих между собой идейно-политических потока – религиозный и национальный. Различия между ними носят больше символический характер, однако могут существенно влиять на содержание дальнейшего развития Казахстана.

Нашей республике предстоит подтвердить состоятельность концепции светского государства. На это и направлено принятие нового Закона «О религиозной деятельности и религиозных организациях».

С другой стороны, необходимо без впадения в крайности укреплять базовые преимущества национального менталитета казахстанского общества, в особенности, сосредоточенного в рамках государствообразующего этноса. Одним из таких преимуществ является свойство казахского народа объединяться в условиях значительных внешних угроз. Данная черта национального менталитета превосходно себя проявила в рамках внеочередных президентских выборов, прошедших 3 апреля 2011 г.

Важнейшим преимуществом казахов является номадический характер. Это означает открытость и социальную мобильность. Эти свойства как никогда, пригодятся сегодня. Казахи способны создать казахстанскую нацию в составе различных этносов и народностей, которая будет подчинена общенациональным целям. Однако для развития данной способности нужны политические стимулы и Президент РК Н.А. Назарбаев их обеспечивает. Индикаторами этого является вхождение в пул элитных государственных программ высшего уровня государственной программы развития языков, а также наметившаяся модернизация института межэтнического согласия – Ассамблеи народа Казахстана.

Казахстан подходит к новому этапу своего политического развития. Хронологически он будет связан с предстоящими парламентскими выборами. Дальнейшая демократизация также является крупным вызовом развитию нашей страны. В условиях внешних угроз, в особенности, связанных с кризисными явлениями в мировой экономике, нестабильностью в арабском мире высок соблазн правоавторитарных тенденций или, как это проще называется, практики «затягивания

гаек». Президентом в рамках мер политической модернизации от 2007 и 2008 гг. созданы условия для значительного укрепления партийно-идеологического плюрализма.

Партийно-политическая реформа, связанная с переходом к системе доминантной партии в 2006 г., была своевременной и позволила без существенных политических издержек преодолеть кризис 2008–2009 гг. Однако однопартийный парламент является уязвимым местом для Казахстана, с учетом его активной международной роли, а также обретенного статуса страны, делающей значительный вклад в дело укрепления эффективности ОБСЕ. Дух Астаны декабря 2010 г. обязывает Казахстан проводить дальнейшие политические реформы.

Движение в сторону демократии необходимо делать не только по причине участия Казахстана в ОБСЕ. Это следует делать, в первую очередь, для будущего страны. Инновационная экономика, на которую нацелен сегодня Казахстан, возникает в условиях благоприятной внутренней среды, как для бизнеса, так и для ученых. В этой связи, помимо политической модернизации, Казахстану надо будет ответить еще на вызов повышения эффективности самого государства, административной системы.

В целом, за 20 лет независимости в Казахстане создан работающий государственный механизм. Вызовы и угрозы для экономики и политической системы будут возникать всегда. Главное, чтобы государственная система могла гибко на них реагировать, для чего нужно дальнейшее развитие самостоятельности и самодостаточности самого общества и его структур. С учетом этого, казахстанская модель развития должна плавно трансформироваться в сторону подъема человеческого капитала. Инвестиции в человека – есть инвестиции в будущее.

Решению всех этих проблем способствует идеологический концепт развития Казахстана по модели Нурсултана Назарбаева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казахстанская правда. – 2011 г., 4 апреля
2. **Назарбаев Н.А.** Казахстанский путь. – Караганда, 2006.
3. **Почепцов Г.Г.** Имиджелогия. – М., 2001.
4. **Габдуллина К.Г.** Глобализация мирового сообщества: системное видение современного казахстанского общества / Социология Казахстана в условиях глобализации: состояние, проблемы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции. – Астана, 2006.
5. **Машан М.С.** Казахстанский «барс» и азиатские «тигры» // Казахстанская правда. – 2005. – 22 апреля.
6. **Ли Куан Ю.** Сингапурская история: из третьего мира в первый. – М., 2005.
7. **Назарбаев Н.А.** Стратегия независимости. – Алматы: Атамұра, 2003. – 312 с.
8. **Видова О.** Нурсултан Назарбаев: портрет человека и политика. – Алматы, 1998.
9. **Касымбеков М.Б.** Первый. Очерки о Президенте Республики Казах-стан. – Астана, 2008.
10. **Кушлин В.И., Спицын А.Т.** Государственный деятель, ученый, стратег. Вступительная статья / Назарбаев Н.А. Стратегия трансформации общества и возрождения Евразийской цивилизации. – М., 2002.
11. **Назарбаев Н.А.** Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. – Алма-Ата: Дәуір, 1992.
12. **Назарбаев Н.А.** Выступление на открытии шестой сессии Парламента Республики Казахстан / В кн.: Президенттің бір жылы 2004. – Астана, 2004.
13. Қазақстан Республикасы Тұңғыш Президентінің Музейі. – Астана, 2007.

14. Сообщение Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан «Об итогах состоявшихся 10 января 1999 г. выборов и регистрации избранного Президента Республики Казахстан» // Казахстанская правда. – 1999 г. – 16 января.

15. **Шаукенова З.К.** На посту председателя ОБСЕ Казахстан задал высокую планку // <http://ncgp.kz>.

16. **Недельский В.О.** Глобальные цивилизационные трансформации в зеркале политической науки // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2007. – № 6.

17. **Назарбаев Н.А.** Стратегия «Казахстан-2030» в действии: десять лет успеха. Выступление Президента Н.А. Назарбаева на конференции, посвященной 10-летию Стратегии «Казахстан-2030» // Казахстанская правда. – 2007. – 13 октября.

18. **Веттерберг Г.** Новое общество. О возможностях общественного сектора / Пер. со шведского. – М., 1999.

19. **Никовская Л.И., Якимец В.Н.** Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2007. – № 1.

20. **Бурдые П.** Дух государства: генезис и структура бюрократического поля, политика и поэтика // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М., 1999.

21. **Хабермас Ю.** Вовлечение другого: очерки политической теории. – М., 2001.

22. **Чуча О.Л.** Типы установок в процессе чтения поэтических текстов // Вопросы психологии. – 2008. – № 4.

23. **Машан М.С.** Политическая система Казахстана: трансформация, адаптация, целедостижение. – Алматы, – 2000.

24. **Соколов М.М.** Величие классиков. Скромная попытка преодолеть пропасть между институциональными и интеллектуальными объяснениями // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2007. – № 4 (84).

25. **Назарбаев Н.А.** Ключи от кризиса // Российская газета (центральный выпуск). – 2009. – 2 февраля.

26. **Уразалиева Г.К.** Назарбаев: Семь простых вопросов и бесконечно сложные ответы о мировом кризисе // Казахстанская правда. – 2009. – 19 февраля.

27. В контексте радикального обновления // Казахстанская правда. – 2009. – 13 февраля.

28. **Назарбаев Н.А.** Критическое десятилетие. – Алматы, 2003.

29. Казахстанская правда. 2011 г., – 2 сентября

30. **Неккель З.** Дизайн эмоций. Самоуправление чувствами как культуроведческая программа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11. Социология: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2006. – № 3.

31. **Далберг Л.** Публичная сфера по Хабермасу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социальной психологии. – М., 2006. – № 1.

32. **Мали С.** Роль религии в постсекулярном обществе. О философии религии Ю. Хабермаса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11. Социология: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2006. – № 3.

33. **Тажин М.М.** Миф есть нечто, отличающееся от реальности. Интервью с первым заместителем руководителя

Администрации Президента Республики Казахстан // Асар Казахстан. – 2004. – 10 мая. – № 5.

34. **Тажин М.М.** Казахстан в Глобальном Мире. Выступление в «Фонде Карнеги по поддержанию мира во всем мире» (Вашингтон, 3 октября 2008 г.) // <http://www.zakon.kz/our/news/news.asp?id=30207849>.

35. Социальная модернизация казахстанского общества: достижения, проблемы и перспективы: Материалы IV конгресса социологов Казахстана. – Алматы, 2011. – 568 с.

36. **Сорос Дж.** Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 192 с.

37. **Назарбаев Н.А.** Выступление на открытии Второго съезда лидеров мировых и традиционных религий // Казахстанская правда. – 2006. – 13 сентября.

38. **Менар Г.** Ирак: домыслы и реальность. Мнения экспертов // Красная звезда. – 2003. – 18 марта.

39. **Телебаев Г.Т.** Религиозная идентификация населения и религиозная ситуация в Республике Казахстан // СОЦИС. Социологические исследования. – 2003. – № 3.

40. Казахстанская правда. 2011, – 29 июня.

41. **Шаукенова З.К.** Качество образования – в носителях знаний // Казахстанская правда. – 2008. – 15 ноября.

42. Аль-Фараби Философские трактаты. – М.: Наука, 1970. – 430 с.

43. Дорога начинается с первого шага. Об участии Н.А. Назарбаева в конференции Боаского азиатского форума. КНР, о. Хайнань, 18 апреля 2009 г. // Казахстанская правда. – 2009. – 21 апреля.

44. Казахстанская правда. 2011 г., – 6 апреля

45. **Джунусова Ж.Х.** Социальная и политическая системы РК: асимметричность трансформации / Социальная структура современного казахстанского общества: сборник

материалов международной научно-практической конференции. – Астана, 2003.

46. **Назарбаев Н.А.** Казахстанский путь: от стабильности — через модернизацию — к процветанию. Выступление Н. А. Назарбаева на торжественном собрании, посвященном 15-летию независимости Республики Казахстан // Казахстанская правда. – 2006. – 16 декабря.

47. **Бабакумаров Е.Ж., Машанов М.С., Шоманов А.Ж.** Республика Казахстан: «красный» рассвет на пороге XXI века? (типы политического сознания и перспективы некоммунизма по результатам социологического опроса). – Алматы, 1996.

48. **Каипова Б.М.** Политические лидеры и политические элиты в социально-политической структуре Казахстана / Социальная структура современного казахстанского общества: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Астана, 2003.

49. **Ашимбаев М.С.** Политический транзит в Казахстане: содержание процесса и его особенности. – Алматы, 2001.

50. **Жангазы Р.** Точка невозврата / Выборы-2007 – новый этап в развитии политической системы Республики Казахстан. – Алматы, 2007.

51. **Перуашев А.Т.** Угрозы и возможности модернизации политической системы / Опыт демократических реформ на евразийском пространстве: сравнительные модели и практические механизмы: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Алматы, 2006.

52. Казахстан в современном мире: реалии и перспективы. – Алматы, 2008.

53. **Забирова А.** Теории и концепции процессов миграции в зарубежной социальной науке // Евразийское сообщество. – 2003. – № 2.

54. Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии: состояние и перспективы. – Алматы, 2008.

55. Кто мы, народ Казахстана? // Байтерек. – 2006. – Декабрь – № 6 (21). – С. 18-25.

56. **Масимов К.К.** Выступление в Мажилисе Парламента РК «Об уточнении республиканского бюджета на 2009 год» (Астана, 1 апреля 2009 г.) // <http://www.zakon.kz/our/news/news.asp?id=30398593>.

57. **Исмагамбетов Т.Т.** Особенности посттоталитарного развития электоральной системы Республики Казахстан. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. 23.00.02 – Политические институты и процессы. – Алматы, 1999. – 156 с.

58. **Бабакумаров Е.Ж., Булуктаев Ю.О., Кушербаев К.Е.** Казахстан сегодня: мир политических партий. – Алматы, 1995.

59. Аженов М.С. Электоральное поведение накануне выборов в Парламент РК // Менеджмент избирательной компании: материалы международной научно-практической конференции. – Алматы, 2004.

60. **Коновалов А.П.** Проблемы развития выборной системы в общественном мнении: региональные исследования электоральных кампаний 1999 и 2003 гг. / Опыт модернизационных реформ в Центральной Азии: модель и перспективы Казахстана: материалы международной научно-практической конференции. – Астана, 2004.

61. **Карпова Н.В.** Особенности формирования политической культуры в условиях российских трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2007. – № 4.

62. **Нозль-Нойманн Э.** Общественное мнение: открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. – М., 1996.

63. **Надиров Ф.С.** Политический процесс и политические партии в Иране во II половине XX века. Автореферат диссер-

тации на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности: 23.00.02: Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии. – М., 1991. – 24 с.

64. *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2008. – № 1 (93).

65. *Тихонова Н.Е.* Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа). Статья 1 // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2.

66. *Ертысбаев Е.К.* О выборах как индикаторе политических процессов и о некоторых проблемах становления политического плюрализма в Казахстане / Политическая система Казахстана: реалии и перспективы демократизации: материалы республиканской научно-теоретической конференции. Алматы, 1999.

67. *Черкасов Ю.П.* Процессы социально-политической стратификации казахстанского общества // Социальная структура современного казахстанского общества: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Астана, 2003.

68. Уильям Фрэнк Бакли-младший и возникновение американского консерватизма // ПОЛИС. Политические исследования. – 2008. – № 3.

69. *Суслопарова Е.А.* Великобритания: реформы и модернизация // ПОЛИС. Политические исследования. – 2008. – № 3.

70. Япония: гибридизация и гармонизация // ПОЛИС. Политические исследования. – 2008. – № 3 (105).

71. *Горшков М.К., Давыдов Н.М.* Историческое самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2005. – № 1 (73).

72. Агентство международной информации «Новости-Казахстан». – 2011, 23 августа.

73. Культура и экономическое развитие // <http://www.cato.ru/pages/69?idcat=376>.

74. Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева (Институт сравнительной политологии РАН, отв. ред. А.А. Галкин). – М., 2003.

75. **Алимова С.Б.** Амбивалентность социокультурной динамики Казахстана в условиях глобализации / Глобализация и вопросы социокультурной адаптации: Материалы II Конгресса социологов Казахстана. Часть первая. – Астана, 2005.

76. Опрос: Британцы – самые счастливые в Евросоюзе // [Утро.ua](http://www.utro.ua/news/2008/08/29/95487.shtml), 29 августа, 21:07 // <http://www.utro.ua/news/2008/08/29/95487.shtml>.

77. Испания опередила Италию по уровню ВВП на душу населения. Интервью ректора Миланского университета Марио Монти телеканалу «Euronews» от 2 апреля 2008 г. // <http://www.spain.org.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=5536>.

78. Путь в Европу: использование возможностей председательства Казахстана в ОБСЕ. Специальная образовательная программа для Правительства Республики Казахстан. – Лондон, 2008.

79. Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии / Под общ. ред. ГГ. Шахназарова. – М., 1982.

80. **Шаукенова З.К., Коновалов С.А.** Поиск «третьего пути» // Казах-станская правда. – 2008. – 22 апреля.

81. «Социолог – это не человек с анкетой...». Беседа с научным руководителем Института социально-политических исследований РАН, академиком РАН Г.В. Осиповым // Мониторинг общественного мнения. – 2005. – № 4 (76).

82. Приоритетные национальные проекты – идеология прорыва в будущее. Сборник / сост.: Иванов А.И., Казанцев В.О., Карпенко М.Б., Мейер М.М. – М., 2007.

83. *Алианов Р.* Вызовы мировой экономики. Современный кризис – волна за волной, или пять в одном. Часть 1-я // Казахстанская правда. – 2009. – 9 января.

84. Финансовые гуру: апокалипсиса не случится // <http://www.finansmag.ru/articles/5070>.

85. *Мойзи Д.* Америка вне всяких сомнений, способна оправиться от кризиса гораздо быстрее Европы // <http://www.euronews.net/ru/article/16/01/2009/dominique-mosi-author-political-analyst/>.

86. Минобороны Британии назвало главные мировые проблемы в ближайшие три десятилетия // 10.04.2007 <http://www.interfax.kz>.

87. *Валитова З.Х.* Влияние глобализации на социокультурное расслоение современного общества / Социальная структура современного казахстанского общества: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Астана, 2003.

88. *Ахметова Г.К.* Социальное самочувствие как интегральный показатель социальной адаптации / Менеджмент избирательной компании: материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 2004.

89. *Шоманов А.Ж., Галямова Д.Р.* Социальное самочувствие казахстанцев: социально-демографическое измерение / Опыт модернизационных реформ в Центральной Азии: модель и перспективы Казахстана: материалы международной научно-практической конференции. – Астана, 2004.

90. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма (статья первая) // СОЦИС. Социологические исследования. – 2001. – № 1.

91. *Илеуова Г.Т.* К вопросу гражданской идентичности в РК / Опыт модернизационных реформ в Центральной Азии:

модель и перспективы Казахстана: материалы международной научно-практической конференции. – Астана, 2004.

92. Жизнь в переходный период. Социологическое исследование опыта и мнений людей // Доклад Европейского банка реконструкции и развития об итогах сравнительного исследования в странах Центральной и Восточной Европы, Балтии, Юго-Восточной Европы, СНГ и Монголии, 2004. – 83 с.

93. **Каазе М.** О политическом действии и не только. Доклад на специ-альной пленарной сессии президента МАПН на XX Всемирном конгрессе Международной ассоциации политической науки «Работает ли демократия?», 13 июля 2006 г. (Фукуока, Япония) / Пер. с англ. Л.В. Сморгунова // <http://politex.info/content/view/264/40/>.

94. **Коновалов С.А.** Преимущества и резервы развития Казахстана с точки зрения общественной психологии // Казахстанская правда. – 2008. – 12 февраля.

95. **Петухов В.** Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан: есть ли точки соприкосновения? // Свободная мысль. – 2006. – № 4 (1566).

96. **Задорин И., Шубина Л.** Восприятие социальных рисков и угроз в странах СНГ. // Саясат-Policy. – 2007. – №7 (143).

97. **Кондыбай С.** Казахская мифология. Краткий словарь. – Алматы, 2005.

98. **Задорин И.В.** Доверие президентам как фактор социального само-чувствия населения: межстрановые сопоставления // Астана: триумф Казахстана и его лидера: программа международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию Астаны. – Алматы, 2008.

99. **Ковель Э.** Казахстан – страна непуганых оптимистов // <http://ia-centr.ru/expert/2500/>.

100. **Балацкий Е.В.** Методы диагностики социального самочувствия населения // Мониторинг общественного мн-

ния: экономические и социальные перемены. – 2005. – № 3 (75).

101. **Травкина Н.М.** Выборы-2008: время внесистемных политиков? // США-Канада. Экономика-Политика-Культура. – 2008. – 9 (465).

102. **Тажимаева С.Ж., Козырев Т.А.** Роль символов в становлении национальной идентичности и вклад Первого Президента Республики Казахстан в развитие казахстанской символики / Роль личности в истории: материалы международной научно-практической конференции / Под науч. ред. М.Б. Касымбекова, С.Ш. Аязбековой. – Астана, 2007.

103. **Зайниева Л.Ю.** Стратегический ресурс общества / Роль личности в истории: материалы международной научно-практической конференции. – Астана, 2007.

104. **Абдирайымова Г.С., Садвокасова А.К.** Наука как ценность в социальной ориентации молодых ученых Казахстана // Sаясат-Policy. – 2008. – № 5 (153).

105. Казахстанская молодежь на рубеже веков. – Астана: Елорда, 2000.

106. И ближе стала глубина веков (Н. Курпякова, Б. Кадыров, С. Нестеренко) // Казахстанская правда. – 2007. – 15 февраля.

107. **Татимов М.Б.** «Бэби-бум» по-казахстански // Казахстанская правда. – 2008. – 16 февраля.

108. Выступление Жана Кретъена, бывшего премьер-министра Канады / Казахстан: диалог с Западом: международная конференция, посвященная вопросам отношений со странами Запада и геостратегическим интересам Республики Казахстан. – Алматы, 2005.

109. **Джампеисова Ж.** Казахское общество и право в пореформенной степи. – Астана, 2006.

110. **Аджигалиев С.** Культурно-исторические инновации в традиционной системе скотоводческого поселения каза-

хов середины XIX века (к во-просу о генезисе стационарных кыстау» / Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации: материалы международной конференции. – Алматы, 1995. – 370 с.

111. *Абылхожин Ж.Б.* Силовая политика перевода кочевников на оседлость // Большой атлас истории и культуры Казахстана. – Алматы, 2008.

112. Идеологические течения Казахстана // http://www.neonomad.kz/styleneonomad/moda/index.php?ELEMENT_ID=2321.

113. В каждом сердце — родная страна. О выступлении Президента Н.А. Назарбаева на XII сессии Ассамблеи народа Казахстана // Казахстанская правда. – 2006. – 25 октября.

114. Голограмма_успех // Men's Health в Казахстане. 2007. – Ноябрь.

115. *Сабитов Р.* Массовое политическое сознание: междисциплинарный обзор // Евразийское сообщество. – 2004. – № 3 (47).

116. *Гали А.* Национальный ренессанс и задачи модернизации каза-хосферы / Глобализация и вопросы социокультурной адаптации: материалы Второго конгресса социологов Казахстана. Часть вторая. – Астана, 2005.

117. *Иренов Г.* Эволюция идеологии и общественного сознания Казахстана // Analytic. – 2008. – № 1.

118. *Уразалиева Г.К.* Казахстанская и казахская идентичность: конструирование в гражданском обществе / Гражданское общество и социальный прогресс в XXI веке: материалы второго конгресса социологов тюркоязычных стран и третьего конгресса социологов Казахстана. – Алматы, 2008.

119. *Қамзабекұлы Д.* Наурыз. Оның мәні мен сәні қандай? // Егемен Қазақстан. – 2009. – 17 наурыз.

120. *Машан М.С.* Посттоталитарная трансформация политической системы Казахстана. Диссертация на соискание

ученой степени доктора политических наук. 23.00.02 – Политические институты и процессы. Алматы, 2000.

121. **Темирбулат Б.Б.** Основные этапы институционализации системы партийного представительства в структуре государственной власти Республики Казахстан // *Analytic.* – 2007. – № 6.

122. **Тихонов А.А.** Эволюция партийной системы Бразилии в условиях режима «национальной безопасности» (1964–1982) / Партии в политической системе: сборник статей. – М., – 1983.

123. **Темирбулат Б.Б.** Роль Президента Республики Казахстан в развитии системы партийного представительства в структуре государственной власти / Роль личности в истории: материалы международной научно-практической конференции (г. Астана, 22 октября 2007 г.) / Под науч. ред. М.Б. Касымбекова, С.Ш. Аязбековой. – Астана, 2007.

124. **Сытин А.Г.** Эволюция представлений о существе демократии в западной политической мысли XX в. (основные тенденции) // *Вестник Московского университета.* – 2007. – № 6.

125. Сверяя курс демократических реформ // *Казахстанская правда.* – 2007. – 20 февраля.

126. **Назарбаев Н.А.** Новый этап демократизации Казахстана – ускоренное развитие свободного демократического общества. Выступление на совместном заседании палат Парламента РК (Астана, 16 мая 2007 г.) / Конституционная реформа – новый этап в развитии Казахстана: материалы «круглого стола». – Алматы, 2007.

127. **Шоманов А.Ж.** Внутривнутриполитические процессы в государствах Центральной Азии и их влияние на геополитическую обстановку в регионе / Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии в условиях политических и социально-экономических трансформаций: материалы международной научно-практической конференции. – Алматы, 2007.

128. **Шоманов А.Ж., Коновалов С.А.** Республика Казахстан. Политика // Центральная Евразия 2007. – Аналитический ежегодник. – Швеция, 2008.

129. **Надаис А.** Выбор избирательной системы // ПОЛИС. Политические исследования. – 1993. – № 3.

130. **Лейкман Э., Ламберт Дж. Ж.** Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем / Пер. с англ. Г.И. Морозова. – М., 1958.

131. Что вы ожидаете от парламентских выборов? (Материалы дискуссионного стола) // Саясат-Полісу. – 1999. – № 7.

132. Доклад о развитии парламентаризма в Республике Казахстан (выполнен в рамках проекта «Национальные доклады о развитии представительных институтов в государствах Центральной Азии и Азербайджане». – Астана, 2001.

133. **Лаки К.** Сравнительная таблица законов о выборах 12 стран // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. – 1994. – № 2 (7).

134. **Назарбаев Н.Ә.** Қазақстанды демократияландырудың жаңа кезеңі – еркін демократиялық қоғамды жедел дамыту. ҚР Президенті ҚР Парламенті палаталарының бірлескен отырысында сөйлеген сөзі // Егемен Қазақстан. – 2007. – 17 мамыр.

135. **Манақбаев Б.К.** Парламенттің депутаттық құрамын қалыптастырудың қазақстандық ерекшеліктері / Парламентаризм в Казахстане: состояние и перспективы развития: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Астана: Дизайн-бюро «Проксима», 2008. – С. 107–111.

136. **Темирбулат Б.Б.** Система партийного представительства социальных интересов как фактор политической безопасности / Безопасность: международная, региональная, национальная (системный подход): материалы международной научно-практической конференции, посвященной памя-

ти доктора политических наук, профессора М.С. Машана. – Алматы, 2007.

137. **Назарбаев Н.А.** Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира. Казахстан на пороге нового рывка вперед в своем развитии. Послание Президента народу Казахстана // Казахстанская правда. – 2006. – 2 марта.

138. «Жаңа Қазақстан – ұлттың ұлы идеясы». Елбасы Н.Ә. Назарбаевтың қазақстандық телеарналардың авторлық бағдарламалар жүргізушілеріне берген сұхбаты. // Егемен Қазақстан. – 2007. – 10 сәуір.

139. Прагматика политических реформ // <http://www.kazpravda.kz/print.php?chapter=1149894492>.

140. **Мамыров Д.** После Брюсселя... Какими будут политические реформы в Казахстане? 19 декабря 2006. // <http://www.ia-centr.ru/comments.php?id=278>.

141. **Шаукенова З.К.** Площадка политического диалога // Казахстанская правда. – 2007. – 30 марта.

142. **Шоманов А.Ж., Коновалов С.А.** Конституционная реформа способствует повышению конкурентоспособности страны // Аналитик. – 2007. – № 4.

143. Настрой — оптимистичный. // Казахстанская правда. – 2007. – 9 августа.

144. Естественный отбор. Интрига о преодолении 7-процентного барьера сохраняется // Литер. – 2007. – 11 августа.

145. Нет авансов, но есть конкуренция (В. Степанов) // Казахстанская правда. – 2007. – 24 августа.

146. Составлено по материалам информации Центрально-го аппарата НДП «Нұр Отан» в период 2006-2007 гг.

147. **Тажин М., Тажимбетов М.** Региональная социология: (учебное пособие). – Алма-Ата: Атамұра – Қазақ университеті, 1993.

148. Сообщение об итогах выборов депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан // Казахстанская правда. – 1999. – 19 октября.

149. Сообщение об итогах выборов по партийным спискам (19.09.2004 г.) // Казахстанская правда. – 2004. – 28 сентября.

150. Об установлении и опубликовании итогов выборов депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан четвертого созыва, распределении депутатских мандатов по итогам голосования по партийным спискам (22.08.2007) // http://election.kz/portal/page?_pageid=73,605627&_dad=portal&_schema=PORTAL.

151. **Тойганбаев А.** Технология мечты: сборник статей. – Алматы: Экспертный центр национальной стратегии, 2008. – 228 с.

152. Оценки предварительных итогов парламентских выборов в Казахстане // <http://www.alternativakz.org/index.php?go=News&in=view&id=28>.

153. **Сейдуманов С.Т.** Конституционная реформа и представительные органы власти // Конституционная реформа – новый этап в развитии Казахстана: материалы «круглого стола». – Алматы, 2007.

154. **Мусин А.Е.** Парламентаризм в Казахстане: состояние и перспективы развития // Парламентаризм в Казахстане: состояние и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции. – Астана, 2008.

155. **Айталы А.** Билік партиясы: социологиялық талдау / Социология Казахстана в условиях глобализации: состояние, проблемы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции. – Астана, 2006.

156. **Нарикбаев М.С.** Многопартийность как основное условие становления парламентаризма / Парламентаризм в Казахстане: состояние и перспективы развития: материалы

международной научно-практической конференции. – Астана, 2008.

157. *Ашимбаев Д.* Парламент Extra Light // Эксперт-Казахстан. – 2007. – 3 сентября – 10 сентября. – № 32 (134).

158. *Зиманов С.З.* Парламент Республики Казахстан: опыт и проблемы / Сборник материалов международной научно-практической конференции: Парламентаризм в Казахстане: состояние и перспективы развития. – Астана, 2008.

159. Политология: учебник для студентов высших учебных заведений / Под общей редакцией члена-корреспондента НАН РК, д.ф.н., профессора А.Н. Нысанбаева. – Алматы, 1998.

160. *Бабакумаров Е.Ж.* Социально-политические основы образования многопартийной системы в Республике Казахстан на современном этапе (1985–1995 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук (23.00.01 – теория политики, история политических учений, политических партий и движений). – Алматы, 1995. – 234 с.

161. *Кочетков А.П.* Политические партии и партийные системы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 1998. – № 6.

162. *Лейнхарт А.* Многосоставные общества и демократические режимы // ПОЛИС. Политические исследования. – 1992. – № 1-2 (7-8).

163. *Дьяченко С.А.* Реформирование партийно-политической системы Казахстана как важный фактор укрепления стабильности общества // Казахстан-спектр. – 1999. – № 1 (7).

164. *Кошкин С.Ю.* Избирательное законодательство в практике выборов в Индии в 80-е гг. / Избирательное право и выборы: сборник статей. – М., 1990.

165. Партии и партийные системы современной Европы / Проблемно-тематический сборник / Отв. ред. к.ист.н. В.П. Любин. – М., 1994.

166. В системе мировых координат (о выступлении Президента РК Н.А. Назарбаева на 17-й ежегодной сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ) // Казахстанская правда. – 2008. – 1 июля.

167. *Назарбаев Н.А.* Выступление на открытии второй сессии Парламента Республики Казахстан // Казахстанская правда. – 2008. – 3 сентября.

168. *Жумагулов Б.Т.* Роль политических партий в демократизации казахстанского общества / Опыт демократических реформ на евразийском пространстве: сравнительные модели и практические механизмы: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Алматы, 2006.

169. *Мухамеджанов Э.Б.* Избирательное право зарубежных стран. – Алматы, 1999.

170. *Назарбаев Н.А.* Послание Президента Казахской ССР Верховному Совету Казахской ССР // Казахстанская правда. – 1990. – 16 мая.

171. *Назарбаев Н.А.* Об ускорении рыночных преобразований и мерах выхода из экономического кризиса: [Послание Президента страны Верховному Совету Республики Казахстан] // Вести Казахстана. – 1994. – 11 июня.

172. *Назарбаев Н.А.* О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики на 1997 г.: [Послание Президента страны народу Казахстана] // Казахстанская правда. – 1996. – 8 октября.

173. *Назарбаев Н.А.* Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев: [Послание Президента страны народу Казахстана]. – Алматы, 1997.

174. *Ертысбаев Е.К.* Казахстан и Назарбаев: логика перемен. – Астана, 2001.

175. *Шаукенова З.К.* Социальная модернизация. В Послании Президента народу Казахстана сделаны новые акценты // Литер. – 2011, – 4 февраля

Для заметок

Для заметок

**ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН:
ОСНОВНЫЕ ИТОГИ
20-ти ЛЕТ НЕЗАВИСИМОСТИ**

Дизайн обложки
Верстка **Е.В. Игнатенко**

Подписано в печать 02.03.2012. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 19,75.
Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
050010, Алматы, пр. Достык, 87 «б»

Отпечатано в типографии ГКП «Алматы Жарнама»
г. Алматы